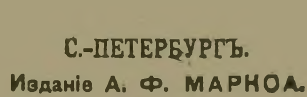
СОЧИНЕНІЯ

К. К. СЛУЧЕВСКАГО.

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Стихотворенія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1898.

СОЧИНЕНІЯ

К. К. СЛУЧЕВСКАГО.

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Стихотворенія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

Типографія А. Ф. Маркса. Средн. Подьяческая, № 1.

ОГЛАВЛЕНIЕ III ТОМА.

ПРИЗРАКЪ.

(Влад. Серг. Соловьеву.)

I.

Еще двѣнадцатаго года
Была близка святая быль,
Еще стучалъ въ толпахъ народа
Едва сколоченный костыль,
Еще слагалися преданья,
Чтобы безсмертной правдой быть;
Никто не могъ воспоминанья
Отъ шума жизни отличить;
Еще звучали смысломъ яснымъ
Всѣмъ, всѣмъ знакомыя слова:
Бородино и бой подъ Краснымъ,
Парижъ, и Лейпцигъ, и Москва;
Охотно шли плясать кадрили
И менуэты, и гавотъ,
Тѣ, кто теперь давно почили,
Кому, въ свой часъ, пришелъ чередъ...

—

Спустя три года по походѣ,
Скончался старый генералъ;
Онъ былъ, когда-то, очень въ модѣ,
И царскій дворъ его ласкалъ.

Въ шляхѐтскомъ корпусѣ воспитанъ,
Извѣстный всѣмъ артиллеристъ,
Онъ образованъ былъ, начитанъ;
Какъ балагуръ и бонмотистъ,
Былъ быстръ и ловокъ на реплики;
Самоувѣренъ, честенъ, гордъ,
Онъ у Голицына, въ ихъ кликѣ,
Былъ окрещонъ: «казачій лордъ».

—

И надъ могилой генерала,
Свѣжа, прелестна, молодà,
Марія, дочь его стояла,
У входа въ лучшіе года.
Едва отца похоронили —
Дѣдъ принялъ внучку; поселилъ
Въ своей усадьбѣ. Говорили,
Что онъ сурово поступилъ,
Что онъ увезъ ее некстати,
Ей быть затворницей—неслѣдъ,
Что лучшій цвѣтъ всей нашей знати —
Она; что этимъ гордый дѣдъ
Дразнилъ людей на склонѣ лѣтъ.

—

«Марія! Не люби Багрова,—
Дѣдъ часто внучкѣ говорилъ,—
Онъ ферлакýръ, не держитъ слова,
Онъ авантюрой вѣчно жилъ.
Тебѣ въ мужья онъ не годится,
Багровъ не добръ и не уменъ,

И мнѣ, подi—вотъ, часто мнится,
Что насъ съ тобой погубитъ онъ».
Но было поздно. Вся пылала
Марія пламенемъ любви!
Кому-же жизнь не подсказала
Въ свой срокъ: «Любовь идетъ! Лови!..»

—

Тамъ во дворцѣ, гдѣ бой за боемъ,
Въ рядахъ картинъ изображенъ,
Мундиръ гвардейцевъ тѣхъ временъ
Въ глаза бросается покроемъ.
Съ обброкъ грузныхъ киверовъ
Султаны стержнями торчали
И плавно маковки качали
Вдоль трехшереножныхъ рядовъ;
Срѣзая строй до половины,
Бѣлѣли толстыя лосины
Надъ верхнимъ краемъ сапоговъ;
У офицеровъ въ эполеты
Кистями бились этишкèты,
Качались шарфы при бокахъ,
И узко стянутыя тальи
Давали тонъ коръ-де-батальи,
И на разводахъ, и въ бояхъ.
Всѣ щеголяли, всѣ франтили!
Когда войска въ Парижъ входили,
Приказъ особый отданъ былъ:
Чтобъ безпардонная команда
Нестроевыхъ, денщичья банда

И прочій людъ обозныхъ силъ—
Въ Парижъ входили только ночью;
Чтобъ не видалъ Французъ воочью
Всѣхъ этихъ чуекъ, зипуновъ,
Бородъ нечесаныхъ, усовъ,
Чтобъ не испортить впечатлѣнья
Щеголеватаго вступленья
Такихъ красавцевъ, какъ Багреевъ...
Находчивъ, смѣлъ, самоувѣренъ,
Своимъ успѣхамъ въ свѣтѣ вѣренъ,
Какъ-бы годамъ не подчиненъ,
Какъ призракъ—тлѣнью не подвластенъ,
Всѣмъ чувствамъ, всѣмъ мечтамъ причастенъ,
Маріи вспоминался онъ.

II.

Зима... Усадьба... Ночь... Звонка̀
Льдамъ неподвластная рѣка.
Между нависшими снѣгами,
Струясь во тьмѣ подъ берегами,
Вдоль мощныхъ пней, большихъ корягъ,
Рѣка стучитъ и бьетъ волнами;
Наполненъ стонами оврагъ;
Объяты думой вѣковою,
Молчатъ курганы надъ рѣкою;
Ихъ притупленные верхи,
Какъ-бы въ защиту отъ сохи,

Прикрылись снѣгомъ. Мракъ густится,
И обликъ полночи давно
Къ Маріи смотрится въ окно;
Высь неба искрится, звѣздится,—
Три дня какъ оттепель, тепло.
Глядясь въ оконное стекло,
Къ нему вплотную прилегая,
Въ сіяньѣ ровномъ двухъ свѣчей,
Сирень прижалася, сверкая
Пушистымъ инеемъ вѣтвей...

—

Надолго обмерли сирени
Въ дыханьѣ мертвомъ зимней мглы!
Воспоминанья такъ свѣтлы:
Онъ былъ вотъ тутъ, сталъ на колѣни...
Онъ кисть сирени оторвалъ...
Въ цвѣточкахъ—счастья поискалъ!
Нашелъ! И не одно, а много,—
Была лиловая сирень.
Его отъѣздъ...Ея дорога...
Столица... Пляски каждый день;
И онъ вездѣ, и онъ повсюду...
О, сколько клятвъ! Что, если—лжи.
Отъѣздъ сюда... Къ добру, иль къ худу?
Въ возкѣ темно... Скрипятъ тяжи...
Опять деревня! Мракъ, изгнанье!
Но онъ сказалъ: я буду къ вамъ,
Для обрученья и вѣнчанья...

Ждетъ долго, счетъ потерянъ днямъ...
А между тѣмъ душа пылаетъ,
Мутится мысль... Вотъ проступаетъ,
Вполнѣ не смѣя проступить,
Сомнѣнье въ сердцѣ и вѣщаетъ:
Онъ лжетъ—нельзя его любить!

—

Вдругъ колокольчикъ... О, какъ ясно,
Какъ близко къ сердцу прозвучалъ!
Что, если? Милый мой... Какъ страстно
Тебя ждала я... Ты серчалъ,
Быть-можетъ, и не торопился...
Но какъ ты кстати возвратился...
Лицо къ окошку прислонивъ,
Марія смотритъ сквозь сирени...
Вотъ у воротъ; вотъ, своротивъ,
Близки къ крыльцу, скользнули тѣни
Отъ фонарей... О, ей-ли ждать?
Скорѣе ринуться, бѣжать!..

—

Бѣжитъ, всѣ двери распахнула!
Вотъ залъ, прихожая, крыльцо;
Вотъ холодомъ сѣней въ лицо
Повѣяло! Она взглянула:
Не онъ! «Извольте письмецо»! —
Ей кто-то вымолвилъ,—«безъ счета
У васъ тутъ, барышня, волковъ!
Ужъ вотъ была-бы намъ охота,

Когда-бы господинъ Багровъ!»
Взяла письмо. Чуть прикоснулась,—
Какъ-будто руку обожгла;
Всѣхъ оглядѣла, повернулась
И, надорвавъ конвертъ, пошла
Назадъ, въ прихожую, чрезъ зало,
До спальни; вонъ въ окнѣ сирень...
А сердце будто мертвымъ стало,
По тѣлу дрожь, а въ мысляхъ—тѣнь.

—

Письмо Багрова было ясно:
«Я вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ женатъ.
Мнѣ очень грустно, что напрасно
О насъ повсюду говорятъ.
Болтаютъ больше все старухи:
Но жалко, если до жены
Дойдутъ прикрашенные слухи:
Они и лживы, и темны,
У васъ въ усадьбѣ рождены.
Со мной разстались вы такими
Почти, какъ были до меня;
Салоны розсказнями злыми
Полны; мы служимъ сказкой дня.
Прошу васъ кончить поскорѣе.
Я говорю вамъ тѣмъ смѣлѣе,
Что самъ давно молчать готовъ
О томъ, что было. Петръ Багровъ».

—

Прочла... Вторично не читала.
Въ ней гордость голосъ подала,
Вся кровь ей къ сердцу прилила!
Она—которая молчала...
Она—которая ждала́...
Скорѣе къ дѣду! Онъ отвѣтитъ,
Онъ дастъ совѣтъ, онъ вразумитъ!
Идетъ... По залѣ полъ скрипитъ...
Изъ кабинета свѣчка свѣтитъ...
Да, да, тамъ помощь: дѣдъ не спитъ!
Въ ермолкѣ, въ стеганомъ халатѣ,
Онъ безъ движенія сидитъ,
Въ подушкахъ весь, въ шелку и ватѣ,
Весь въ завершившемся быломъ.
Склонясь надъ длиннымъ чубукомъ,
Блиставшимъ бисеромъ, фигурой
Массивенъ старый бригадиръ.
Надъ нимъ, подъ стеклами, мундиръ
Повѣшенъ; кожей темно-бурой
Обиты кресло, столъ; стѣна
Портретовъ и именъ полна.
Съ мѣсяцесловомъ на колѣняхъ
Старикъ, живая старина,
Готовъ былъ ночь сидѣть безъ сна.
Онъ взросъ въ дворцовыхъ перемѣнахъ
И внѣ дворца онъ прозябалъ;
Блистала лысина большая:
Привычкѣ старой измѣняя,
Дѣдъ парика не надѣвалъ,

И характерныя морщины
Еще съ тѣхъ поръ носилъ старикъ,
Когда въ вѣнокъ Екатерины
Чесма вплеталась и Рымникъ.

—

Уставши жить, дыша на ладанъ,
Дѣдъ внучку нѣжилъ и любилъ.
Приходъ Маріи былъ негаданъ,
Былъ неожиданъ. Дѣдъ закрылъ
Мѣсяцесловъ; не поднимая
Лица, взглянулъ онъ сквозь очки;
Печаль предчувствуя, не зная—
Въ чемъ дѣло, взялъ онъ изъ руки
Письмо... Прочелъ его въ молчаньѣ...
«Безстыдники!» дѣдъ прошепталъ...
Затѣмъ вдругъ вытянулся, всталъ
И—на какомъ-то восклицаньѣ
Всѣмъ тѣломъ грохнулся назадъ...
Хотѣлъ еще промолвить что-то...
Затѣмъ—предсмертная икота,
Померкъ очей открытыхъ взглядъ,
И, два-три вздоха,—и затѣмъ
Онъ безотвѣтенъ сталъ и нѣмъ...
И, безъ сознанья, безъ движенья,
Не пересиливши мгновенья,
Во тьмѣ полуночныхъ часовъ,
Склонилась внучка передъ дѣдомъ,
Ходившимъ нѣкогда къ побѣдамъ
Въ толпахъ Суворовскихъ орловъ.

III.

Отцвѣлъ въ свой срокъ подснѣжникъ бѣлый,
И одуванчикъ отошелъ,
И плодъ его пушистый, спѣлый
Свѣвался... Ландышъ тоже цвѣлъ;
Его едва-едва успѣли
Замѣтить—какъ пришелъ конецъ
Благоуханью. Заспнѣли
Тьмы васильковъ. Душа-пѣвецъ
Ночей весеннихъ, зорь горячихъ,
Во слѣдъ цвѣтамъ не отлеталъ;
Еще онъ въ паркѣ рокоталъ;
Глядѣлъ, какъ въ нѣдрахъ водъ стоячихъ
Прудовъ усадьбы поднималъ
Кувшинчикъ почки; какъ тянулись
Онѣ на свѣтъ изъ темныхъ водъ;
Пѣвецъ торопитъ ихъ, зоветъ...
И почки слышатъ, распахнулись,
Цвѣтами стали! Ихъ краса
Увлажена, кропитъ роса,
Лежатъ, плывутъ на влагѣ зыбкой...
Какъ не признать имъ жизнь—улыбкой?
О, еслибъ дать имъ голосà!
Цвѣты раскрытые взираютъ
На міръ, на пламенную ночь...
Онп пока еще не знаютъ,
Что полдни сушатъ и сжигаютъ,

Что вихрей имъ не превозмочь;
Они, въ довѣріи надежды,
Пройдя сквозь холодъ, тьму и глубь,
Все шире раскрываютъ вѣжды
И просятъ пѣсню: «Приголубь!»

—

Кто приголубитъ, приласкаетъ
Марію? Вотъ опять весна!
Ужъ въ третій разъ ее она
По смерти дѣда вновь встрѣчаетъ.
Въ своей усадьбѣ родовой
Она хозяйкой молодой
Осталась: дѣда завѣщанье
Вручило внучкѣ состоянье.
Безмолвна, сдержанна, мрачна,
Въ глухой тиши уединенья.
Склонялась временно она
На всевозможныя рѣшенья.
Убить! Кого? Себя убить?
Письмо напишетъ—рветъ страницу...
Она къ царю пойдетъ просить...
Нѣтъ, въ монастырь, подъ власяницу...
Нѣтъ, будетъ ждать, годами ждать...
Нѣтъ, станетъ молча умирать...
Нѣтъ, мстить ему... Она богата,
Ей можно все!.. Душа объята
Сомнѣньями... Не превозмочь
Тоски... И что ей съ красотою
Цвѣтущею? Жить пустотою

Нельзя... О, еслибъ въ мракъ и ночь
Уйти совсѣмъ, чтобъ тѣнь забвенья
Объяла, чтобы навсегда
Почить, безъ страха пробужденья—
Ни въ чувствѣ страстнаго влеченья,
Ни въ силу злобы, иль стыда!

—

Стыда... Она давно слыхала,
Что гдѣ-то подлѣ обитала
Пророчица, что на̀ домъ къ ней
Приходитъ множество людей,
Что даръ великаго ученья
Ей будто данъ, что есть и попъ
У нихъ—старикъ-кузнецъ Евтропъ;
Что по ночамъ у нихъ—верченье.
Что храмъ молитвенный—овинъ,
Что прямо отъ Христа починъ
У нихъ всѣхъ службъ и все священство,
Что святъ завѣтъ старинныхъ книгъ,
Въ стихахъ молебныхъ свой языкъ,
Что вѣра ихъ ведетъ къ блаженству.
Приводитъ душу къ совершенству,
Что, если къ ней причастнымъ быть,
То Богъ даетъ грѣхи забыть;
Что помраченными умами
Берутъ блаженство люди сами,
И что, молитвенно вертясь,
Душой вступаютъ съ Богомъ въ связь.

—

Чтò, еслибъ къ нимъ на испытанье?
Какой цѣною—все равно!
Хотя-бъ въ безумное дѣянье,
Но только прочь изъ ожиданья!
Вѣдь вотъ еще не такъ давно
Ей что-то Дуня говорила,
Служанка... Также приходила
Пророчица,—звалà взглянуть:
«Скучаешь, барышня!—сказала:
Пріиди, у насъ къ спасенью путь!»
Ну, что-же! Мало-ль, что бывало!
Да, да, взглянуть! Во чтобъ ни стало,
Забыться-бъ только какъ-нибудь!
Пускай, случайностью влекомы,
Всѣхъ чувствъ, всѣхъ помысловъ черты
Дадутъ глубокіе изломы—
Безумье лучше пустоты!
Да, да, такъ нужно! Кто узнаетъ?
Позвать пророчицу, попа!
Послать служанку! Нѣтъ, глупа:
Кругомъ по людямъ разболтаетъ!
Самой пойти? Но стыдъ смущаетъ...
Что стыдъ? И чей мнѣ страшенъ судъ?
Права, иль нѣтъ, что было—было,
Въ концѣ концовъ одно—могила;
Безумье—развѣ не пріютъ?
Скорѣй... Сегодня! Нѣтъ—зимою...
О, Господи! Я не вольнà!
Я стражду всей моей душою,

О, я совсѣмъ, совсѣмъ больна!
Какъ нѣжный водоросль, подхваченъ
И кинутъ вѣтромъ на песокъ,
Трепещетъ, нѣженъ и прозраченъ,
И долженъ сгинуть въ близкій срокъ,—
Такъ и Марія трепетала,
Вся смерти и бѣды полна:
Волна вблизи ея бѣжала—
Но далека была волна!

IV.

Іюль былъ знойный и сухой;
Вдругъ — слухъ упорный, неизмѣнный,
Что скоро Царь Благословенный
Проѣдетъ этой стороной!
И вѣсть за вѣстью налетаетъ
Въ деревню. Тутъ-ли не просторъ
Вступать вѣстямъ другъ съ дружкой въ споръ?
Но всѣхъ глубоко удивляетъ,
Что ѣдетъ Царь на Таганрогъ:
И городъ малъ, и путь далекъ...
Что ѣдетъ также и Царица
Дней черезъ семь Царю во-слѣдъ,
Что непригодна ей столица,
Придворный шумъ и этикетъ.
И мало-ль, что̀ еще бывало
Говорено; что̀ занимало

Умы досужіе людей—
Чѣмъ невозможнѣй, тѣмъ милѣй!
Но, слухамъ вслѣдъ, вдругъ жизнь мелькнула
Въ глуши дремотной, шевельнула
Сердца людскія, и вошло
Смятенье въ каждое село,
И скоро не было сомнѣнья:
Дней за десять до сентября
Пришло властей распоряженье,
Что у Маріи, для Царя—
Ночлегъ; нужны приготовленья
Къ нему, что дорогъ счетъ минутъ,
И утвержденъ Царевъ маршрутъ.

—

Проснулась сонная дорога!
Вездѣ въ пути по деревнямъ,
Чуть не у каждаго порога,
Стоитъ хлѣбъ-соль; а по дверямъ,
На окнахъ, по конькамъ избушекъ,
По изгородкамъ, вдоль клѣтушекъ
Все полотенца; по столамъ
Близъ избъ—иконы; непривычно,
На оба створа ихъ дверей,
Открыты паперти церквей;
Пути обкопаны отлично
Канавками; обновлены
Мосты; поставлены перила,
Нѣтъ выбоинъ, а много было!
Столбы въ пути, вдоль всей длины,

Въ три цвѣта вновь обведены;
Гдѣ были длинны перегоны,
Тамъ, подлѣ станцій временныхъ,
Средь непроглядныхъ чащъ лѣсныхъ
И ямщики, и почтальоны;
Снуетъ народъ, горятъ костры:
Мундиры всѣхъ родовъ пестры;
Коней согнали табунами,
И всѣ они подъ номерами;
Пѣгашекъ, сѣрыхъ, вороныхъ
Не счесть! У новыхъ сбруй ямскихъ
Звенятъ бубенчики; порою.
Случайно дрогнувъ подъ дугою.
Вдругъ колокольчикъ зазвенитъ;
Отъ лентъ надъ гривами пестритъ;
Въ пути разставлены пикеты:
Летитъ казакъ за казакомъ,
Они—живыя эстафеты.
Верстахъ въ пяти передъ Царемъ
Фельдъегерь скачетъ; въ мылѣ кони,
Онъ мчится—будто отъ погони;
И въ церкви каждаго села
Звонятъ во всѣ колокола...

—

Въ усадьбѣ шумъ и суматоха;
Такого въ ней переполоха
Не помнятъ. Отъ начала дня
Повсюду стукъ и бѣготня;
Ужъ сколько разъ зашли поповна

И попадья—взглянуть на домъ:
Какъ будетъ сдѣланъ въ немъ пріемъ?
Одна Марія хладнокровна,
По виду, правда, но свое
Исполнила. Она рѣшила,
Чтобы Царя въ дому ея
Былое время окружило!
Царь зналъ отца и дѣда зналъ...
Что́ бездѣлушекъ сохранялъ
Старинный шкапъ и кладовая
Съ вещами старыми, опять
Явилось къ свѣту, оживая,
Царя прошедшимъ окружать,
Глядѣть съ каминовъ, стѣнъ и полокъ!
Все чинно заняло мѣста!
Кровать старинная, и та
Надѣла свой поблеклый пологъ;
Подушки выросли надъ ней
Подъ цѣлымъ рядомъ вензелей;
И всюду, всюду проступали
Гирлянды свѣжіе цвѣтовъ,
И память мертвую годовъ
Въ живую зелень облачали...

V.

Былъ вечеръ свѣжъ, и ночь была
Тиха, безлунна, но свѣтла.
Царь съ Дибичемъ, а не съ Волконскимъ,

Какъ то̀ бывало много лѣтъ,
Пріѣхалъ; имъ Вилье во-слѣдъ
Со свитою. За па́ромъ конскимъ
Едва виднѣлся силуэтъ
Пріѣзжихъ. Люди набѣгаютъ
Отвсюду. Въ мылѣ четверня;
Дормёзъ въ пыли; порой звеня,
Бубенчики вдоль сбруи играютъ;
На козлахъ грузныхъ и большихъ
Сидитъ Илья, тотъ неизмѣнный
Лейбъ-кучеръ, важный и почтенный,
Что вдоль и вширь исколесилъ
Всю Русь, когда Царя возилъ.
Гораздо ниже, на сидѣньѣ,
Подъ вѐрхомъ, будто въ углубленьѣ,
Съ приподнятымъ воротникомъ
Шинели, съ Дибичемъ вдвоемъ
Сидѣлъ и Царь. Шинель спуская
Съ плеча, привсталъ; не торопясь
Сошелъ; къ фуражкѣ приложась,
Всѣхъ оглядѣлъ и, замѣчая
Хозяйку на крыльцѣ, въ дверяхъ,
Державшую хлѣбъ-соль въ рукахъ,
Пошелъ къ крыльцу...

—

Вполнѣ картинка —
Марія въ блескѣ фонарей,
Казалась выше и стройнѣй;
Скрывала плечи пелеринка;

Подъ перламутровымъ гребнёмъ
Коса свивалася кольцомъ;
Отъ таліи, схваченной высоко,
Сбѣгая къ низу до земли,
Недвижно складки платья шли;
Глаза свѣтилися глубоко
Навстрѣчу близкимъ фонарямъ.
Какъ-бы привыкшею къ Царямъ
Марія гордой и спокойной
Царю представилась. Тѣмъ днямъ
Обычай свойственъ былъ, достойный
Упоминанья: руки дамъ,
Хозяекъ, гости цѣловали,
Когда они къ нимъ въ домъ вступали;
Имъ Царь, сойдя, не пренебрегъ:
Онъ на обычаи былъ строгъ.

—

Царь показался ей усталымъ,
На много лѣтъ старѣе сталъ,
И по глазамъ глубоко впалымъ
Тревожный блескъ перебѣгалъ.
Царь весь, какъ-будто, опустился;
Фуражку онъ держалъ въ рукѣ;
На кирасирскомъ сюртукѣ
Георгій крохотный свѣтился.
Царю съ утра сообщено,
Передъ прибытіемъ въ усадьбу,
Зачѣмъ Марія такъ давно

Живетъ одна... Онъ зналъ про свадьбу
Багрова; онъ Багрова зналъ;
О немъ онъ память сохранялъ
Не лестную. Онъ вспоминалъ
Отца своей хозяйки, лорда
Казачьяго,—и, будто звукъ
Совсѣмъ далекаго аккорда
Забытыхъ дней, Царь вспомнилъ вдругъ,
Что зналъ и дѣда, той порою,
Когда, почти еще дитёю,
Въ живомъ расцвѣтѣ первыхъ силъ,
При бабушкѣ съ Лагарпомъ жилъ...
Объятый, противъ ожиданій,
Живымъ кольцомъ воспоминаній,
Царь незамѣтно просіялъ,
Входя съ Маріей въ длинный залъ.

—

Никто, согласно этикету,
Не шелъ—они вдвоемъ вошли!
Отъ лампъ, по чистому паркету
Дорожки свѣта полегли,
И мѣрный ходъ часовъ старинныхъ,
Въ углу стоявшихъ, темныхъ, длинныхъ,
Съ обычной выдержкой стучалъ.
Царь, осмотрѣвшись, шпагу снялъ,
Прошелъ спокойными шагами
По залѣ, у дивана сѣлъ;
Маріи подлѣ сѣсть велѣлъ...

Царь.

Такъ это вы? Зачѣмъ не съ нами?
Зачѣмъ вы здѣсь, въ такой глуши?
Такъ молоды, такъ хороши...

Марія.

Я, Государь, совсѣмъ отстала...
Отъ всѣхъ...

Царь.

Со смерти генерала
Какъ много миновало лѣтъ?

Марія.

Седьмой ужъ годъ идетъ.

Царь.

А дѣдъ?
Лагарпа другъ, онъ позже умеръ?

Марія.

Прошло три года, Государь.

Царь.

Подъ Богомъ всѣ, у всѣхъ свой нумеръ,
И свой чередъ теперь, какъ встарь.
При бабушкѣ Екатеринѣ
Вашъ дѣдъ былъ въ бригадирскомъ чинѣ,
На всѣхъ куртагахъ и балахъ

Онъ часто видѣнъ былъ въ рядахъ
Придворныхъ. Я совсѣмъ не знаю,
Какъ онъ исчезъ? Подозрѣваю:
Съ Мамоновымъ онъ близокъ былъ...
Отецъ вашъ, — помню, мнѣ служилъ!
Подъ Дрезденомъ, сказать вамъ смѣю,
Не вѣрилъ я моимъ глазамъ, —
Свою онъ вывелъ батарею
По невозможнымъ крутизнамъ,
Подъ стать не ко́нямъ, а коза̀мъ ..
Позднѣй, при Фершампенуазѣ, —
Объ этомъ отдалъ я въ приказѣ, —
Онъ, заскакавъ французамъ въ тылъ,
Картечью ихъ резервы сбилъ...
Затѣмъ, не проходило бала
Безъ прибаутокъ генерала;
Былъ—остроуміе само́;
Я помню нѣсколько бонмо́...
Вы слышали о нихъ, конечно?

Марія.

Да, Государь.

Царь.

Я радъ сердечно,
Что случай къ дочери привелъ!
Съ ущербомъ вашему покою.
Я безпорядокъ произвелъ
У васъ; но памятью живою

Отца и дѣда защищенъ,
Я, смѣю думать, что прощенъ?
Вы мнѣ позволите немного
Оправиться? Трудна дорога;
Я постарѣлъ, усталъ въ пути!
Вашъ домъ великъ,—гдѣ мнѣ, скажите...
Куда прикажете идти?
Но только къ чаю приходите,
Чтобъ вмѣстѣ пить; поговоримъ,
Припомнимъ и совѣтъ дадимъ...

—

Царь всталъ. Марія не вставала:
Она еще рѣчей ждала...
Царь понялъ. Ласкова, свѣтла,
Въ лицѣ улыбка заиграла;
Онъ, руку давъ, помогъ ей встать,
Дорогу въ домѣ указать.

—

Подъ утро только задремала
Марія. Какъ глубоко спитъ!
Она всю ночь соображала,
Что Царь въ дому ея гоститъ.
Царь! И какой еще? Милльоны
Сердецъ давно-ли онъ увлекъ
Въ защиту вѣры и короны?
Пылалъ пожарами востокъ;
Стремился воинства потокъ;
Убитыхъ церковь поминала.
Живые жались къ знаменамъ...

И этотъ Царь — онъ тутъ, онъ самъ!
Бесѣду велъ... Чай наливала...
Давно-ли по столбцамъ газетъ
За нимъ слѣдилъ весь Божій свѣтъ?
Разсказамъ мѣста не хватало,
И царскій обликъ виденъ былъ
Среди порывистаго шквала
Событій — тамъ, гдѣ Богъ вершилъ...
И вотъ онъ тутъ, онъ почиваетъ!
Ея деревни мирный сонъ
Царя собою обнимаетъ!
Какъ ласковъ Царь! Какъ складно онъ
Разсказывалъ и какъ смѣялся!
И сонъ къ Маріи надвигался,
Усталость дня свое взяла,
Она заснула и спала,—
Спала, объятая видѣньемъ,
Въ которомъ путались въ одно:
Пріѣздъ Царя, съ его значеньемъ,
Овинъ съ таинственнымъ верченьемъ,
И что̀ Царемъ говорено,
Пророчица и обликъ дѣда,
Евтропъ, сраженія, побѣда,
Звонъ, свѣтъ, большое торжество,
И въ этомъ хаосѣ мельканья
Такъ необычно яркихъ сновъ,
Впервые, противъ ожиданья,
Отсутствовалъ одинъ Багровъ...

—

Ночь миновала. Часъ отъѣзда...
Уже собрались близъ подъѣзда
Толпы крестьянокъ и крестьянъ.
Предъ нихъ подвижною стѣною
Старикъ съ высокою клюкою,—
Галунный на плечахъ кафтанъ,
То сельскій староста; учитель
Церковной школы — сочинитель
Стиховъ, представленныхъ Царю;
Священникъ, онъ въ эпитрахили.
Съ крестомъ въ рукѣ. На мѣстѣ были
Всѣ власти... По календарю
Нѣтъ праздника, но надъ толпою
Нежданной радостью такою
И свѣтлый праздникъ не горитъ!
Въ конюшнѣ шумъ. Туда спѣшитъ
Самъ губернаторъ; къ водопою
Ведутъ коней, пора впрягать...
Вдругъ слухъ; съ отъѣздомъ обождать!
Что государево желанье
Свое продолжить пребыванье,
Въ усадьбѣ лишній день пробыть,—
Все отказать, все отмѣнить...

VI.

Проснулся царь часу въ восьмомъ.
Былъ тихъ, вполнѣ беззвученъ домъ.
Сквозь кружева и по узорамъ,

По краскамъ пòлога сквозилъ
Чудесный день. Царь отклонилъ
Немного пòлогъ этотъ; взоромъ
Онъ стѣны комнаты обвелъ...
Ему казалось — онъ вошелъ
Въ дни юности! Такъ походила
Вся комната, все что въ ней было:
Убранство стѣнъ, шкаповъ, стола,
Къ убранству Царскаго Села
На той дворцовой половинѣ,
Гдѣ въ дѣтствѣ, при Екатеринѣ,
Какъ лучшій перлъ дворца хранимъ,
Онъ былъ такъ искренно любимъ.
Давно знакомые портреты
Чередовались: парики,
Камзолы, рясы, эполеты,
И кивера̀, и клобуки!
И цѣлый сонмъ людей похода,
Людей двѣнадцатаго года,
Былъ тоже здѣсь, весь, весь сполна,—
Глядѣли со шкаповъ, съ коммода;
Живой казалася стѣна,
Лучами дня позлащена!

—

Привычку дѣтства исполняя,
Царь всталъ, молитву сотворивъ;
Безъ постороннихъ быть желая,
Одѣлся самъ, не позвонивъ.
Домъ обстановкою старинной,

Благообразной, строгой, чинной,
Весь въ памяти прошедшихъ дней,
Какъ-будто нѣкій мавзолей,
Царя объялъ, его, живого,
Всей жизнью милаго былого...
Царь былъ безмолвенъ и одинъ.
Прошелся подлѣ стѣнъ; взирали
Портреты, будто провожали
Очами: Зубовы, Рѣпнинъ,
Самойловъ, Панинъ, Головинъ,
Кутузовъ, Витгенштейнъ, Суворовъ,
Барклай, Мамоновъ, Кочубей...
Какъ много памятныхъ людей!
Вонъ, будто уклонясь отъ взоровъ,
Въ углу, весь въ скромности своей,—
Лагарпъ! Похожъ: съ повязкой бѣлой
На шеѣ, въ черномъ сюртукѣ,
Съ какой-то книжкою въ рукѣ...
Царь смотритъ: подпись! Побурѣлой
Она виднѣлась подъ стекломъ,
Но этотъ почеркъ такъ знакомъ
Царю; нагнулся Царь; читаетъ:
«Малѣйшее изъ добрыхъ дѣлъ
Все остальное извиняетъ!
Лагарпъ.» Такое-то число,
Годъ, мѣсяцъ, Царское Село!

—

Слова учителя звучали
Такъ ясно... Не глаза читали,

Коснулись слуха звуки словъ,—
Такъ сильно было впечатлѣнье!
Царь слышалъ будто шумъ шаговъ
Какихъ-то,—слышалъ дуновенье...
Казалось, кто-то шелъ вблизи,
Шелъ вдоль невѣдомой стези,
Надъ гладко блещущимъ паркетомъ,
И въ комнатѣ, залітой свѣтомъ,
Безсмертье вѣяло кругомъ
Своимъ безвѣтреннымъ крыломъ
И по Царю, и по портретамъ...

—

Царь оглядѣлся—никого!
Да что̀-же жі̇во? Что̀ мертво̀?
Прошелъ къ окну. Твердь голубая,
Въ листвѣ желтѣвшей проступая,
Сіяла ярко. Отворивъ
Окно и голову склонивъ
Къ оконницѣ, Царь грудью полной
Вдыхалъ цѣлебный воздухъ; волны
Здоровья, силъ и тишины
Вливалися изъ глубины
Тѣнистой сада, и на нихъ
Въ своихъ одеждахъ росписныхъ,
Другъ дружкѣ путь перебивая,
Четыре бабочки внеслись,
Скользя въ лучахъ, то вверхъ, то внизъ,
Царя чуть-чуть не задѣвая...

—

Царь улыбнулся—отступилъ!
Глядитъ... Пора-бы понемногу
И собираться въ путь-дорогу;
Чудесный день къ себѣ манилъ...
Но бабочки Царю сказали,
Что такъ нельзя! Что тутъ печали
Въ дому; что тѣ печали вьютъ
Въ груди хозяйки свой пріютъ.
Помочь-бы ей! Что съ нею сталось?..
Вся въ скорбь ушла! И что сказалось
Въ лицѣ? Узнать-бы, прослѣдить
Судьбы таинственную нить...

VII.

Давно толкуютъ, разсуждая,
Что на закатѣ бурныхъ дней
Царь Александръ, душой страдая,
Вошелъ въ особый кругъ идей.
Поставленный среди крушеній
Безмѣрно странныхъ и большихъ,
Царь, бывшій дѣятелемъ въ нихъ,
Познал тщету людскихъ рѣшеній
И всю ничтожность силъ людскихъ.
Ему, какъ нѣкогда пророкамъ,
Рожденнымъ творческимъ востокомъ
Задолго до временъ Христа,
Вся близость Божьяго перста

Предстала, мысли опалила,
Пригнула долу и смирила...
Душа Царева, наготу
Свою познавъ, объята тьмою,
Надъ страшной бездною мірскою
Тревожно жалась ко кресту!
Тотъ, кто вѣщалъ съ полей сраженій
Рѣшенья гордыя судебъ,
Въ глубокой тягости сомнѣній
Взглянулъ, какъ на насущный хлѣбъ,
На незамѣтныя дѣянья
Смиренья духа, покаянья,
Благотвореній и добра...
И было принято съ утра
Царемъ нежданное рѣшенье—
Остаться. Далъ онъ повелѣнье
Отъѣздъ на сутки отложить,—
Хотѣлъ съ Маріей говорить.

—

Къ полудню туча набѣжала,
Но полдень тучу растопилъ.
За завтракомъ Царь заявилъ
Желанье, чтобы показала
Марія: гдѣ почіетъ дѣдъ?
Царь также высказалъ запретъ,
Чтобъ ихъ въ пути не провожали,
Что онъ съ Маріею вдвоемъ
Пройдетъ къ гробницѣ въ Божій домъ.
Изъ парка взяли путь полями

И, мимо мельницъ, вдоль прудовъ
Прошли въ чудесный лѣсъ; столбами
Ложился свѣтъ между стволовъ;
Гдѣ холмикомъ, гдѣ невеликой
Лощинкою дорога шла,
Съ краевъ созрѣвшею брусникой
Обильно, густо поросла.
Попались дѣти съ кузовкàми,
Они по ягоды пошли;
И дятлы близко и вдали,
Стучали пò лѣсу носами.
Давно упорно Царь хранилъ
Молчанье; раньше говорилъ
Онъ очень весело и много...
Теперь неясная тревога
Его объяла. Сельскій храмъ,
Увидѣлъ Царь отъ понадлѣсья;
Онъ на большомъ холмѣ стоялъ,
И блескъ лазурный поднебесья
Его отвсюду окружалъ;
Колонны будто-бы сквозили
Своей молочной бѣлизной;
Мелькая, голуби кружили
Вкругъ купола и съ высоты
Къ нему спускались на кресты.

--

Близъ алтаря, вплотную къ храму,
Часовня малая стоитъ;
На двери грузный гербъ прибитъ,

Онъ вдѣланъ въ бронзовую раму.
И стерегутъ его бока
Два золоченыхъ гайдука.
Вошли. За дверью внизъ ступени;
Чѣмъ ниже, тѣмъ суровѣй тѣни,
Свѣтъ дня смѣняетъ свѣтъ лампадъ;
Не сразу различаетъ взглядъ,
Что̀ видитъ. Тамъ внизу, подъ по̀ломъ,
Подъ тяжестью могучихъ плитъ,
Въ гробу заклепанномъ, тяжеломъ
Почтенный дѣдъ глубоко спитъ.

—

Замѣтенъ въ склепѣ надъ стѣною
Покойнаго большой портретъ;
Написанъ въ ростъ, во цвѣтѣ лѣтъ,
Играетъ краской молодою
Лицо; онъ буркой распашною
Покрытъ; чуть началъ подростать
Усъ надъ губой; на рукоять
Блестящей сабли опираясь,
Покойный весело глядитъ...
Жизнь впереди, она манѝтъ...
Глядитъ онъ бодро, улыбаясь,
И въ полумракѣ, съ высоты
Самъ охраняетъ сонъ плиты
Своей надгробной... Слѣдъ мгновенья
Минувшаго давнымъ-давно,
Живетъ, попавъ на полотно,
Живетъ какъ-будто для сравненья

Былого съ нынѣшнимъ! Налой,
Покрытый цѣнною парчой,
Виднѣется. Коверъ съ цвѣтами
Раскинутъ подлѣ на полу;
Иконы древнія къ углу
Блистаютъ цѣнными камнями.

—

Могилѣ поклонился Царь.

Царь.

А кто художникъ?

Марія.

Государь,
Портретъ писалъ Антроповъ.

Царь.

Знаю...
Вотъ передъ нимъ, не при людяхъ,
А здѣсь, у дѣдушки въ гостяхъ,
Я съ вами говорить желаю.
Я искренно поговорю.
Какъ сердцевѣдцу, какъ Царю,
Мнѣ можно... Прошлое я знаю,
Что съ вами, какъ произошло...
Что-жъ дѣлать: мощно въ мірѣ зло!
Но жизнь не можетъ быть бездольемъ;
Упрямство будетъ своевольемъ;
Вамъ Богъ велитъ простить, забыть,

Чтобъ, сколько можно, снова жить!
Послушайте...

—

Царь говорилъ
Не громко, онъ взволнованъ былъ,
Онъ взглядъ переводилъ порою
То на портретъ, то на плиту.
Какъ-будто въ спорѣ самъ съ собою
Ловилъ какую-то мечту,
Одолѣвалъ соображенья!
Хоть смутно было выраженье
Лица, но рѣчь была звучнà;
Завѣтною тропой она
Направилась, заговорила
О томъ, чѣмъ страстно дорожила
Душа: о связи двухъ міровъ,
Понятной не для всѣхъ умовъ, —
О связи, бытіе которой
Является живой опорой
Безсмертію души; о томъ,
Что видятъ люди не умомъ,
А чувствами; о просвѣтленьяхъ,
Догадкахъ, чаяньяхъ, прозрѣньяхъ,
О чемъ, такъ слѣдуетъ признать,
Царямъ не часто рѣчь держать.
Марія трепетно внимала;
Ей эта рѣчь, какъ вѣщій гласъ,
По склепу темному звучала
И прорицала — въ добрый часъ...

Царь.

«Богъ жизнь ведетъ совсѣмъ особо!
Для насъ какъ-будто не въ связи
Его незримыя стезіи.
По правдѣ-же не такъ! Изъ гроба,
Изъ плача, боли и скорбей
Идетъ, незрима для людей,
Но зрима Богу, лишь въ прозрѣньѣ
Молитвы видная едва,
Въ своемъ весеннемъ обновленьѣ
Живая, свѣжая трава.
Духъ въ просвѣтленьѣ различаетъ,
Ка́къ эта поросль проступаетъ!
Сквозь ладанъ и могильный смрадъ
Исходитъ жизненный нарядъ;
Бываетъ, что и мракъ порока
Яснѣй святой звѣзды востока
Въ своихъ послѣдствіяхъ! Порой
Блескъ крыльевъ бабочки способенъ
Въ душѣ людской, путемъ мечты,
Создать дѣянье красоты
Необычайной! Безподобенъ
Разсчетъ Создателя—вести
Такъ, что путей не обрѣсти...
Да вотъ и я, живущій въ славѣ,
Ищу вериги, чтобъ ихъ носить...
И самъ я по моей державѣ
Начну легендою ходить...»

—

На полумысли оборвалось
Царёво слово... Замолчалъ;
Какъ-будто-бы не то сказалось,
Что думалось, чего желалъ...
Царямъ вѣщать дано особо,
Рѣчамъ ихъ данъ особый складъ...
Въ чемъ дѣло? Для чего здѣсь оба
Они? Что нужно?

Царь.

«Очень радъ...
Мнѣ кажется, я здѣсь не даромъ
У васъ, не даромъ говорю;
Быть-можетъ, Богъ велѣлъ Царю,
Мнѣ, здѣсь, на пепелищѣ старомъ
Сыскать васъ, словомъ отрезвить,
Связать оборванную нить
Печальнаго существованья...
Неясны поводы дѣянья...
Но присланъ я оповѣстить...
Здѣсь, передъ вами притча въ лицахъ...
Вглядитесь и найдитесь въ ней...
Въ какихъ я не бывалъ столицахъ
Привѣтствованъ! Какихъ полей
Не пробуждалъ и не тревожилъ
Громъ мнѣ послушныхъ батарей!
Я міръ дѣлилъ, я троны множилъ,
Я царства сокрушалъ,—и вотъ
Во мнѣ къ вамъ странникъ предстаетъ:

Я нагъ душою изъязвленной,
Мой духъ скитаньемъ утомленъ,
Скорблю, порфирой отягченный!
Во мнѣ — крушенье, въ немъ — законъ!
Мы всѣ — ничто, но Богъ въ насъ силенъ!...
Что, если ваше горе взять —
Оно-ли моему подъ стать?
Примѣръ сравненьями обиленъ...
Но, вѣрьте, все идетъ къ добру!
Быть-можетъ, не теперь, но къ сроку,
Во времени, все станетъ въ строку...
И можетъ-быть когда умру,
И радостной врагамъ кончиной
Явлюсь послѣднею причиной
Послѣдствій важныхъ и, когда
Сквозь ликованья, страхъ и стоны,
Въ Москвѣ возьмутъ мои короны,
Чтобъ хоронить меня — тогда, —
Тогда вы вспомните... тревогу
Въ васъ этотъ часъ забьетъ, и въ немъ
Я яркимъ путевымъ огнемъ
Зажгусь и покажу дорогу!
Смерть духа вашего поправъ
Моею смертью — буду правъ...
Вы отрезвитесь понемногу...
Простить, забыть вамъ Богъ велитъ,
Не я, а дѣдъ такъ говоритъ...
Вы пріѣзжайте къ намъ въ столицу;
Богъ дастъ вернусь и я, а тамъ —

Я буду сватомъ вашимъ самъ...
Вы примете Императрицу
Здѣсь у себя дней черезъ шесть!
Когда-бъ здоровье ей обрѣсть,
А мнѣ покой... Вы ей скажите...
Нѣтъ, лучше объясню письмомъ,
А вы его передадите...
Вернуться-бъ только мнѣ добромъ...
Чтобъ трехъ свѣчей не зажигали,
Покойника не предвѣщали,
Не призывали смерти въ домъ...

—

Какъ мраморъ склепа, поблѣднѣло
Лицо Царево,—облеклось
Сіяньемъ, будто унеслось,
Въ глазахъ Маріи вдаль, свѣтлѣло
Оттуда молча... Царь и дѣдъ,
Плита, лампады, склепъ, портретъ,
Въ искрінкахъ слезъ затрепетали,
Зашевелились, замелькали...
Въ своихъ движеньяхъ не властна̀,
Марія на колѣни пала,
Себя осилить не могла
И полной грудью зарыдала...

VIII.

И Царь скончался въ Таганрогѣ...
Уже два мѣсяца въ дорогѣ

Печальный поѣздъ. Вдоль степей,
Мѣняя кòней и людей,
Стуча тяжелой колесницей,
До марта вплоть отъ декабря,
Везутъ усопшаго Царя.
Илья Байковъ и тутъ возницей,
Не хочетъ мѣста уступить:
Онъ тридцать лѣтъ привыкъ возить
Царя... Везетъ! Вездѣ попутно
Выходятъ панихиды пѣть;
На гробѣ клапанъ, чтобъ смотрѣть:
Въ порядкѣ-ль тѣло. Время смутно,
Чего-то ждутъ ежеминутно.
Въ пути разставлены войска;
Ночлеги въ селахъ; что рѣка
Людская, всюду по дорогѣ
Въ глухомъ сомнѣніи, въ тревогѣ,
Толпы стремятся на поклонъ.
Зима строга̀, сѣръ небосклонъ,
Вездѣ испуганныя лица,
Путь такъ далекъ, и наяву
Какъ сонъ проходитъ колесница...
Прошла и Тулу, и Москву.
Эскорту, шедшему за прахомъ,
Чтобы на все готовымъ быть,
Приказъ данъ ружья зарядить.
Нѣтъ счета рóзсказнямъ и страхамъ,
И ополчается сама
Глубоко мрачная зима,

И сыплетъ бѣлыми снѣгами
По тѣмъ безвѣстнымъ деревнямъ,
Гдѣ гробу отдыхъ по ночамъ,
Гдѣ блещетъ церковка огнями,
И, въ тихой дряхлости кренясь,
Отъ гроба царскаго свѣтясь,
Въ глухую тьму глядитъ очами.
Прошли Валдаи; по тѣмъ мѣстамъ,
Гдѣ Царь недавно ѣхалъ самъ,
Затѣмъ въ столицу проводили;
Гробъ въ двухъ соборахъ простоялъ,
День похоронъ оповѣстили,
И срочный день тотъ наступалъ.

—

За сутки хочетъ быть Марія...
Почтовый путь въ конецъ избитъ,
По немъ едва-ль не вся Россія
Проѣхала. Возокъ скрипитъ.
Который день она встрѣчаетъ
Зарю въ возкѣ? Глазъ не сомкнетъ,
Все думаетъ, соображаетъ
И подвигается впередъ...
Все ближе къ цѣли! Въ ладъ качаній
Возка, ряды воспоминаній
Бѣгутъ... Но въ нихъ—переворотъ:
Багровъ скромнѣе предстаетъ,
Чѣмъ прежде, что-то стушевало
Его; опущено надъ нимъ

Полусквозное покрывало...
Онъ робокъ сталъ и недвижимъ...
Съ нимъ, вѣрно, встрѣтиться придется?
Ну, что-же, отчего не такъ?
Узнаю: счàстливъ-ли ихъ бракъ?
Безъ содроганья сердце бьется
При этой мысли; какъ страшнà
Была недавно, какъ скромнà
Теперь... Но Царь! Какая доля!
Какъ правъ онъ былъ, чтобы сказать:
«Насъ Богъ ведетъ—не наша воля...
Что, если ваше горе взять—
Оно-ли моему подъ стать?»

—

Застава. Ночь. Прiѣздъ огромный—
Возки, кибитки, сани въ рядъ,
Попавши въ очередь, стоятъ.
И брань, и разговоръ нескромный;
Идетъ прописка: кто, зачѣмъ?
Морозъ крѣпчаетъ между тѣмъ.
Съ большой платформы караула
Сверкаютъ и штыки, и дула;
Безжалостно своихъ коней
Жандармы шпорятъ и ломаютъ;
Тѣхъ изъ прiѣзжихъ, кто важнѣй,
Скорѣе прочихъ пропускаютъ,
Два слова скажутъ, оглядятъ,
И возвращаютъ видъ назадъ.

Пошелъ! Не ждать-же повтореній!
Марія такъ истомлена
Безсонницей, борьбой сомнѣній,
Что не замѣтила она,
Какъ, вслѣдъ другимъ, провезена́,
И тѣнію воротъ огромной,
Въ глухомъ молчаньи ночи темной,
Какъ пастью, вдругъ поглощена...

IX.

Былъ третій часъ. Орудій рева
Не слышно. Смолкъ военный громъ.
Ужъ тѣло предано Царево
Землѣ; пустѣетъ Божій домъ—
Соборъ еще одной гробницей
Сталъ драгоцѣннѣй. Вереницей
За Императорской семьей
Во слѣдъ безмолвною толпой,
Нарушить говоромъ не смѣя
Собора скорбной тишины,
Уходятъ высшіе чины
Палаты, воинства. Чернѣя
Толпятся женщины къ дверямъ.
Нѣтъ счета лентамъ и звѣздамъ.
Почти на всѣхъ значокъ похода—
Медаль двѣнадцатаго года;
Не рѣдки Кульмскіе кресты.

Спускаясь съ дальной высоты,
Отъ тьмой подернутаго свода,
Бросая книзу полутѣнь,
Надъ катафалкомъ опустѣлымъ,
Горя своимъ подбоемъ бѣлымъ,
Виситъ глазетовая сѣнь,
Нѣтъ больше близъ нея движенья;
Дымъ, чуть замѣтный слѣдъ кажденья,
Надъ мѣстомъ тѣмъ, гдѣ гробъ стоялъ,
Въ листвѣ высокихъ пальмъ слоится
И, опускаясь, серебрится;
Горятъ алмазы и металлъ
Всѣхъ Императорскихъ регалій,
Царевыхъ звѣздъ, крестовъ, медалей;
И рядъ усатыхъ часовыхъ
Безмолвно высится близъ нихъ.
Еще горятъ огни тревожно
Съ паникадилъ, со стѣнъ, столбовъ;
Полъ обнаженъ и видѣть можно
Цвѣты, слетѣвшіе съ вѣнковъ.

—

А близъ придѣла бокового—
Шумъ, шорохъ, не слыхать ни слова;
Толпятся люди и снуютъ;
Одна у тѣхъ людей забота:
Идетъ печальная работа,
И близокъ къ завершенью трудъ—
Царю послѣдній дать пріютъ.

Надъ гробомъ сводъ заложенъ: плиты
Надвинуты, и между нихъ
Струи цемента въ щели влиты.
И крѣпокъ долженъ быть и тихъ
Пріютъ Царя. Пусть почиваетъ!
Пусть тотъ-же воздухъ окружаетъ,
Въ которомъ жилъ; пусть скроетъ склепъ
Въ тѣхъ очертаньяхъ, въ томъ мундирѣ,
Въ которомъ Царь былъ виденъ въ мірѣ
И отошелъ во тьму судебъ!

—

Совсѣмъ подобна изваянью,
Окутанному черной тканью,
Безмолвна и какъ смерть блѣдна,
Стоитъ Марія близъ окна.
Одолѣваемый тѣнями,
Алмазный шифръ съ ея плеча
Играетъ мелкими огнями;
Въ рукѣ погасшая свѣча.
Воспоминанія роятся,
Тѣснясь въ живой круговоротъ.
Тревожна мысль, она гнететъ
Мучительно... Всѣ суетятся
Вокругъ, недвиженъ лишь соборъ...
Склонивъ къ могилѣ влажный взоръ,
Она людей не замѣчаетъ,
Она былое вспоминаетъ,
Нѣтъ, два былыхъ: то, что̀ давно

Прошло, и рядомъ съ нимъ другое,
Совсѣмъ недавнее былое...
Вотъ и оно схоронено!

—

Скорѣй-бы прочь, да, прочь отъ свѣта!
Зачѣмъ послушалась совѣта!
И тотъ совѣтъ, что данъ ей былъ,
Къ чему призвалъ? Зачѣмъ будилъ?..
Знакомыхъ лицъ кругомъ такъ много!
Воскресли будто... Какъ пестры!
Глядятъ лукаво такъ, такъ строго!
Не откровенны, не добры!
Какъ близко было усыпленье!
Полгода, годъ еще, а тамъ
Свое пришлось-бы взять годамъ...
Какъ часто въ тихомъ размышленьѣ
Поутру, вставши ото сна,
Тепломъ молитвъ отрезвлена,
Взглянувши въ зеркало, искала
Марія—нѣтъ-ли сѣдины?
Ужели жить опять, сначала,
Переживать вторично сны?
И что-жъ совѣтъ? Слова пустыя,
Случайныя—хоть дорогія!
Жизнь не въ словахъ... Но отчего
Такая правда въ предсказаньѣ?!.
Тутъ не слова одни—дѣянье!
Какой-же силою она
Сюда, въ соборъ, привлечена?

Царь говорилъ ей: «Я дорогу
Вамъ покажу... Я буду правъ,
Смерть духа вашего поправъ
Моею смертью... Я тревогу
Въ васъ подниму,—зажгусь огнемъ...»
Тревога—тутъ! Весь Божій домъ
Въ огнѣ... Свершилось погребенье...
Но это все—не разрѣшенье?
Что измѣнилось, чтобъ начать
Вторично жить? Куда дѣвать
Былое? Въ чемъ тутъ отпущенье!
Зачѣмъ совѣты Царь давалъ?
Къ чему будилъ? Куда позвалъ?

—

Совсѣмъ окончена работа:
Лежатъ вѣнки, надѣтъ покровъ...
Изъ-за столба выходитъ кто-то...
Знакомый, будто-бы... Багровъ?!
Багровъ... Встрѣчаются мгновенья,
Когда увидѣть и познать—
Одно! Медлительность мышленья
Такимъ мгновеньямъ не подъ стать;
Единый взглядъ въ рѣшеньѣ властенъ.
Вопросъ съ отвѣтомъ слиты въ немъ,
Въ теченьѣ мыслей безучастенъ
Самъ человѣкъ, онъ ни при чемъ!
Багровъ стоялъ съ Маріей рядомъ
И поклониться былъ готовъ,

Но обмѣнялся только взглядомъ...
И ясно стало ей безъ словъ,
Что больше нѣтъ у ней былого,
Что нѣтъ и прежняго Багрова,
И что она сама не та,
И что любовь—пережита!

—

Какъ часто надъ людской душою,
Склонясь, какъ ива надъ водою,
Раскинувъ сѣнь своихъ вѣтвей,
Замѣтенъ призракъ прежнихъ дней!..
Казалось-бы, что вслѣдъ былому
Пора исчезнуть и ему,
И что живетъ онъ попустому,
Не нуженъ, лживъ и чуждъ всему;
Что все,—да, все,—перемѣнилось,
Другая жизнь кипитъ вокругъ;
Исчезъ людей знакомыхъ кругъ,
Иное къ жизни народилось...
Но призракъ,—что ни день яснѣй!
Онъ давитъ грудь, онъ жить мѣшаетъ;
Онъ правду жизни заслоняетъ,
И въ безотвѣтности своей
Сбиваетъ мысль съ ея путей!
Когда-бы гробы говорили,
Когда-бы мертвыхъ опросить:
Не призраки-ли ихъ сразили
И повелѣли опочить,—

Какъ много было-бъ объясненій,
Совсѣмъ, совсѣмъ иныхъ, чѣмъ тѣ,
Что дали люди разныхъ мнѣній
Смертямъ, стоявшимъ внѣ сомнѣній,
По ихъ наружной простотѣ...

—

Маріи счастье улыбнулось,
И призракъ свѣялся въ ничто;
Въ ней сердце къ жизни шевельнулось—
Могло-бы быть совсѣмъ не то!
Велѣнья случая могучи;
Что̀ мы въ послѣдній часъ борьбы?
Свободны въ дальнемъ небѣ тучи—
Но развѣ тучи не рабы?
Годи́на мрачная печалей
Была судьбой завершена;
Какъ знать: къ чему пробуждена
Марія? Что̀ съ ней будетъ далѣ?
И будетъ-ли указанъ путь
Къ чему-нибудь, зачѣмъ-нибудь?
Не очертить чертой зарницы,
Не раздробить на звуки гулъ,—
Но случай двери распахнулъ
Ея безвременной гробницы—
И въ глубь живыхъ еще очей
Проникнулъ свѣтъ дневныхъ лучей...

—

И если почка въ часъ цвѣтенья
Навстрѣчу раннему лучу,

Вскрываетъ въ нѣкое мгновенье
Свою цвѣтную епанчу;
И если теплою весною
Рѣки ледяная броня
Вдругъ раздробляется волною,
Чтобъ плыть, сверкая и звеня, —
Въ Маріи быстрое мгновенье
Явило къ жизни возрожденье,
И подлѣ сѣни гробовой
Ударилъ ключъ воды живой!

ВЪ СНѢГАХЪ.

(Памяти А. А. Григорьева.)

I.

Ой ты нашъ хмурый, скалистый Уралъ!
Ты-ль не далёко на сѣверъ взбѣжалъ?
Тамъ, въ Татарвѣ, изъ степей выростая,
Тянешься къ острымъ рогамъ Таганая,
До Благодати горы, до Высокой,
Дальше, все дальше, къ пустынѣ глубокой,
Рослыя горы въ холмы обращаешь,
Плоскими тундрами къ морю сползаешь
И разбѣгаешься въ краѣ пустомъ,
Спящемъ во тьмѣ шестимѣсячнымъ сномъ...
Слѣва Европа, а справа Сибирь...
Какъ ни прикинешь—великая ширь!
Тамъ рѣки темныя, рѣки могучія
Катятъ холодныя волны, кипучія,
Льются по тундрамъ, подъ гнетомъ тумана,
Въ темную глубь старика Океана,
Гложатъ работою струй расторопныхъ
Мамонтовъ древнихъ въ мѣхахъ допотопныхъ;

Тутъ, къ Камѣ, къ Волгѣ, со скатовъ Урала,
Рѣчекъ не сотня одна побѣжала,
Рѣчки прилежныя и тороватыя
Двигать колеса заводовъ зубчатыя,
И уносить до невѣдомыхъ странъ
Тысячи барокъ, расшивъ и бѣлянъ!
Тамъ—дебри мертвыя, тишь безотрадная,
Въ рудахъ богатства лежатъ неоглядныя,—
Здѣсь—руды въ мѣдь и чугунъ обращаются,
Камни шлифуются и ограняются!
Тамъ—лѣтомъ быстрымъ по груди могучей
Даль обростаетъ травою пахучей,
Почки выходятъ, цвѣты зацвѣтаютъ,
Вышли безъ нужды—не въ прокъ увядаютъ,
Некому срѣзать ихъ, въ копна сложить,
Сыплется сѣмя, чтобъ безъ толку сгнить;
Тутъ, гдѣ великая степь развернулась,
Гладь черноземная въ даль потянулась,
Кòпна, скирды и стогá поднимаются,
Точно какъ умное войско равняются,
И разлеглись на пространствахъ большихъ
Села вдоль улицъ широкихъ своихъ!

* * *

Можетъ, въ Европѣ, а можетъ, въ Сибири,
Вдоль по безмолвной, немѣрянной шири,
Берегомъ озера, желтымъ, сыпучимъ,
Слѣва обставлена боромъ дремучимъ,

Вдоль по пологому скату отрога
Въ гору бѣжитъ ни тропа, ни дорога...
Какъ сиротинка забыта, одна,
Блѣднымъ вьюномъ пробѣгаетъ она.
Тутъ незамѣтно, а тамъ повиднѣй,
Вертится, вьется у камней и пней;
Шла она степью, пробьется и боромъ,
Споритъ, безумная, съ мощнымъ просторомъ!
Не на бумагѣ ее сочинили,
Не на казенныя деньги взводили,
А родилась она гдѣ-то сама,
Дѣломъ какимъ-то, чьего-то ума,
Въ стѐпи отважилась, въ горы пустилась,
Въ темныя пущи, въ ущелья пробилась;
Лѣзетъ изъ мертвыхъ, бездонныхъ трясинъ
Къ свѣтлымъ зазубринамъ горныхъ вершинъ!
Лѣпится съ краю мохнатыхъ утесовъ,
Скачетъ безъ всякихъ мостовъ и откосовъ;
Такъ она странно и дерзко бѣжитъ,
Въ воздухѣ будто-бы вьется, виситъ,
Такъ, иногда, высокò заберетъ,
Что у прохожаго сердце замретъ,—
И обрывается, гибнетъ тайкомъ
Въ Божьей пустынѣ, охваченной сномъ.

* * *

Что-то давно ужъ дорога-змѣя
Ты не встрѣчала людского жилья,

А о ночлегѣ, что ты посѣтила,
Чай, ты, дорога, совсѣмъ позабыла.
Что за дорога? Кому тутъ пройти,
Тутъ, гдѣ людского жилья не найти?
Вьючные кони тебя протоптали,
Ноги людскія топтать помогали;
Къ рòзсыпямъ, къ золоту, лѣтней порой
Ѣздятъ охочіе люди тобой,
Ѣздитъ все ловкій, умѣлый народъ...
Только какъ ранняя осень придетъ,
Вырастутъ нòчи, морозы проглянутъ,
Горы совсѣмъ непролазными станутъ,
Самой дороги тогда не сыскать;
Будто ей любо, какъ сонъ, исчезать!
Любо, чтобъ люди о ней позабыли,
Чтобъ за пескомъ золотымъ не ходили,
Чтобы не ѣздилъ тутъ ловкій народъ,
Тотъ, что за золото все отдаетъ, —
Чтобы самой ей заснуть лежебокомъ.
Въ бѣломъ снѣгу, безконечномъ, глубокомъ,
Чистомъ, невинномъ, какъ грезы дѣтей,
Полномъ однихъ только звѣздъ, да лучей!

* *
*

Словно какъ въ шубѣ, во мху и въ корѣ,
Плотно прижавшись къ песчаной горѣ,
Будто въ защитѣ у сильнаго друга,
Смотритъ съ пригорка ни домъ, ни лачуга!

Лыкомъ да вѣтками взадъ и впередъ
Вѣтеръ по крышѣ безъ умолку бьетъ;

Вдоль по двору, за плетневымъ заборомъ,
Воетъ и свищетъ и ходитъ дозоромъ,

Лѣзетъ въ трубу, будто ищетъ пути—
Какъ бы къ огню отогрѣться пройти?

Точно какъ глазъ, позабывшій закрыться,
Смотритъ окно у крылечка, косится;

Смотритъ на то, какъ далёко кругомъ
Тянутся, стелятся холмъ за холмомъ,

Какъ, бахромой обрубивъ небеса,
Высится дальнихъ лѣсовъ полоса;

Какъ изъ-за красныхъ, сосновыхъ стволовъ,
Въ тихомъ безлюдьѣ своихъ береговъ,

Близкое озеро, мрачно чернѣя,
Вяло разводитъ волной, костенѣя,

Какъ разгулялись по озеру льдины,
Ходятъ гуськомъ, какъ живыя морщины!

Вѣтеръ... туманъ... Изъ него, какъ изъ пыли,
Звѣзды на небо свѣтить проступили,

А по окраинамъ спящей земли
Бѣлыя тучи слоями легли;

Такъ онѣ низко на землю спустились,
Такъ успокоились, угомонились,

Такъ что, подумаешь: станетъ свѣтать,
Вѣтеръ не въ силахъ ихъ будетъ согнать!

Сгонитъ, однако!.. Надъ низкой трубой
Вьется съ лачуги дымокъ голубой:
Вѣтеръ его, подхвативши, несетъ
И на кусочки на воздухѣ рветъ, —
И улетаютъ, и таютъ они,
Малъ-мала меньше, какъ зимніе дни...

* * *

Русь! Ты великій, могучій потокъ!
Вьются въ тебѣ, какъ въ стремнинѣ песокъ,
Жизней людскихъ сочетанья различныя,
Только тебѣ, лишь, единой привычныя,
Только въ тебѣ лишь одной вѣроятные,
Людямъ, чужимъ тебѣ—малопонятные!
Вотъ и лачуга, что тутъ пріютилась,
Въ степь, будто искра во тьму, схоронилась,—
Это особая въ мірѣ статья,
Новый, невиданный видъ бытія!
Житель ея—невысокій мордвинъ,
Верстъ сотни на двѣ живущій одинъ.
Этотъ мордвинъ, этотъ домикъ, дорога,
Значатся въ описяхъ развѣ у Бога,
А для людей—ихъ, какъ-будто-бы нѣтъ,
Даромъ что много имъ отъ роду лѣтъ.
Міръ ихъ не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ,
Помнить не будетъ когда и провѣдаетъ;
Правда безъ плоти въ нихъ, быль безъ былья,
Опытъ, набросокъ, порывъ бытія,

Что-то, какъ воля судьбы, неминучее,
Что-то не складно, но цѣпко, живучее...

* *
*

Старъ ты, мордвинъ! Ты-бъ лѣта́ свои зналъ,
Еслибъ, какъ должно, ихъ съ дѣтства считалъ,
Еслибъ другіе считать помогали, —
Кто ты, откуда, чѣмъ прежде былъ, знали;
Еслибъ тѣ годы, что прочь улетали,
Хоть-бы на малость различны бывали!
Зналъ-бы ты также: крещенъ-ли ты былъ,
Какъ сталъ Андреемъ, гдѣ въ церковь ходилъ,—
Если-бы церкви да были поближе,
Попъ поусерднѣй, а Богъ Самъ — пониже...
Впрочемъ, порой ты и пѣсни поешь.
Вотъ и теперь. Отточивши свой ножъ,
Лыжу ты рѣжешь, исподъ ея гладишь
То-то помчишься, коль ловко наладишь!
Ростомъ ты мелокъ и узокъ въ плечахъ;
Кожа лоснится на желтыхъ щекахъ;
Скулы широкія, толсты и сильны,
Усъ жидковатъ, зато брови обильны;
Глазъ твоихъ щурыхъ совсѣмъ не обрѣсть,
А на рубахѣ заплатъ и не счесть!
Бѣлой была она, да посѣрѣла;
Больше всего въ ней кайма уцѣлѣла,
Держится плотно, сроднившись съ холстомъ,
Красною ниткой и синимъ шнуркомъ.

Славный рисунокъ каймы у рубахъ!..
Поясъ, по поясу бѣлыя бляхи;
Ногъ, изъ-за стружекъ, совсѣмъ не видать.
Поздно же долженъ старикъ ты стругать!
Видно, короткаго дня тебѣ мало!
Солнце за степью давно ужъ упало;
Свѣтлыя звѣзды по небу поплыли,
Жизнью безмолвною степь оживили.
Тихою пѣсней твоей, старина,
Горенка вся съ преизбыткомъ полна!
Правда, что мало въ той пѣсенкѣ толку,
Капаетъ, будто родникъ, втихомолку,
Все по одной да по той-же звучитъ,
Дѣла не скажетъ, молчать не молчитъ...

* * *

Вотъ ужъ десятую зиму Андрей,
Самъ ты хоронишься въ нѣдра степей,
Съ Лайкой-собакой, самъ-другъ проживая:
Лайка на волка похожа, сѣдая...
Гдѣ ты и какъ ты до этого жилъ,
Скажетъ—кто вѣтеръ степной услѣдилъ!
Мѣсяцевъ восемь, съ излишкомъ, пройдутъ,
Прежде чѣмъ люди опять подойдутъ.
Нанятъ ты съ тѣмъ, чтобы быть тутъ и жить,
Лòмы, кирки, рѣшетà сторожить,
Книги какія, да счеты беречь,
Въ горенкѣ темной протапливать печь,

Снѣгу лачуги сдавить не давать,
Въ стойла пустыя волковъ не пускать.

Самъ ты не знаешь, кѣмъ нанятъ ты былъ,
Съ кѣмъ договоръ на словахъ заключилъ?

Также и тѣ, кто тебя нанимали,
Съ кѣмъ они дѣло имѣютъ—не знали.

Даже и домикъ приземистый твой,
Богъ его вѣдаетъ, чей онъ такой?

Кѣмъ онъ поставленъ, онъ тоже не знаетъ:
Разныхъ хозяевъ въ себя принимаетъ...

* * *

Новая это зима подошла.
Будешь ты ждать, чтобъ и эта прошла.

Ждать когда снова народъ подойдетъ,
Пьяный, тревожный, безпутный народъ!

Много ихъ шляется той стороной
Въ жаркое лѣто, горячей порой!

Въ стойлахъ усталые кони храпятъ,
Люди, ночуя, въ повалку лежатъ,

Водка и пѣсни текутъ спозаранка,
Подъ вечеръ говоръ, четъ—нечетъ, орлянка,

Бабы... У многихъ припрятанъ тайкомъ
Цѣнный мѣшочекъ съ намытымъ пескомъ:

Прячутъ и блестку, хранятъ и пылинку...
Зерна—съ горошину, зерна—съ крупинку...

Только какъ первая вьюга пройдетъ,
Въ горныя щели снѣговъ нанесетъ,

Вихри по степи, по озеру шквалы,
Словно для шутки устроятъ провалы,
Южная птица умчится въ испугѣ—
Снова покинутъ, въ забытой лачугѣ,
Схимникомъ нѣкимъ живешь ты одинъ
Въ гробѣ открытомъ холмовъ и долинъ;
И надъ безмолвіемъ тихой могилы
Движетъ зима безобразныя силы!

* * *

Темная ночь по Сибири шагаетъ,
Пѣсню у печки Андрей напѣваетъ,
Мѣрно подъ пѣсню уходитъ работа...
Слышитъ онъ: будто стучатся въ ворòта?
Лайка встревожилась, быстро вскочила,
Зубы осклабила, хвостъ наструнила.
Цыцъ! Не топырься! То вѣтеръ реветъ,
Старою вѣткой по надолбѣ бьетъ;
Вѣтку-бы срѣзать... И кто-жъ въ эту пору,
Пустится въ путь по степному простору?
Снѣгъ не осѣлъ и какъ-разъ занесетъ...
Нѣтъ! То не вѣтеръ стучитъ у воротъ.
Живо Андрей свой фонарь засвѣтилъ,
Вышелъ къ воротамъ, гостей опросилъ!
Слышитъ онъ: баба ему отвѣчаетъ,
Проситъ пустить; говоритъ—умираетъ...
Отперъ ворота. А ночь-то темна,
Даромъ что звѣздами вся убрана.

Свѣтъ фонаря въ темнотѣ замираетъ,
Чернымъ крестомъ бѣлый снѣгъ застилаетъ.

Смотритъ Андрей: на клюку опираясь,
Ветхой шубенкой едва прикрываясь,

Сжавшись съ мороза, старуха стоитъ,
И не шевелится, только глядитъ.

Вѣтеръ лохмотьями платья качаетъ,
Стукаетъ ими, какъ-будто играетъ;

Снѣгъ, что наплечники, легъ по плечамъ,
Иней къ рѣсницамъ присталъ и къ бровямъ.

Сжатыя губы старухи черны,
Щеки морозомъ слегка прижжены...

«Экъ ты, родная! Иди поскорѣй!»..
Тронулъ старуху рукою Андрей,—

Только старуха какъ пень покачнулась,
Молча, всѣмъ тѣломъ, на свѣтъ потянулась,

И повалилась впередъ головой,
Будто какъ мертвая въ снѣгъ молодой...

* * *

Зимнее солнце надъ степью всходило,
Яркій румянецъ на степь наводило;

Пышно сверкая, блестя, но не грѣя,
Золотомъ влилось въ конуру Андрея;

Въ миски взглянуло, къ ружью поднялось,
Въ низенькой кадкѣ воды напилось,

Въ щель ея искру на дно заронило,
Все осмотрѣло и все освѣтило:

Бѣлыя стружки на темномъ полу,
Рыбу въ лахани и лапти въ углу.
Къ книжкамъ, на темную полку, вспозало,
Даже заглавія книгъ прочитало:
Турнера—«Горное дѣло Россіи»,
Штельцеля—«Опыты Металлургіи»,
Томикъ Некрасова, Милля—«Свобода»
И календарь исходящаго года.
Лайкѣ-же солнце совсѣмъ досадило:
Прямо ей въ морду такъ сильно свѣтило,
Что недовольная Лайка проснулась,
Встала и нѣсколько разъ повернулась,
И, перейдя, улеглась подъ скамью,
Скалясь на грезу собачью свою...

* * *

Глазъ не сомкнувши, надъ гостьей своей
Цѣлую ночь провозился Андрей.
Къ утру старухѣ лицо пораздуло,
Гладко морщины по немъ растянуло,
Яркая краска явилась на немъ,
Пышетъ лицо необычнымъ огнемъ.
Силы старуху совсѣмъ оставляли,
Губы, чуть внятно, молитвы шептали;
Было и такъ. что она не дышала,
Жизнь, уходя, на губахъ трепетала...
Что только могутъ безъ мудрой науки
Нищенскій опытъ, да жесткія руки,—

Сдѣлалъ Андрей. Утомился старикъ,
И, подлѣ печки, подъ утро, приникъ.

* * *

Солнце по небу тихонько идетъ,
Степь безконечная свѣтъ его пьетъ.

Въ ночь миновавшую страшный морозъ
Дню молодому подарки принесъ.

Озеро, стывшее съ воплемъ вчера,
Скрыла сплошная, какъ саванъ, кора;

Груды летавшаго съ вечера снѣга
Стали, прикованы къ мѣсту ночлега;

Лѣсъ разодѣлся въ тяжелую ризу
И поосѣлъ всѣми вѣтками книзу...

Спятъ старики. Запоздавшаго сна
Прочь не отгонитъ отъ нихъ тишина;

День не принесъ стукотни и движенья,
Мирно свершаются ихъ сновидѣнья.

«Ой! Какъ далёко до храма святого!..
Странницѣ время въ дороженьку снова»...

Слышитъ Андрей... Поднялся, посмотрѣлъ...
Голосъ надъ нимъ, будто громъ, прогудѣлъ,—

Такъ непривыченъ былъ голосъ людской
Въ этой лачугѣ и этой порой!

Сразу припомнилъ онъ стукъ у воротъ,
Какъ онъ упавшую поднялъ, несетъ!

Вотъ она, тутъ... То она говорила...
Только что спла ей вдругъ измѣнила,

Очи старухи глубоко закрылись,
Руки съ шубенки тихонько скатились!
Поднялъ Андрей ихъ, на грудь положилъ;
Въ печкѣ погасшей огонь запалилъ,
Въ миску, на Лайку, на солнце взглянулъ—
И, потянувшись, широко зѣвнулъ.

* * *

Ежели лѣсъ молодой обгоритъ,
Въ немъ запустѣнье не долго лежитъ.
Жизни въ немъ много! Чтобъ выйти изъ пепла,
Ждать ей не нужно, чтобъ сила окрѣпла;
Претъ остріями побѣговъ зеленыхъ
Всюду изъ сучьевъ его опаленныхъ;
Тутъ она почкой взойдетъ, тамъ цвѣткомъ,
Ей и отъ корня начать—ни по чемъ!
Если же лѣсъ загорѣвшійся старъ,—
Смертью проходитъ по лѣсу пожаръ,
Въ горькомъ дыму, трепеща и стеная,
Смрадомъ расходится мощь вѣковая;
Въ пѣнѣ соковъ, въ крупныхъ капляхъ смолы
Ярко горятъ, разрываясь, стволы,
Будто-бы груди, шипя, раскрываютъ,
Воздуха ищутъ, а гдѣ онъ—не знаютъ!
Сыплются сучья, летятъ головни,
Стукаясь въ камни и красные пни;
Въ уголь одежду свою обращая,
Лѣсъ исчезаетъ, какъ греза живая!

И, отъ подпочвы, гдѣ въ темной землѣ,
Жизнь подъ корнями роилась во мглѣ,

Вплоть до вершинъ, гдѣ надъ сочной листвой,
Только крупнѣйшій качалъ головой,—

Смерть водворяется въ пеплѣ, въ золѣ,
Охъ! Ужъ не такъ-ли престать и землѣ,

Въ срокъ, когда къ призракамъ, въ должный чередъ,
Призракъ людей отъ земли упорхнетъ?

Впрочемъ, не русской, бурлацкой натурѣ
Треснуть въ пожарѣ, осунуться въ бурѣ.

Много промчалось и дней и ночей, —
Встала старуха съ палати своей.

Только залегъ въ нее, будто чужой,
Кашель какой-то глубокій, сухой;

Только сама она какъ-то осѣла—
Все-же не даромъ въ морозѣ горѣла!

II.

Вышелъ порядокъ въ лачугѣ иной—
Будто Андрей обзавёлся женой!

Съ прежней хозяйкой,—была она злая,
Прозвище было ей жизнь холостая,—

Съ юности ранней, Господь ей прости,
Право—ну не было вовсе пути!

Съ новой иначе. Приперть въ потолокъ,
Вывѣшенъ черный, какъ смоль, образокъ;

Значитъ узнаетъ сейчасъ, кто войдетъ,
Что не татаринъ, не жидъ тутъ живетъ.

Метлы, лопаты сошлись всторонѣ,
Скромно уставились въ уголъ, къ стѣнѣ;

Съ прежней хозяйкой иначе бывало—
Все, вишь, бросалось куда ни попало;

Этимъ безчинствамъ теперь не бывать —
Всякому въ домѣ мѣста свои знать.

Ну а того, чтобы миска какая,
Сутки валялась, мытья ожидая,

Лайку прельщая своимъ содержаньемъ —
Стало у мисокъ давнишнимъ преданьемъ!

Мелкому міру по щелямъ стѣны
Тягость открылась ужасной войны:

Какъ только праздникъ придетъ небольшой —
Ерзаетъ тряпка съ горячей водой,

Жжетъ безпощадно въ потемкахъ келейныхъ
Многія тысячи счастій семейныхъ,

Жжетъ... А Андрей не пойметъ, почему
Спится спокойнѣй и слаще ему?

Шапка-ли лѣзетъ, рубаха-ль порвется,
Выйдутъ лучины иль жиръ изведется —

Всякое горе хозяйка исправитъ,
Дѣла лежать никогда не оставитъ.

Даже на Лайку старуха ворчитъ:
И недовольная Лайка молчитъ!

* * *

Какъ-то никакъ старикамъ не случалось
Встрѣтиться такъ—чтобы рѣчь завязалась?
Скажутъ по слову, въ глаза поглядятъ,
Скажутъ и снова упорно молчатъ!
Точно обоимъ, за долгимъ досугомъ,
Нечѣмъ имъ было дѣлиться другъ съ другомъ,
И ничего въ ихъ умахъ не созрѣло,
Что́ бы сказаться порой захотѣло?
Къ слову случилось Андрею узнать,
Что его гостью Прасковьею звать.
Но ужъ различны, какъ «я» и «не я»,
Шли и свершалися ихъ бытія!
Разно начавшись, нигдѣ не скрестившись,
Шли, чтобы кончиться, объединившись;
Точно двѣ струйки—въ единую слились,
Два вѣтерочка—въ одинъ превратились!
Жизнь старика вся безцвѣтна была,
Облачкомъ въ горныхъ туманахъ прошла;
Мимо событій, сторонкою, съ края,
Всюду и все обходя, проскользая,
Вѣчно безличная, не очертилась,
И, безъ остатка, въ степяхъ схоронилась.

* * *

Ну, а Прасковья, напротивъ того,
Видѣла, вѣдала много всего.

Ярко очерчена, окаймлена,
Обрисовалася въ жизни она!

Всякихъ епископовъ, митрополитовъ,
Схимниковъ разныхъ прославленныхъ скитовъ,

Съ мертвыми главами на власяницахъ, —
Знала Прасковья и видѣла въ лицахъ.

На Валаамѣ, въ Печорской, въ Задонской,
Въ дальнихъ Соловкахъ и даже въ Аѳонской,—

Всюду она самолично бывала
И монастырскихъ квасовъ испивала.

Свѣтъ увидала она на Хопрѣ;
Выросла въ службахъ, на барскомъ дворѣ;

Бабою сдѣлаться ей не пришлось:
Дрянное дѣло замужство, хоть брось!

Позже въ Москвѣ въ бѣлошвейкахъ училась
И съ барчуками, бывало, водилась.

У балерины одной знаменитой,
Нынче вполнѣ, даже сплетней, забытой,

Въ горничныхъ годъ съ небольшимъ проживала,
Феей, вакханкой ее одѣвала!..

Постники-схимники въ черныхъ скуфьяхъ,
Ножки танцовщицы въ алыхъ туфляхъ,

Говоръ въ кулисахъ, пиры до утра,
Память деревни, разливовъ Хопра,

Грубыя шутки галунныхъ лакеевъ,
Благословенія архіереевъ,

Ладонъ, пачули. Аѳонъ и кулисы,
Вкусъ просфоры и румяна актрисы—
Все это какъ-то, во что-то слагалось ,
Стало старухой и, то, что̀ осталось,
Силой незримой въ тайгу притащилось,
И, обгорѣвъ на морозѣ, свалилось,
Въ ноги къ мордвину, впередъ головой,
Старою льдиной на снѣгъ молодой!..

* * *

Какъ-то случилось, что пасмурнымъ днемъ
Вьюга завыла по степи кругомъ.
Гулко помчались ея перекаты;
Снѣжные хлопья, толсты и косматы,
Воздухъ застлали, въ окошко набились...
Къ печкѣ молчать старики пріютились.
Долго не двигаясь оба сидѣли
Слушая ревъ и рыданья метели...
Ну, да пришлось-же и имъ говорить:
«Я Верхотурье пошла посѣтить;
Къ дальней обители на покаянье,
Было такое мое обѣщанье...»
«Да, Верхотурье, слыхалъ стороной,
Тамъ, за горами, есть городъ такой...»
«Есть и другой городъ, Пермью зовется;
Къ Перми народъ пароходомъ везется.
Дальше, сказали, дорогой пойдешь,
Ближнія горы когда перейдешь,

Тамъ, гдѣ большая рѣка побѣжитъ —
Тутъ-отъ обитель сама и стоитъ.

Вышла въ дорогу я ранней порой,
Только-что началъ народъ съ молотьбой.

Шла-бы скорѣй, да частенько хворала,
Шла потому, что давно обѣщала.

Только не тотъ, видно, путь избрала̀!
Тутъ я семь сутокъ болотцами шла,

Прежде чѣмъ хату твою повстрѣчала.
Ну и не помню ужъ какъ постучала...

Хлѣбушко вышелъ, не слушались ноги,
Знать-бы впередъ, что страна безъ дороги!

Я ужъ святую Варвару молила,
Чтобы не вдругъ меня смерть посѣтила;

Чтобы покаяться время мнѣ дать...
Стала заступница смерть отгонять!

Хату твою изъ земли подняла̀,
Словно не я, а она подошла!

Прямо на самомъ томъ мѣстѣ явилась,
Гдѣ мнѣ сырая могила открылась...

Значитъ, для смерти душа не созрѣла,
Грѣхъ мой не выхоженъ странствіемъ тѣла!..»

* * *

Грѣхъ!.. Это слово чуть-чуть прозвучало,
И, отдѣлившись отъ прочихъ,—отстало...

Быстро и часто старуха крестилась...
Снѣжная вьюга все яростнѣй злилась!

Въ двери стучалась, окошкомъ трясла,
Ревмя-ревѣла, всѣ петли рвала!
Будто-бы грѣшныя души какія,
Малыя души и души большія,
Силы безплотныя, къ аду причтаны,
Неупокоены и не отчитаны,
Бились неистово и распинались,
Въ хату гурьбою ворваться старались!..

* * *

Красноречива, но съ виду проста,
Простонародья родная черта:
Тѣхъ не разспрашивать, къ слову не звать,
Кто не желаетъ чего разсказать.
Эту черту въ немъ столѣтья питали,
Многое съ дѣтства таить пріучали;
Тутъ, да тогда, приходилось молчать,
Свой-ли, отцовскій-ли стыдъ укрывать.
Ну и разспросовъ въ народѣ не любятъ,
Рѣдко о чемъ загалдятъ, да раструбятъ...
Такъ и теперь со старухою было:
Грѣхъ, значитъ, есть, а какой—не открыла;
Самъ-же Андрей разспросить не хотѣлъ.
Только поутру, какъ день засѣрѣлъ,
Вышелъ онъ снѣгъ отъ дверей отгребсти,
Дровъ наколоть и воды принести;
Къ дому вернулся съ дровами, глядитъ:
Крестикъ на двери наружной прибитъ!

Вспомнилъ онъ какъ изъ метели вчерашней,
Другъ друга рѣзче, смѣлѣй, безшабашнѣй,
Клики гудѣли, росли и серчали,
Словно какъ духи какіе стонали,
Чуяли грѣхъ! И сбѣгалися къ двери
Будто на падаль полночные звѣри! —
Крестикъ теперь надъ дверями повѣшенъ:
Смолкнетъ Нечистый, хотя онъ и бѣшенъ;
Крестикъ Господень его остановитъ:
Онъ, хоть не слышно, а все славословитъ!

* * *

Страшная, злая стояла зима!
Въ еляхъ построивъ свои терема,
Рѣзвыхъ кикиморъ къ вѣтвямъ пригвоздила,
Нѣжнымъ снѣжкомъ ихъ хребты опушила;
Юркихъ русалокъ опасный народъ
Спрятала въ тину, въ коряги, подъ ледъ;
Лѣшихъ однихъ допустила бродить,
Робкихъ людей по лѣсамъ обходить.
Дни обрубила зима не жалѣя!
Только-что солнце заблещетъ краснѣя,
Вслѣдъ за нимъ тянется хмурая тьма:
«Я, говоритъ, заблещу и сама!..»
Ночь выступаетъ во всю вышину,
Звѣзды сзываетъ горѣть и луну,
И разсыпаетъ, куда ни взгляни,
Зеленоватые блестки, огни...

Зимняя ночь! Ты глубòко свѣтлà!
Чья-жъ это ласка тебя намъ дала?
Кто, въ утѣшенье угрюмаго края,
Далъ тебя сѣверу, ночь голубая?!
Только одна ты по росту степямъ,
Шире ты ихъ—обняла по краямъ.
Въ васъ, ночи долгія, ночи хрустальныя,
Вволю наплакаться могутъ печальные;
Вволю натѣшиться могутъ распутные,
Вѣчными кажутся скорби минутныя!
Мыслью, блуждающей мрачно, тревожно,
Въ васъ до безумья додуматься можно!
А нѣмоты въ васъ, глухого молчанія —
Хватитъ съ избыткомъ покрыть всѣ страданія!..
Это-ль не милость судьба намъ дала,
Чтобы по Сенькѣ и шапка была,
Чтобы да въ томъ-же краю процвѣтали:
Долгія ночи—большія печали!

* * *

Изо-дня-въ-день старики наши жили,
Чаще, чѣмъ прежде, они говорили.
Много того, что Андрей услыхалъ,
Онъ отъ рожденья и вовсе не зналъ...
Очень Прасковья его удивила,
Какъ въ разговорѣ ему сообщила,
Будто во многихъ большихъ городахъ,
Воздухъ какой-то горитъ въ фонаряхъ;

Въ тѣ фонари ничего не вливаютъ,
Ну, а какъ вечеръ придетъ—зажигаютъ.
Слышалъ онъ также о царскихъ смотрахъ,
Какъ ходитъ гвардія въ красныхъ грудя̀хъ,
Какъ между войскъ у царя есть такія:
Птицы на шапкахъ сидятъ золотыя,
Сами солдаты въ кольчуги закованы,
Лошади ихъ серебромъ перекованы.
Спрашивалъ самъ у Прасковьи Андрей:
Много-ль видала желѣзныхъ путей,
Правда-ль, что тянутся вдоль по нимъ паромъ,
Катятся вслѣдъ за большимъ самоваромъ?
Что̀ называется новымъ судомъ?
Лѣтомъ частенько онъ слышитъ о немъ!
Какъ тамъ въ судахъ господа засѣдаютъ,
Имя нѣмецкое, всѣхъ защищаютъ?
Также присяжныхъ ему объясни:
Судьи не судьи, такъ кто̀-же они?

* * *

Впрочемъ, не та и не эта затѣя
Больше всего занимала Андрея.
Больше любилъ онъ вопросы духовные!
Какъ Богомъ созданы силы верховныя?
Какъ Богъ намъ душу, спасенье ей далъ?
Все это знать онъ хотѣлъ и—не зналъ.
Ну и была тутъ Прасковья готова
Все объяснять хорошо и толково!

Тутъ она ясно, какъ день, излагала,
Не говорила ему,—а вѣщала.

Цѣлыя книги Четіи-Миней
Всѣ наизусть были вѣдомы ей.

Рѣчи Прасковьи увѣренны были:
Ею пророки, отцы говорили!

Въ сердцѣ Андрея, изъ глуби сознанья,
Мало-по-малу взросли очертанья,

И выступали чудесны, велики,
Словомъ Прасковьи рожденные лики

Мучениц҃ъ славныхъ, церковныхъ святителей,
Свѣтскихъ владыкъ и святыхъ небожителей...

* * *

«Каждому дѣлу, Господь такъ велитъ,
Тотъ, или этотъ, святой предстоитъ:

Пчелъ сохранить—такъ Зосимѣ молиться,
Флоромъ и Лавромъ конь-лошадь хранится;

Трифонъ отъ тли и отъ червя спасаетъ;
Воинъ Иванъ—воровство открываетъ;

Все то, что криво, да полно изъяну,
Все то, что слѣпо—Козьмѣ и Демьяну;

Браки несчастные, семью разбитую,
Вѣдаютъ издавна Кирикъ съ Улитою;

Пьяныхъ, загубленныхъ водкою братій,
Много спасаетъ святой Вонифатій...»

Какъ-же ты думалъ, Андрей, до сихъ поръ,
Будто вездѣ пустота и просторъ,

Если такое вездѣ населенье,
Можешь ты вызвать, начавши моленье?
Какъ могъ ты думать, что бѣденъ рожденъ,
Если всѣ яхонты, жемчугъ, виссонъ,
Тѣ, что въ святительскихъ ризахъ блистаютъ,
Въ митрахъ горятъ,—на лицо здѣсь бываютъ?
Какъ могъ ты думать, что въ жизни темнò,
Если все небо святыми полнò!?
Яркихъ вѣнцовъ и оглавій блистающихъ
Больше гораздо, чѣмъ звѣздъ въ немъ мерцающихъ!
Вѣчная жизнь ожидаетъ тебя,
Коль проживешь здѣсь, души не сгубя!..
И, что дороже всего, что безцѣнно:
Все это—правда, и все несомнѣнно!

* * *

При разговорахъ такихъ о святынѣ,
Богѣ, душѣ, о спасеньѣ въ пустынѣ,
Лайка-собака всегда пребывала
И разговоры отлично слыхала...
Песъ былъ спокоенъ. Въ мозгу у него
Не пробуждали они ничего.
Лайку Прасковья не подкупала,
Лайка по-своему все понимала.
Злое предчувствіе въ ней просыпалось,
Что-то недоброе, знать, собиралось!
«Не приходить-бы старухѣ сюда,
Не приходить никогда, никогда!

Прежде Андрей меня, Лайку, любилъ.
Нынче Андрей меня, Лайку, забылъ;

Гладить не гладитъ, ругать не ругаетъ,
Будто нѣтъ Лайки, не замѣчаетъ!

Вонъ и ружье, что на стѣнкѣ виситъ,
Точно, какъ палка какая, молчитъ;

Въ желтое ложе не брякнетъ кольцомъ,
Выстрѣломъ степь не пробудитъ кругомъ!

Стыдно сказать: какъ сегодня свѣтало—
Цѣлыхъ пять зайцевъ у дома гуляло!

А куропатокъ большихъ—вереницы
Ходятъ кругомъ, какъ домашнія птицы!

Нынче дичинки поѣсть не дается,
Больше все рыбка, да рыбка печется.

Ну, да и разница тоже большая:
Мчаться-ль за лыжами, по лѣсу, лая,—

Или у проруби темноï лежать,
Видѣть, какъ крючья начнутъ поднимать;

Бѣдный Андрей то отдастъ, то потянетъ,
Сядетъ, нагнется, на корточки станетъ;

То вдругъ затыкаетъ палкой о дно...
Право: и жалко смотрѣть, и смѣшно!

Ну, да и разница вкуса большая:
Рыбьи головки, иль птица лѣсная?

Есть-ли что въ рыбѣ-то, кромѣ костей?
Нѣтъ, измѣнился ты, братецъ, Андрей!..

И не люблю я старуху Прасковью,
И подѣломъ ей, что харкаетъ кровью.

Чую: недоброе съ нами случится...
Да не хочу я безъ толку сердиться:

Милымъ насильно не быть. Подождемъ.
Можетъ, до лучшей поры доживемъ!»

* *
*

Дни за короткими днями бѣжали,
Ночи такъ длинны, велики такъ стали,

Что ужъ имъ некуда больше рости,
Развѣ что дни цѣликомъ погребсти?

Въ срокъ, когда въ людяхъ средь міра крещенаго
Праздникъ пришелъ Сына Божья рожденнаго,—

Свѣту вездѣ въ небесахъ поприбавилось;
Солнце какъ-будто маленько оправилось...

«Ты, вотъ, Прасковьюшка, мнѣ объясни:
Какъ это вдругъ, да длиннѣй стали дни?

И почему каждый годъ такъ бываетъ,
Что съ Рождества много дня прибываетъ?»

«Это, родимый мой, разно толкуютъ.
Божій сочельникъ, вишь, въ небѣ ликуютъ.

Нынче, подъ праздникъ, самъ Богъ Саваоѳъ,
Къ грѣшному міру приходитъ изъ сновъ.

Съ Богомъ и свѣтъ къ намъ на землю приходитъ...
Впрочемъ, Господь и въ другіе дни ходитъ,

Ходитъ и грѣшныхъ людей посѣщаетъ,
Гдѣ Онъ пройдетъ—чудеса проявляетъ!»

«Что ты, Прасковья, прости тебя Богъ!
Кто-жъ это Господа видѣть-то могъ?»

«Старцы святители зрѣли отлично:
Ходитъ Господь Саваоѳъ самолично!

Ежели тамъ, гдѣ незримъ Онъ идетъ,
Зло иль неправда навстрѣчу встаетъ,—

Божье присутствіе все возмущаетъ;
Вѣчный порядокъ оно нарушаетъ;

Грань между жизнью и смертью мутится;
И невозможное можетъ случиться!

Ну и случается. Люди-жъ потомъ
Чудо постичь помышляютъ умомъ.

Такъ и теперь время свѣту прибавиться!
Чудо! Иначе откуда-жъ онъ явится?..

Чудомъ-бы также, Андреюшко, было,
Еслибъ здоровье мнѣ что возвратило!

Кашель меня всю до сердца изводитъ,
Все онъ сильнѣетъ во мнѣ, не проходитъ.

Крови я много отъ кашля теряю.
Охъ! Доживу-ли до лѣта, не знаю...

Грѣхъ-бы мнѣ только успѣть замолить,
Съ совѣстью чистой глаза мнѣ закрыть!»

Въ душу Андрея морозомъ пахнуло,
Больно такъ стало, въ груди шевельнуло...

Лайка какъ будто-бы что поняла:
Встала и въ уголъ подъ лавку ушла...

Ясно, что Лайка хотѣла сказать:
«Надо и честь знать, пора умирать!..»

III.

Въ жизни повсюду быль съ сказкой мѣшаются,
Правда и ложь ежедневно братаются;
Вовсе достаточной нѣту причины,
Чтобы совсѣмъ не признать чертовщины.
Такъ это будетъ у насъ и теперь:
Тотъ, кто согласенъ повѣрить—повѣрь...
Въ дебри еловой, за яркимъ костромъ,
Мѣсяцы-братья сидѣли кругомъ.
Всѣ королевичи, всѣ однолѣтки,
Въ пламя кидали трескучія вѣтки,
Копьями груду костра шевеля,
Въ ночь поджидали къ себѣ Февраля.
А по рукамъ у нихъ чаша ходила,
Пьянымъ медкомъ языки разводила,
Шутка веселую шутку гоняла,
Братьямъ ни спать, ни молчать не давала.
Вспыхнулъ костеръ, огласилася даль,
Вѣтеръ пронесся, явился Февраль!..
Блещетъ алмазами древко копья,
Звѣздочка свѣтитъ съ конца острія,
Панцырь чешуйками льдинокъ покрытъ,
Поясъ въ сосулькахъ—что мѣхомъ обшитъ;

Щитъ и шеломъ на бокахъ крѣпко кованыхъ
Полны фигурокъ морозомъ рисованныхъ,

Мечъ теплымъ таяньемъ полдней червленъ...
Отдалъ Февраль своимъ братьямъ поклонъ.

«Шлютъ вамъ привѣтъ свой на многія лѣта
Наши родные съ широкаго свѣта.

Бабушка наша, старушка Зима, —
Видно, сердиться устала сама! —

Встрѣтилась у моря съ младшей сестрой,
Съ младшей сестрой, свѣтлоокой Весной;

Долго и тихо о чемъ-то шептались
И, на прощаніи,—поцѣловались!

Матушка наша, вдовица Луна,
Такъ-же, какъ прежде, грустна и одна.

Ясныя Зорюшки, наши сестрицы,
Въ тихихъ свѣтлицахъ, какъ прежде—дѣвицы,

Рядятся, шьютъ, что ни день молодѣютъ,
Замужъ хотятъ—жениховъ не имѣютъ!

Парочка звѣздъ, отъ любви и печали,
Въ Муромскій лѣсъ втихомолку сбѣжали;

Будетъ по утру въ звѣздахъ недочетъ:
Вѣтряный, влюбчивый, глупый народъ!

Двухъ нашихъ тетокъ постигла невзгода:
Тетушку Утро—знобила погода,

Тетушка Ночь—опалила свой хвостъ...
Справили люди великій свой постъ.

Время тебѣ, братецъ Мартъ, выходить,
Выйди скорѣе Весну залучить!
Въ темной землѣ—тамъ броженье идетъ,
Въ сѣмечкахъ духъ недовольства живетъ,
Если намъ мѣръ никакихъ не принять,
Надо тогда возмущенія ждать!»
Всталъ мѣсяцъ Мартъ. Наклонясь надъ костромъ,
Сталъ онъ ворочать полѣнья копьемъ.
Вскинулось пламя живѣй, веселѣй,—
Сдàлись морозы, и стало теплѣй.

* * *

Скоро, конечно, разсказъ говорится,
Медленно самое дѣло творится.
Долго стояли еще холода.
Стала Прасковья не въ мѣру худà.
Съ теплой палати она не вставала,
Лёжа, молитвы день цѣлый читала.
Было то къ полночи, въ мартѣ, въ концѣ;
Вышелъ Андрей постоять на крыльцѣ.
Часто сюда выходилъ онъ стоять,
Чтобы Прасковьи ему не слыхать...
Ночь по Сибири давно ужъ ходила,
Ночь себѣ выхода не находила.
Съ самаго вечера, вслѣдъ за зарей,
Въ небѣ разсыпался свѣтъ огневой;
Росъ онъ, и крѣпъ, и столбы завивалъ:
Сѣверъ ночное сіянье рождалъ!

Въ полномъ безмолвіи бѣлыхъ степей
Бѣгали быстрыя волны огней;
Разныя краски по небу струились,
Изъ глубины его лились, да лились...
Всюду курясь и широко пылая,
Служба на небѣ пошла свѣтовая!
Лѣсъ, въ блескѣ розовомъ, вѣтви спустилъ,
Будто колѣна къ землѣ преклонилъ;
Снѣжныя горы алѣли горбами,
Какъ непокрытыми бѣлыми лбами;
Жаркой молитвою утомлены
Звѣзды чуть теплились, мелки, блѣдны,
И не рождала ни звука, ни шума,
Сѣверной полночи яркая дума!..

* * *

Въ жизнь свою много сіяній ночныхъ
Видѣлъ Андрей на степяхъ снѣговыхъ,
Только прошли они всѣ для него,
Въ сонномъ умѣ не поднявъ ничего.
Только теперь это иначе было:
Сердце сказалось и тутъ-же изныло!
Ну и стоялъ ужъ онъ долго, молчалъ...
Въ небѣ пожаръ все пространнѣй пылалъ!
Въ этомъ пожарѣ, какъ степи краснѣя,
Двигались черныя думы Андрея;
Память себя проявлять начинала,
Мало, а все-же кой-что рисовала;

Жизнь такъ безцвѣтна была и блѣдна—
Вдругъ расцвѣтилась, вспылала она,
Ну и опять поблѣднѣла, теряется...
Что ни толкуй, а старуха кончается!
Страждетъ ужъ очень! Не надо-ль что ей?
Охаетъ что-то, не въ мѣру сильнѣй!

*
*

Баба не охала и не стонала,
Громче, чѣмъ прежде, молитву читала.
У образочка лампадка горѣла,
Горенка темная еле свѣтлѣла;
Только все бѣлое, бывшее въ ней.
Сразу замѣтилъ, вошедши, Андрей,—
Прочее все стало ясно не сразу
Къ блеску сіянья привыкшему глазу.
«Кстати, родимый, пришелъ ты, пора!
Богъ не позволитъ дожить до утра..
Боли не слышу, совсѣмъ полегчало,
Груди и ногъ будто вовсе не стало;
Вижу, покаяться срокъ подошелъ.
Коли-бъ священникъ!.. Да Богъ не привелъ!
Ты, вотъ, Андреюшко, грѣхъ мой возьмешь,
Будешь говѣть—отъ меня и снесешь!»
Трудно старухѣ покаяться было;
Снять образокъ со стѣны попросила,
Свѣчку къ нему восковую зажгла...
«Я, видишь, барину дочкой была!

Барская дворня не разъ говорила,
Мать-то, отъ барина, многихъ родила;
Всѣ перемёрли, лишь я оставалась;
Съ барской семьею играть призывалась.
Много насъ было мальчишекъ, дѣвчатъ!
Вотъ, какъ теперь, всѣхъ ихъ вижу подъ рядъ...
Лѣтъ мнѣ пятнадцать безъ малаго было—
Горе большое господъ посѣтило.
Продали все, а людей распустили,
Барскихъ дѣтей по роднымъ размѣстили.
Я на подводахъ въ Москву послана
И къ бѣлошвейкѣ учиться сдана.
Грамотной, ловкой я дѣвушкой стала!
Много чего я въ ту пору видала!
Бога совсѣмъ, почитай, позабыла,
Въ церковь по цѣлымъ годамъ не ходила!
Дочку, не въ бракѣ живя, прижила̀...
Доченька скоро затѣмъ умерла!
Охъ! Коли-бъ кончить тогда довелось?!»
Остановиться Прасковьѣ пришлось...

* * *

Если-бы подлѣ сидѣвшій Андрей
Съ бо̀льшимъ вниманьемъ слѣдить могъ за ней,
Онъ-бы увидѣлъ, не видѣть не могъ,
Какъ покатились съ морщинистыхъ щекъ
Слезы безъ удержу,—слезы, не лгавшія,
Чуждыя возгласовъ, кротко молчавшія,

Чуждыя всякихъ порывовъ, рыданій,
Слезы великихъ и крайнихъ страданій...

Долго Прасковья, все плача, молчала;
Съ силой собравшись, она продолжала:

«Хоть далекó отъ родного села,
Все-же забыть я его не могла.

Если съ Хопра только встрѣтишь кого,
Спросишь, разспросишь, бывало, всего...

Такъ и тянуло туда погостить!
И собралась я Хоперъ посѣтить.

Тамъ, на Хопрѣ, городъ есть Балашовъ;
Онъ изъ уѣздныхъ у насъ городовъ.

Верстъ девяносто всего отъ села.
Дѣвкой красивой тогда я была...

Съ почтой поѣхала. Какъ увидала
Городъ-то свой, я въ телѣгѣ привстала,

Въ оба гляжу! А душа-то щемитъ!..
Ой, упадешь, мнѣ ямщикъ говоритъ.

Девять тутъ лѣтъ, говорю, не была я,
Дѣвочкой вижу себя, вспоминая...

Церкви-то эти всѣ мнѣ знакомыя,
Тѣ-же верхи у нихъ, крыши зеленыя...

Вонъ и домà у воды, у Хопра,
Улицы, почта и въѣздъ со двора!..

Только вкатили во дворъ—побѣжала,
Дядю родного тотчасъ отыскала.

Кто, говорю, тутъ изъ барскихъ дѣтей?
Только одинъ есть изъ всѣхъ сыновей,
Дочки повыбыли всѣ... Я къ нему...
Въ старенькомъ жилъ онъ и бѣдномъ дому...
Денегъ ему я на бѣдность дала̀...
Часто къ нему заходить начала̀...»

* * *

Снова Прасковья въ упоръ замолчала:
Какъ молодою была, вспоминала!
Въ стѣну глаза неподвижно уставила,
Будто по зрячему взглядъ свой направила...
Въ горенкѣ темной, въ глазахъ умирающей,
Съ яркостью, правдѣ вполнѣ подобающей,
Мощнымъ растеньемъ изъ чуднаго сѣмени
Вышла, чуждаясь пространства и времени,
Призракъ-картина! Въ ней все побраталось,
Въ ней настоящее—прошлымъ казалось,
Прошлое—въ будущность переходило,
Другъ изъ-за дружки свѣтилось, сквозило!
Въ дикомъ порядкѣ пылавшей картины
Позже послѣдствій являлись причины,
Мелочи цѣлое перерастали,
Краски звучали въ ней, звуки пылали!
Все это лилось, кружилось, мелькало,
Вонъ изъ размѣровъ своихъ выступало,
Жизнь полувѣка въ потемкахъ горѣла...
Вотъ на нее-то Прасковья глядѣла...

* * *

Блещетъ Хоперъ... и село на Хопрѣ...
Дѣти, играютъ они на дворѣ...
Тутъ-же, назадъ она ѣдетъ... Знакомыя
Церкви, верхи на нихъ, крыши зеленыя...
Старенькій домъ... Любо въ домикѣ томъ!
Ходитъ туда она ночью и днемъ...
Охъ! Не ходить-бы туда, не ходить!
Охъ! Не сестрѣ-бы такъ брата любить!
Щуритъ Прасковья глаза... Чуть глядитъ.—
Такъ ее яркость картины слѣпитъ...
Молодость! Ой-ли! Ушла-ли она?
Ты не потеряна—обронена!
Что, еслибъ жить-то начать тебѣ снова?
Вслѣдъ ей рвануться Прасковья готова!
Выскочить, броситься въ воду, въ окошко!
Только-бы въ молодость, къ ней, хоть немножко!..
Жарко!.. Фату разстегни! Да не рви!..
Ну, побѣжимъ-ка, братишка, лови!
Только-бъ въ Хоперъ намъ съ тобой не попасть,
Нынче широко разлился онъ. страсть!..
Гдѣ намъ, Прасковья, съ тобою бѣжать?
Въ пору кончаться, въ могилѣ лежать...
Я ужъ въ могилѣ, давно тебя жду!
Ладно, братишка, иду я, иду...
Гаснетъ картина, во тьмѣ потонула!
И на Андрея Прасковья взглянула...

* *
*

Видимо жизнь изъ нея отбывала,
Голосомъ слабымъ она продолжала:

«Да, молода я, красива была...
Брата я кровнаго въ грѣхъ привела...

Онъ-то не зналъ, что сестра я... Я знала...
Облюбовала его, миловала...

Годъ только жилъ онъ, его схоронила...
Странницей сдѣлалась, свѣтъ исходила...

Въ смертный мой часъ мнѣ не лгать на духу̀:
Вольной я волей отдàлась грѣху..

Тамъ, у себя, тамъ, гдѣ воздухъ родной,
Любъ мнѣ мой грѣхъ былъ, великій, срамнòй!..

Но ты, Андреюшко, грѣхъ тотъ возьмешь,
Будешь говѣть — его Богу снесешь...

Можетъ, Господь Богъ Прасковью проститъ:
Грѣхъ въ покаяньѣ предсмертномъ открытъ!

Быть въ Верхотурьѣ — не удостоиться...
Тамъ Симеоновы мощи покоятся...

Братъ, видишь, мой то-же имя носилъ,
Въ дѣтствѣ, въ селѣ. онъ намъ Сеничкой былъ...

Имя я это въ мольбахъ поминаю!..
Что-жъ? Обѣщаешь, Андрей?»

«Обѣщаю!»

* *
*

И умерла она... Какъ-же тутъ быть?
Горе великое съ кѣмъ подѣлить?

Не приходила-бъ ты въ степь необъятную,
Не заводила-бъ бесѣду пріятную...

Охъ! Ужъ была-то ты, радость, новинкою,
Стала ты, радость, слезой спротинкою!

Охъ! На кого-то Андрея покинули,
Всю-то, безъ жалости, жизнь опрокинули!

Сердце щемитъ, пали въ разумъ потемки,
Было-то, было — остались обломки!

Кто-то насъ ждать будетъ, кто-то насъ встрѣтитъ?
Кто-то, какъ звать начнутъ, здѣсь я! отвѣтитъ?

Да и зачѣмъ-то намъ счастье дается?
Знать-бы, не брать, коль назадъ отберется!

Горе ты наше, великое горе,
Стало ты, горе, большимъ на просторѣ!

Охъ! Умерла ты! Зачѣмъ, почему!?
Плачетъ Андреюшко, тяжко ему.

А передъ нимъ на скамейкѣ остывшей,
Тѣло лежало Прасковьи почившей.

И улыбалась она, хоть молчала,
Будто пріятное что увидала,

Будто отмѣну великой печали,
Вотъ, вотъ, теперь только, ей обѣщали!..

«Радуйся, радуйся! Слышитъ она,—
«Бѣдная грѣшница, ты—прощена!..»

* * *

Руки Прасковья, когда отходила,
Мо̀лча, крестъ-на-крестъ, сама положила...

Сутки прошли и другія прошли,
Темныя пятна по тѣлу пошли,
Надо скорѣе старуху прибрать,
Гробъ колотить и могилу копать.
Поднялъ Андрей ее, шубкой прикрылъ,
Вынесъ въ сѣнцы и къ стѣнѣ положилъ.
Онъ изъ рубахи своей холщевой,
Бѣлой, неношенной, съ пестрой каймой,
Полной полосокъ, кружечковъ, крестовъ,
Тѣлу старухи устроилъ покровъ;
Сѣно лѣсное подстилкой служило:
Много въ немъ моху зеленаго было,
И изъ зеленаго моха торчали
Сотни цвѣточковъ, что лѣтомъ увяли...

* * *

Часто Андрей подлѣ тѣла сидѣлъ:
Все хоронить онъ его не хотѣлъ!
Вотъ ужъ и гробъ былъ готовъ небольшой,
Ждетъ гробъ недѣлю — сталъ плакать смолой!
Вотъ на сосѣднемъ, ближайшемъ холму
Вырылъ Андрей помѣщенье ему,
Вѣтками онъ помѣщенье покрылъ:
Вѣтеръ подъ ними гнѣздо себѣ свилъ!
Прежде, при жизни Прасковьи, бывало
Съ ней говорилъ онъ, порой, очень мало:
Меньше чѣмъ прежде теперь говоритъ,
Къ тѣлу подсядетъ, работу чинитъ...

Холодъ Андреюшкѣ службу служилъ,
Тѣло Прасковьи отъ порчи хранилъ.

Съ рукъ неподвижныхъ, отъ щекъ, ото рта,
Мало-по-малу сошла чернота;

Даже морщины сравнялись на кожѣ,
Стала Прасковья какъ-будто моложе.

Впрочемъ, Андрей ей въ лицо не глядѣлъ:
Онъ у покрытаго тѣла сидѣлъ.

Сколько онъ дней тѣмъ порядкомъ провелъ,
Онъ не считалъ, да и счета-бъ не свелъ.

Еслибъ весна позабыла явиться —
Могъ-бы Андрей и съ покойницей сжиться...

Только весна подойти не забыла,
Теплымъ туманомъ лѣса окропила,

Снѣгъ побѣжалъ, дали трещины льдины...
Стали чернѣть на Прасковьѣ морщины.

Время покойницу въ гробъ положить!
Нечего дѣлать, пора хоронить!..

И на холмѣ онъ ее схоронилъ.
Полдень весенній въ могилу свѣтилъ...

А какъ по гробу земля застучала,
Крышка его подъ землею пропала —

Много, безъ счета, горѣло надъ ней
Слезъ и весенняго солнца лучей...

* * *

Рано въ ту пору весна наступила!
Съ неба сошла, изъ земли выходила!

Въ небѣ румяныя зо́ри горѣли,
Птицы свистали, чирикали, пѣли:
Въ воздухѣ влажномъ, въ весенней теплынѣ,
Тихо задумались Божьи пустыни...
А изъ земли, въ платьяхъ, въ юбочкахъ новыхъ
Шли миріады тюльпановъ лиловыхъ;
Сколько ихъ, сколько вездѣ проступало —
Точно тюльпанное царство настало!
Въ мракѣ темнѣйшихъ, забытыхъ угловъ
Говоръ раздался болтливыхъ ручьевъ;
И надъ блистающей, свѣтлой волной,
Какъ Океанъ необъятно большой,
Бился незримыми глазу волнами
Запахъ весны, порожденный цвѣтами!..

* * *

Холмъ у лачуги стоитъ одинокъ;
Крестъ на холмѣ водруженъ невысокъ.
Степью безлюдной уходитъ Андрей,
Съ сѣрою Лайкой, собакой своей,
Палка въ рукѣ и сума за плечами,
Переступаетъ лѣниво ногами,
Точно идетъ онъ съ грѣхомъ пополамъ.
Въ мѣру такая походка степямъ!
Будь ихъ хоть вдвое безбрежныхъ степей,
Всѣхъ ихъ тихонько отмѣритъ Андрей!
Онъ безустанно, усердно идетъ:
Время такое — народъ подойдетъ,

Ну, а народа онъ видѣть не хочетъ,
Какъ-бы уйти поскорѣе хлопочетъ.

Цѣль ему свѣтитъ—обитель Господня;
Цѣли онъ въ жизни не зналъ до сегодня!

Ну, а теперь дѣло вовсе иное:
Онъ покаянье уноситъ чужое.

Дòма, въ лачугѣ, сидѣть онъ не можетъ:
Скука томитъ, одиночество гложетъ...

Такъ вотъ его въ Верхотурье и тянетъ...
У Симеона молиться онъ станетъ;

А изъ обители прочь не погонятъ,
Будетъ тамъ жить, а умретъ — похоронятъ...

* * *

Мѣсяцъ прошелъ. Населилась лачуга.
Просто не знала, что дѣлать съ испуга!

Тутъ собиралися разные люди,
Съ Руси великой, отъ Мери и Чуди!

Въ стойлахъ усталыя лошади ржали,
Гости, ночуя, въ повалку лежали;

Водка и пѣсни текли спозаранка;
Подъ вечеръ говоръ, четъ-нечетъ, орлянка...

Много шло толковъ промежду гостей:
Что тутъ случилось? Гдѣ старый Андрей?

Ищутъ мордвина. Напрасно, исчезъ...
Видятъ могилу у выхода въ лѣсъ...

Если онъ, точно, въ могилу забрался,
Самъ-ли онъ, что-ли, въ нее закопался?

ТРИ ЖЕНЩИНЫ.

РАЗСКАЗЪ.

(Вас. Ив. Немировичу-Данченкѣ.)

I.

1.

Давно то было! Юный странникъ,
Полубѣглецъ, полуизгнанникъ
Россіи, родины своей.
Съ утра покинувши Вевéй,
Стуча остроконечной палкой,
На прогвожденныхъ сапогахъ,
Походкой прочною, не валкой,
Пошелъ встрѣчать весну въ горахъ.
Господь счастливца не обидѣлъ:
Онъ былъ красивъ; здоровъ—всегда.
Онъ въ жизни свѣтской больше видѣлъ,
Чѣмъ видятъ всѣ въ его года.
Богатъ; экзамены осиливъ,
Онъ началъ счáстливо служить;
На Новый годъ, коней замыливъ,
Могъ полъ-столицы посѣтить.
Безхарактѐрность, безтипичность,
Совсѣмъ обыденная личность,

Не глупъ, но спѣсью одержимъ,
Вотъ былъ онъ юношей какимъ.

2.

Но съ нимъ несчастье приключилось:
Одно изъ лицъ, весьма большихъ,
Побольше множества другихъ,
Вдругъ въ ту-же женщину влюбилось,
Которую и онъ любилъ.
Вездѣ солому ломитъ сила;
Тутъ случай грустный выходилъ.
Родня сердилась. Сцены были:
Отцу какъ дòлжно сообщили,
Что нужно юношу услать,
Не то, пожалуй, бури ждать.
Его отъѣздъ рѣшенъ былъ вскорѣ.
Великое то было горе:
Приказъ врасплохъ его засталъ—
Онъ непомѣрно ревновалъ.

3.

То барыня была большая,
Роскошная, совсѣмъ земная,
Въ долгахъ, но съ именемъ большимъ,—
Одна изъ сказокъ нашихъ зимъ.
Игривы барыни большія,
Подчасъ, особенно у насъ.
Онъ полюбилъ ее впервые;
Она, извѣстно всей Россіи,

Совсѣмъ, совсѣмъ не въ первый разъ!
Далась ему тогда задача!
Онъ, въ часъ разлуки, чуть не плача,
Былъ рѣзокъ, злобствовалъ, язвилъ,
Звалъ убѣжать, просилъ сознаться,
Прощалъ, стращалъ, хотѣлъ стрѣляться,
Ей даже свадьбу предложилъ!
«Вотъ вы какой!—она сказала,—
Я, милый, васъ совсѣмъ узнала,
Такъ дайте-жъ мнѣ пожить съ другимъ!
Я прихотямъ вѣрна своимъ»...
«Но я убью его!»
«Опасно.
И неумно, и слишкомъ гласно.
Всѣ эти вещи хороши,
Пока свершаются въ тиши;
Да и къ тому-жъ... я денегъ стòю»...
Съ приникшей къ груди головою
Онъ слушалъ, силился понять...
«Однако-жъ надобно кончать»,—
Она промолвила.
«Конечно!
Какъ женственно, какъ человѣчно!
Но я въ отвѣтъ на ваши «нѣтъ»,
Прощаясь, дамъ благой совѣтъ:
Мѣнять насъ, какъ мѣняютъ платье,—
Неблагодарное занятье!
А вы,—вы любите мѣнять;
Увлекшись слишкомъ безразсудно,

Погибнуть женщинѣ не трудно»...
  «Дитя! Зачѣмъ-же такъ пугать!
  Не будемъ ссориться, прощайте,
  И, если пасть мнѣ суждено,
  Какъ мнѣ упасть—не предрѣшайте,
  Мнѣ нужно гибнуть, все равно».
«Смѣетесь вы».
                    Она смѣялась,
Куда-то ѣхать собиралась.
«Останьтесь!»
                    «Нѣтъ, я не хочу».
И вслѣдъ затѣмъ она зѣвнула,
Пройдя, духами опахнула,
И потрепала по плечу...

4.

И въ тотъ-же вечеръ, въ кабинетѣ,
Въ сіяньѣ лампы, въ яркомъ свѣтѣ,
Бѣдняга самосудъ держалъ:
Револьверъ, молча, заряжалъ.
А кабинетъ былъ такъ роскошенъ!
Хозяинъ будто лишнимъ былъ,
Къ нему совсѣмъ не подходилъ,
Случайно, будто-бы, заброшенъ.
У стѣнъ, подъ тяжестью гербовъ,
Стояло грузныхъ шесть шкаповъ;
Въ нихъ книги цѣнныя стояли;
Шкапы, покрытые рѣзьбой,

Шесть первыхъ дней изображали
Творенья. Бронзовыхъ фигуръ
Кругомъ виднѣлось очень много.
Со стѣнъ, внушительно и строго,
Глядѣли группы арматуръ,
Блистали золотомъ и сталью—
Вишневскій, Лебедà, Лепажъ.
Крутая лѣстница спиралью
Бѣжала во второй этажъ.
Вездѣ сидѣнья надъ коврами,
Въ углу готическій каминъ.
Картины въ рамахъ подъ гербами,
Съ изображеньями руинъ,
Коней, коровъ, морскихъ сраженій.
Двойной коверъ весь полъ покрылъ,
И кто бы тамъ ни проходилъ,
Движенья не могло быть слышно.
Все было такъ красиво, пышно...
Тутъ мебельщикъ причиной былъ.

5.

Вотъ здѣсь-то, въ этомъ помѣщеньѣ,
Среди бездѣлокъ дорогихъ,
Въ тупомъ, глухомъ оцѣпенѣньѣ,
Нашъ юноша, безмолвенъ, тихъ,
Револьверъ взялъ, патроны вправилъ...
Хоть въ жизни и не можетъ быть
На каждый случай общихъ правилъ,

Но тутъ, чтобъ пытку разрѣшить,
Три только способа являлось:
Ее убить? Нѣтъ, не идетъ...
Его? Рука не поднималась...
Себя? Другого не осталось...
Что̀ жизнь? Пусть прахъ ее возьметъ!
И вотъ, спустился въ сердце холодъ,
Тихонько тронулся курокъ...
«Ой, дитятко! Еще ты молодъ,
А грѣхъ какой? Да Богъ сберегъ!»
И, рѣзко руку отклоняя,
Старушка-нянюшка сѣдая
Вдругъ появилась у стола,
Револьверъ прочь изъ рукъ взяла...
И, къ нянѣ бросившись на шею,
Бѣдняга громко зарыдалъ!
Ужъ обнималъ онъ, обнималъ!
Сталъ вдругъ ребенкомъ передъ нею,
И теплыхъ, теплыхъ слезъ потокъ
Изъ мрака къ свѣту мысль извлекъ.
И все кругомъ, что только было,
Что по угламъ, со стѣнъ свѣтило:
Шкапы, оружья мѣдь и сталь,
Гербы, столы, ковры, картины,
Фарфоръ, китайскіе кувшины
И даже лѣстницы спираль—
Все это всплакалось, взмелькало,
Какъ-будто сбросивъ покрывало
Тоски, богатую печаль!..

6.

И вотъ, остатки страсти нѣжной,
Обидной, глупой, но мятежной,
Съ собою въ путь онъ потащилъ.
Онъ грустенъ былъ, задумчивъ былъ,
Онъ утопалъ въ воспоминаньяхъ!
Какъ звѣзды, что̀ пригвождены
На безконечныхъ разстояньяхъ,
Въ знакомымъ міру очертаньяхъ,
Такъ, подъ дыханіемъ весны,
Надъ нимъ повсюду проступали
Черты знакомаго лица;
Кровь билась, мысли бушевали
Совсѣмъ безъ толку, Безъ конца...

7.

Страшны̀ пустыни! Безъ движенья,
Навѣкъ молчать обречены,
Они не знаютъ измѣненья
Своей смертельной желтизны.
Остатки-ль видны въ нихъ нѣмые
Чуть не предвѣчной старины?
Запасы-ль, житницы большія
Грядущаго? Судьбы темны̀!..
Но тяжело, когда порою
Пустыни скорбный, мрачный ликъ,
Распространяясь надъ землею,
Въ людское сердце вдругъ проникъ!

Что въ томъ, что сердце очень мало,
Что жизнь его совсѣмъ мелка;
Пустыня чуть только взбѣжала—
Въ немъ непомѣрно велика!
И въ юношу она проникла...
Бѣдняга обмеръ, захилѣлъ;
Стать злымъ—онъ силы не имѣлъ,
Бороться—воля не привыкла.
Дремучій лѣсъ, великъ и хилъ,
Его отвсюду обступилъ,
Лѣсъ безъ дорогъ и безъ прогалинъ;
Въ немъ рядъ таинственныхъ развалинъ,
И обликъ женщины надъ нимъ,
Дразнящій пламенемъ своимъ.

II.

1.

Въ тѣ дни швейцарскіе отели,
Какъ нынче, жизнью не кипѣли.
Въ обитель дальнихъ облаковъ
Не поднимались паровозы,
Пуская трескъ житейской прозы
Въ мечтанья облачныхъ паровъ;
По ледникамъ окоченѣлымъ
Сіяньемъ острымъ, скороспѣлымъ
Не брызгалъ газовый рожокъ;
И, рѣзко эхо пробуждая,

До октября съ начала мая,
Не щелкалъ Гейцикъ и Лекокъ.
Съ террасъ богатыхъ и просторныхъ
Не разсылалъ по высямъ горъ
Великосвѣтскій разговоръ
Своихъ двусмысленностей вздорныхъ.
Не шли къ горамъ со всѣхъ концовъ
Толпы жирѣющихъ отцовъ,
Дѣтей съ задатками чахотокъ
И всевозможныхъ золотухъ,
Женъ въ отпуску, мужчинъ-кокотокъ,
И косметическихъ старухъ!
Гдѣ рѣчь вели однѣ лавины,
Тамъ нынче слышатся въ горахъ
Ноктюрны сладкіе Равины,
Романъ Золя и Оффенбахъ.
Тамъ, гдѣ порою осторожно
Ступала горная коза,
Раскрывъ широко и тревожно,
Какъ бархатъ, мягкіе глаза—
Тамъ ходятъ ножки съ каблучками,
Шуршатъ одежды, и блеститъ,
Подъ наведенными бровями,
Взглядъ нѣжно-цѣпкій, какъ магнитъ.

2.

На глыбѣ темнаго порфира,
Гнѣздомъ орла или совы,
Полувисятъ дома трактира

Подъ кличкой «Черной Головы».
Внизу Тріанъ, потокъ сердитый,
Гудитъ, каменьями прикрытый.
Съ горы подходитъ хвойный лѣсъ;
Онъ полонъ вымершихъ чудесъ!
Въ стволахъ, въ кореньяхъ—очертанья
Какихъ-то рукъ, какихъ-то лицъ
Недовершеннаго сказанья,
Одной изъ лучшихъ небылицъ.
Весна въ концѣ. Сошли снѣга;
Одѣлись зеленью луга;
Цвѣтутъ вишневыя деревья;
Стада обычной чередой,
Вслѣдъ за сбѣжавшею водой,
Пошли на лѣтнія кочевья;
И бродятъ семьи англичанъ,
За караваномъ караванъ...

3.

Почти-что мѣсяцъ, какъ монахъ,
Нашъ русскій проживалъ въ горахъ,
Одинъ, въ семействѣ очень строгомъ,
Хранимыхъ протестантскимъ Богомъ,
Хозяевъ «Черной Головы».
Туристовъ мало заходило.
Въ ущельяхъ слишкомъ сыро было,
И жизнь въ трактирѣ безъ гостей
Невыносимой становилась.
А тамъ, вдали, она свѣтилась,

При блескѣ тысячи свѣчей,
На берегахъ Невы далекой,
Окружена толпой стоокой...
«Нѣтъ, къ ней скорѣй! Вернусь!.. Туда!..
«И, будь что будетъ, не бѣда!
«Не можетъ быть, чтобъ все пропало!
«Вернусь, вернусь, во что-бъ ни стало»...
И онъ вернуться порѣшилъ,
И, порѣшивъ, спокойнѣй былъ.

4.

Погаснулъ день. Ночь наступила,
По небу звѣзды засвѣтила.
Вершины снѣжныхъ горъ вдали
Блистаютъ, будто-бы кремли;
Спать приготовившись, онѣ
Горятъ въ малиновомъ огнѣ.
За длинным, вымытымъ столомъ,
Семьею людною, кругомъ,
Сидятъ: трактирщица, три дочки,
Четыре сына, самъ отецъ,
И между ними ихъ жилецъ.
На дочкахъ пестрыя сорочки;
Мальчишки, въ курткахъ всѣхъ цвѣтовъ
Ѣдятъ, не обтирая ртовъ,
Дробя въ рукахъ пирогъ съ лапшою.
Покончивъ, молча, ужинъ свой,
Расправивъ бороду рукой,
Отецъ за кружкою пивною

Повелъ знакомый разговоръ:
Все больше мѣстное, да вздоръ.
Полна почтенья, обожанья,
Любуясь правдой назиданья,
Хозяйка штопала чулокъ;
А семеро дѣтей, въ кружокъ,
Безмолвно слушаютъ, зѣваютъ,
Руками щеки подпираютъ.

5.

Стучатъ! Задвигалась семья.
«Кто тамъ?»
«Пріѣзжіе! Пустите».
«Кто проводникъ? Ты, рыжій?»
«Я.
«Муловъ скорѣе приберите».
Открыта дверь. Съ большимъ мѣшкомъ,
Не то рысцой, не то шажкомъ,
Стуча большими сапогами,
Въ какой-то тогѣ по плечамъ
Ввалился нѣмецъ, толстъ и прямъ.
За нимъ горбата, неуклюжа,
Таща подушку, палку мужа,
Вошла тщедушная жена.
И, наконецъ, слаба, больна,
Въ платокъ закутавъ грудь и руки,
Съ пути совсѣмъ утомлена,
Явилась дочь. Вздремнувъ отъ скуки,
Нашъ русскій былъ душевно радъ

Пріѣзду нѣмцевъ. Ихъ нарядъ,
Носъ старика и горбъ старушки,
Дочь, палка, тога и подушки
Ему почудились сперва
Какой-то шуткой колдовства.

6.

Визжатъ ножи, идетъ работа;
Пріѣзжій—красенъ какъ пѣтухъ;
Онъ принимаетъ пищу вслухъ,
И пьетъ безъ мѣры и безъ счета.
Старушка, сколько разъ—не счесть,
Тарелку мужа добавляетъ,
И только дочь одна мечтаетъ
И ни за что не хочетъ ѣсть.
Ну какъ-же было не замѣтить,
И грѣшной мыслью не отвѣтить
Той неподдѣльной красотѣ,
Чтò вдругъ какъ-бы свалилась съ неба,
Сидитъ, молчитъ, не хочетъ хлѣба,
И отдалась своей мечтѣ?
Нашъ русскій, давши волю зрѣнью,
За блѣдной дѣвушкой слѣдилъ...
Отъ заключенья къ заключенью
Онъ шелъ и выводъ выводилъ:
Что нѣмцы вовсе не такъ дурны,
Какъ ихъ рисуетъ нашъ народъ!
Грудь высока, изященъ ротъ,
Прекрасенъ ростъ, глаза лазурны...

Въ ней Гретхенъ чудилась ему,
Такою, какъ пошла въ тюрьму.

7.

Но нѣмцы, видимо, боялись,
Его! Чего-то испугались...
Старикъ-отецъ глядѣлъ все вбокъ,
Стрѣлялъ глазами и косился
Особенно, когда кусокъ
Не такъ, какъ нужно, торопился,
И неудаченъ былъ глотокъ;
Бѣлки широко выставлялись,
Куски сердить отца боялись
И мчались въ горло, кто какъ могъ.
Старикъ крутенекъ былъ и строгъ.
Старушка, видимо, терялась
И какъ бѣдняжка ни старалась
Глядѣть на булки, и на чай,
Нѣтъ-нѣтъ и взглянетъ невзначай.
А дочь, хоть рѣдко, но прилежно,
Не то чтобъ зло, не то чтобъ нѣжно,
Въ упоръ глядѣла на него...
И, Боже мой, чего-чего
Не передумалъ, видя это,
Нашъ бѣдный юноша-бѣглецъ?
Въ немъ любопытство, наконецъ,
Сказалось, за̀-живо задѣто.
Исчезъ въ немъ гражданинъ больной,
Возвратъ на родину, домой,

И тучка вдругъ заволокнула
Ту, прежнюю, что въ даль тянула...

8.

«Спокойной ночи.»
«До свиданья.»
«Охъ, какъ мы славно будемъ спать!»
«Хорошихъ сновъ вамъ пожелать!»
«Спасибо вамъ за пожеланья!
«Ну-съ, а идти-то намъ куда?
«Высоко очень—не согласенъ.»
И нѣмецъ вышелъ, сытъ и красенъ,
И шелъ не то чтобъ безъ труда.
За нимъ, горбата, неуклюжа,
Таща подушку, палку мужа,
Пошла тщедушная жена;
А вслѣдъ за ними и она...
Въ трактирѣ замерло. Порою,
За деревянною стѣною,
То здѣсь, то тамъ еще шумятъ.
Напяливъ ватный свой халатъ,
Старикъ-трактирщикъ терпѣливо,
Внимательно и кропотливо
Хозяйство обошелъ вокругъ;
Ворота заложилъ на крюкъ
И опочилъ. Огни задули.
И скоро въ домикѣ уснули,
И поднялся со всѣхъ угловъ,
Храпъ всякихъ видовъ и тоновъ.

9.

Въ каморкѣ скромной, но опрятной,
Въ тоскѣ безцѣльной, необъятной,
Готовый, кажется, изныть,
Нашъ русскій, платья не снимая,
Забывши дверь совсѣмъ закрыть,
Какъ-будто гостью поджидая,
Сидѣлъ—задумчивъ и угрюмъ—
Безсильной жертвой мрачныхъ думъ.
Ночь обнимала тишиною,
Но, если слухъ ему не лгалъ,
Тамъ гдѣ-то, дальше, за стѣною,
Онъ голосъ нѣмца услыхалъ!
Какъ-будто чѣмъ-то угрожая,
То онъ терялся, то слабѣлъ,
То вдругъ не въ мѣру свирѣпѣлъ
И, въ дверь открытую влетая,
Пугалъ... Но вотъ замолкъ и онъ,
Въ молчаньѣ ночи погребенъ...

10.

Давно холодный свѣтъ луны,
По тьмѣ полночной пробираясь,
Обливъ сіяньемъ часть стѣны
И незамѣтно подвигаясь,
На вымытый, досчатый полъ
Съ обоевъ стѣнки перешелъ.
Давно къ свиданью подъ обои

Сверчокъ свою подругу звалъ,
И, страстный какъ и всѣ герои
Все ту-же пѣсню распѣвалъ.
Часы безъ умолку стучали...
«Чтó, еслибъ... Чудеса бывали!»
Нашъ русскій думалъ,—«эта дверь
Открылась именно теперь?
Вѣдь было-жъ это, какъ-то, гдѣ-то?..
Да, помню, Гофманомъ воспѣто!
На чей-то страстный, тайный зовъ,
Въ дѣйствительность, не въ область сновъ,
Она явилась... Чертовщина!
Бѣсовскій блескъ, открытый взглядъ.
Что-жъ оказалось—-автоматъ!
Чуть обняли ее—машина
Сломалась, кукла затряслась,
Осунулась, разорвалась,
И въ трещинахъ лица и тѣла
Повсюду вата забѣлѣла...
Такъ было въ сказкѣ... А теперь?
Когда-бъ не въ шутку, въ эту дверь,
Не въ сказкѣ, а на самомъ дѣлѣ,
Съ огнемъ въ глазахъ и кровью въ тѣлѣ
Явилась та... Нѣтъ, нѣтъ, она!
Не въ двери, ну такъ изъ окна!
О, я-бы тутъ не обманулся»...
И онъ лѣниво потянулся...
Смѣшались въ немъ, легки какъ дымъ,
Предметовъ внѣшнихъ впечатлѣнья

Съ обманомъ яркимъ и живымъ
Передового сновидѣнья;
Дремота смутная росла,
Но... дверь вдругъ настежь отворилась,
Къ сосѣдней стѣнкѣ прилегла,
Каморка свѣтомъ наводнилась,
И въ двери женщина вошла.

11.

Открывъ глаза на шорохъ платья,
И, какъ изъ крѣпкаго объятья,
Изъ сна рванувшись, что есть силъ,
Нашъ русскій, мысли собирая,
И ничего не понимая,
Поспѣшно на ноги вскочилъ.
Отъ двери на̀ полъ упадая,
Квадратъ широкій обрамляя,
Лежалъ холодный свѣтъ луны;
И ночь, войдя, росой дохнула,
И, чуть замѣтно, потянула
Смолистымъ запахомъ весны.
А у дверей, спиною къ свѣту,
Стояла темная, она,
Вездѣ кругомъ по силуэту
Тесьмой лучей обведена.
Въ лицѣ, покрытомъ полутѣнью,
Какъ за туманомъ огоньки
Свѣтились темныхъ глазъ зрачки;
Не исполняя назначенья,

Разстегнутъ вòротъ платья былъ,
И грудь высокую и шею,
Съ завѣтнымъ крестикомъ надъ нею,
Смѣлѣй, чѣмъ должно, обнажилъ.

12.

Со всѣми знаками страданья
Души испуганной, больной,
Она явилась для свиданья,
Съ письмомъ въ рукѣ, блестя красой!
Нашъ русскій быстро отшатнулся,
Не отшатнуться онъ не могъ,
Когда, переступивъ порогъ,
Безумный призракъ шевельнулся,
Къ нему навстрѣчу потянулся.
И вслѣдъ затѣмъ онъ услыхалъ
Что кто-то вслѣдъ ему бѣжалъ,
И неувѣренно шагая,
Старался дѣвушку нагнать.
Глядитъ онъ: то старушка мать!
Простоволосая, сѣдая,
Платкомъ одежду дополняя,
Старушка въ двери не вошла,
Рѣшилась вдругъ остановиться.
Она рукою знакъ дала—
Молчать и ждать, не шевелиться!

13.

«Ну, вотъ и я! Насъ не услышатъ.
Отецъ и мать спокойно дышатъ...

Мы здѣсь отъ міра далекіи!
Нѣтъ вовсе городского шума
Грудь не болитъ, свѣтлѣетъ дума,
И жжетъ пожатіе руки...
Пойдемъ со мною въ лѣсъ нагорный
Послушать пѣсню соловья.
Оврагъ! Какой онъ страшный, черный,
Кипитъ туманомъ по края!
Лазурью, какъ тогда, блистая,
Все небо звѣздами горитъ,
И ночь мечтательнаго мая
Благоухаетъ и дымитъ...
Нѣтъ, нѣтъ! Въ такую ночь не спится!
Кругомъ зовутъ, вездѣ манятъ;
Да, что-то страшное случится,
Всѣ еле слышно говорятъ!..
Ты мнѣ писалъ... Я разбирала;
И, какъ мнѣ кажется, прочла,
Ты пожелалъ, чтобъ я пришла,—
Я и сама придти желала!
Отецъ, онъ только-что бранилъ,
Но онъ не билъ меня, не билъ,
Нѣтъ, нѣтъ!.. Прошедшею весною,
Когда съ тобой простилась я,
Сынокъ нашъ жилъ, былъ схожъ съ тобою,—
Такъ говорила мать моя!
Она къ нему тайкомъ ходила.
Отцу сказала—схоронила!
Сынокъ былъ миленькій такой,

И онъ былъ нашъ, и онъ былъ твой!
И всѣхъ тропхъ насъ разлучили...
И что-жъ? Сынка похоронили,
Онъ, бѣдненькій, въ могилкѣ спитъ...
Что-жъ дѣлать, такъ отецъ велитъ!
И заболѣла я опасно.
Къ намъ, помню, доктора пришли,
И порѣшили громогласно
Ребенка вынуть изъ земли»...

14.

На этомъ рѣчь остановилась.
Словъ не хватило, мысль смутилась,
Въ нихъ оказался недочетъ.
Подавшись нѣсколько впередъ,
Больная къ стѣнкѣ прислонилась.
Нашъ русскій терпѣливо ждалъ.
Тревожный взглядъ его блуждалъ
Отъ дочери на мать старуху;
Яснѣй, чѣмъ прежде, были слуху
И стукъ часовъ, и ревъ рѣки.
Онъ видѣлъ, какъ письмо упало
Изъ опустившейся руки...
Лицо больной суровѣй стало.
И этимъ временемъ луна
Пролетной тучкой затянулась,
Ночь каждой тѣнью шевельнулась,
И стала комнатка темна.

15.

«Въ могилкахъ дѣточки-малютки
Всегда нетлѣнно хороши...
Да! Смерть сама въ земной тиши
Играетъ съ ними, шутитъ шутки.
Ей больше всѣхъ по сердцу мой:
Смѣется черепъ костяной!
Охъ! Сколько вынесла я муки!..
Охъ! Сколько слезъ я пролилà!
Чтò доктора и ихъ науки,
Лѣкарства—если жизнь сожгла?
Все уступлю, все уступала,
Чтò вашъ законъ? Вѣдь онъ слѣпой!
Чуть матерью сама я стала,—
Отецъ не властенъ надо мной!
Что значитъ: обществу обидно...
Стыдъ... пересуды... Что онѣ,
Когда, для всѣхъ еще не видно,
Дитя шевéлится во мнѣ?
И я разсудокъ потеряла...
Да, были дни: я такъ страдала...
И вотъ теперь меня везутъ
Смотрѣть людей, смотрѣть природу,
Даютъ какую-то свободу,
Но полной воли не даютъ...
Но, милый мой, тебя я знаю...
Будь тише, спящихъ не буди!
Когда-бы зналъ ты, какъ страдаю ..
Какой огонь въ моей груди!»

16.

Весь этотъ страстный, жгучій вздоръ
Больная четко говорила,
Уставивъ прямо тусклый взоръ.
Отъ стѣнки тихо отходила
И приближалась, и манила...
Его рукою обняла,
И быстро кинувшись на плечи,
Не досказала смутной рѣчи—
Вся вздрогнула и обмерла...
Когда-бъ не тягость впечатлѣній,
Не мать-старушка, не испугъ,
Для всѣхъ подобныхъ преступленій
Есть, говорятъ, въ аду свой кругъ!
Тамъ вьются жалобныя тѣни,
Какъ чуть замѣтныя струи,
И мнутъ о своды и ступени
Тѣла воздушныя свои.
Въ юдоли плача и рыданья
Ужасны тѣхъ тѣней страданья!
Но, если-бы имъ жить начать,
Кто поручится, чтобы снова
Тѣнь вовсе не была готова
Вернуться къ прежнему опять?
Больная даже не слыхала,
Какъ быстро мать ея вбѣжала,
Какъ скрипнулъ вдругъ досчатый полъ;
Глубокій обморокъ сошелъ
Въ страдавшій мозгъ, осунулъ тѣло,

Ей сердце сжалъ, глаза закрылъ,
И повелительно, и смѣло
Все то, что въ бѣдной наболѣло,
И уравнялъ, и помирилъ.

17.

Старушка съ юношей вдвоемъ
Больную на полъ опустила,
И чернымъ, вязанымъ платкомъ
Отъ головы до ногъ покрыла.
«Простите», молвила она:—
«Бѣдняжка дочь моя больна.
Когда-бы вамъ теперь случилось
Ее въ припадкѣ испугать,
Пришлось-бы бѣдную связать,
А то-бы вся она избилась;
Такъ лучше ей и лучше намъ!
Отца-бы только не будили»...
И слезы ярко засвѣтили
Вдоль по морщинистымъ щекамъ.
И, глухо, сдержанно рыдая,
Мать дочку кутала въ платокъ.
Нашъ русскій, кутать помогая,
Возился, дѣлалъ все, что могъ.
Въ его ушахъ слова звучали,
Ихъ смутный лепетъ не затихъ.
«Зачѣмъ ея любви мѣшали?
Зачѣмъ настойчивость родныхъ?

Кто тотъ, съ кѣмъ разлучить рѣшили?
Кто ты сама, что тутъ лежишь,
И о своей печальной были
Сквозь трауръ складокъ говоришь?»
Но тѣло дѣвушки молчало,
Ему отвѣтовъ не давало,
И было хо̀лодно оно,
И не противилось, не билось,
Покорное, не шевелилось,
Какъ-будто такъ и быть должно.

18.

«Теперь прошу васъ помогите
Мнѣ дочку въ комнату отнесть;
Но, бережно, не вдругъ берите,
Чувствительность въ бѣдняжкѣ есть.
Вы русскій?»
«Да».
«Я это знала.
«Какъ вы похожи на того,
Съ кѣмъ дочь моя виновна стала!
Я, впрочемъ, не виню его.
Тутъ няня дочки виновата,
А также виновата я...
Отъ няни, а не отъ разврата,
Погибла доченька моя!
Но, если дочь у васъ родится,
Взростетъ, ей полюбить случится—

Пусть будетъ такъ, какъ суждено.
Нельзя спасти—такъ не мѣшайте,
Какъ гибнуть ей—не предрѣшайте,
Она погибнетъ все равно.!.»

19.

Слова знакомыя! Давно-ли
Онъ слышалъ ихъ—но въ первый разъ?
Что̀ это? Шутка чьей-то воли,
Такое сходство словъ и фразъ?
Тогда, смѣясь, ему сказали:
«Пусть будетъ такъ, какъ суждено:
Мнѣ нужно гибнуть—все равно!»
Теперь тутъ тоже погибали...
Но тамъ—насмѣшка, тутъ—тоска!
Двѣ безконечно разныхъ встрѣчи—
И та-же мысль, и тѣ-же рѣчи?!
Нѣтъ, это бѣдность языка!
И няня! Что̀ тутъ дѣлать нянѣ?
Такая-ль у меня была?
Припомнилась... Видна въ туманѣ,
Старушечка—добра, свѣтла!
И какъ-же та—что́ мной шутила,
Какъ стала сразу, вдругъ, блѣдна!
Ночь, что́-ли, ликъ твой погасила.
Согнала, свѣяла луна?
Что́ ты, съ твоимъ очарованьемъ,
Ты, передъ этою судьбой,

Передъ такимъ больнымъ созданьемъ,
Съ ея надломленной душой?
Да! Жизнь не пиръ, въ ней слезы бродятъ...
Что́ страсть? Забава и мечта,
Когда такъ близко, рядомъ ходятъ,
И эта женщина, и та!
Есть въ жизни что-нибудь иное
Непреходящее, святое.»

20.

Пустотъ не вѣдаетъ природа!
Людскому сердцу не дано
Быть пустотой; когда невзгода,
Страсть или радость—все одно,
Его свободнымъ оставляютъ,—
Другія силы наплываютъ
Въ него; и весь тогда вопросъ:
Что́ именно пришло на смѣну,
Что́ подвернулось на запросъ?
Когда что́ злое—перемѣну
Сопровождаютъ: боль ума,
Преступность воли, злоба, тьма!..
Нашъ юноша былъ изъ счастливыхъ:
Ему пришлось печаль познать,
Чужому сердцу сострадать;
И, что не вздоръ, въ чертахъ красивыхъ,
Картинкой, въ краскахъ молчаливыхъ,
Печаль предстала, снизошла,

И луннымъ свѣтомъ залила!
Такъ именно и не иначе
Хотѣлъ съ нимъ случай добрымъ быть,
Чтобъ въ жизни, какъ въ большой задачѣ,
Единство силъ возстановить.
Ему страдать не приходилось,
Жертвъ не принесъ онъ никакихъ,
Все мирно обошлось, сложилось,
И, далеко отъ глазъ людскихъ,
Въ весенней ночи схоронилось.

21.

И вотъ онъ, какъ съумѣлъ, какъ могъ,
Старушкѣ-матери помогъ.
Насколько было то возможно,
Внимательно и осторожно
Они больную понесли;
Изъ двери въ коридоръ прошли.
Ихъ служба ночи обступила;
Она, вдоль столбиковъ рѣзныхъ,
Вѣтвями хмѣлей молодыхъ,
Какъ-бы кадилами кадила!
Цвѣты въ саду со всѣхъ сторонъ,
Раскрывъ сердца, благоухали:
Они молитвы причитали!
И поздній часъ съ собой принесъ
Въ росинкахъ свѣтлыхъ много слезъ;
И звѣзды, кроткими огнями,

Въ зеленоватыхъ небесахъ,
Горѣли блѣдными свѣчами
Въ нѣкѣмъ невидимыхъ рукахъ.
Сверчковъ безсчетныхъ стрекотанье
Свершало дружно отпѣванье;
И высокò, какъ только могъ,
По ночи поднималъ потокъ
Свое могучее рыданье.
И гдѣ-то близко за горой
Лавина мощная слетѣла,
И надъ покойницей живой
Она отходную пропѣла...

22.

Раскрывши грудь, откинувъ руки,
Подъ безпорядочные звуки
Волны, ревѣвшей подъ окномъ,
Нашъ русскій спалъ глубокимъ сномъ.
Когда совсѣмъ ужъ посвѣтлѣло,
Тогда онъ только опочилъ.
Его лицо слегка алѣло,
Процессъ дыханья ровенъ былъ;
А солнце къ полдню подходило,
Лучами яркими палило;
И горныхъ птицъ безсвязный гамъ
Широко несся по горамъ;
И, громко пѣсню распѣвая,

Съ охоты мужа поджидая,
Хозяйка, въ обществѣ дѣтей,
Молола кофе у дверей.
Ребятъ порою унимая,
Прилежно думала она:
Чтò ночью за возня такая
Ей изъ-за стѣнъ была слышна?
А утромъ рано, по дорогѣ,
Ушли съ послѣднею звѣздой
Высокій, злобный нѣмецъ въ тогѣ,
Съ больною дочкой и женой.
Они именъ не прописали...
Ни полдня блескъ, ни крикъ дѣтей.
Ни запахъ кофе у дверей,—
Ни мало не напомнили
Того, чтò въ ночь произошло.
А въ небѣ было такъ свѣтло,
Такъ звучно птицы щебетали,
Что трудно было-бы понять:
Гдѣ можетъ тутъ печаль гнѣздиться?
Печаль ждала: «Онъ кончитъ спать,
Тогда мнѣ время появиться!»

23.

Тревожный сонъ! Глубокій сонъ!
Откуда ты и какъ рожденъ?!..
И снится юношѣ: далёко
Какъ только можетъ видѣть око,

Тамъ гдѣ-то, гдѣ живетъ судьба,
Идетъ изъ-за него борьба...
Какъ-будто рынокъ! Торгъ... движенье...
Толпы безсчетныя гудятъ!
Звенятъ монеты!.. Вѣсятъ... мѣрятъ...
Огни великіе горятъ!
И вдругъ, на небѣ означаясь,
Высо̀ко въ нѣдрахъ облаковъ,
Повисъ, по звѣздамъ разстилаясь,
Рычагъ чудовищныхъ вѣсовъ...
Ничто вокругъ не шевелилось!
И неподвижна, и грузна
Одна изъ чашекъ опустилась,
Блистанья адскаго полна!
И въ этой чашѣ, полулёжа,
Въ цвѣтахъ, почти обнажена,
Число и блескъ ихъ взглядомъ множа,
Она... та, прежняя... видна!
Цвѣты въ огнѣ своихъ нарядовъ,
Къ ней страстно лики обративъ,
Стремятся тысячами взглядовъ,
Безмолвно пыльники раскрывъ!
Въ нѣмомъ, но жаркомъ, обожаньѣ
Дрожатъ и млѣютъ лепестки...
Какъ много страсти въ томъ дрожаньѣ,
Какъ много чувственной тоски!
Рѣснички глазъ цвѣтовъ моргаютъ!
Уста—пурпу̀рны, какъ кораллъ—
Ждутъ поцѣлуя. изныва̀ютъ...

Погибнетъ тотъ, кто опоздалъ!
Какъ жилы мощныя, какъ змѣи,
Къ ней гнутся стѐбли орхидеи;
Безумно смѣлъ и дерзокъ взоръ
Къ ней обращенныхъ пассифлоръ...
Оглавья бѣлыхъ царскихъ лилій,
И острыхъ кактусовъ огни,
Всѣ, всѣ они полны усилій
Подняться къ ней... Спѣшатъ они
Горѣть! Какъ-будто въ томъ сгораньѣ
И весь ихъ смыслъ, и все призванье;
Какъ-будто имъ въ любви сгорѣть
Совсѣмъ не то, что умереть?!
Тѣ, на кого она глядѣла,
Росли, тянулись жадно къ ней;
Въ забытыхъ—сердце леденѣло,
Склонялись, что ни мигъ, блѣднѣй.
Вѣнокъ громадный, невѣсомый
Тончайшихъ запаховъ земныхъ
Являлся музыкой, истомой
Силъ безпокойно молодыхъ;
Въ вѣнкѣ, какъ-бы въ постели яркой,
На днѣ гигантскаго цвѣтка,
Объятаго любовью жаркой,
Огнемъ любого лепестка,
Она—роскошная лежала.
Пышна, стройна, полунага!
Она насмѣшливо взирала
На обликъ своего врага...

24.

На няню!.. Слабыми чертами
Невзраченъ, блѣденъ, не высокъ,
Онъ чаши съ грузными цвѣтами
Перетянуть собой не могъ!
Не то въ тѣняхъ, не то въ одеждѣ,
Съ платкомъ, завязаннымъ узломъ,
Надъ невысокимъ, строгимъ лбомъ,
Совсѣмъ, какъ то бывало прежде,
Глядѣла няня на цвѣты...
Ея знакомыя черты
Улыбка кротко озаряла...
Струясь отъ няниныхъ тѣней
Все настоятельнѣй, сильнѣй,
Улыбка эта возрастала,
Затѣмъ она насмѣшкой стала,
Великой силою взросла,
Цвѣты сушила, стебли жгла,
И безпощадно сокрушала!
Какъ горсть посохшихъ травъ въ огнѣ,
Сгибались, корчились онѣ!
Погасли, быстро побурѣли
Ихъ страстно яркіе цвѣта,
И, истомясь въ своей постели,
Померкла, наконецъ, и та...
Все было ужасомъ объято...
И чаша съ няней съ вышины,
Спустилась внизъ, туда, куда-то,

Въ глубь дѣтства, въ лоно тишины...
Но... ликъ ея былъ ликъ усталый,
Въ борьбѣ на смерть онъ поблѣднѣлъ!
Совсѣмъ безкровный, исхудалый,
Погасъ, зачахъ и онѣмѣлъ.
И пѣнье, звавшее къ покою,
Какъ-бы прошло по небесамъ,
Не то плачъ капель надъ водою,
Не то звонъ вѣтра по струнамъ!..

25.

Проснулся... Греза исчезала...
Въ уступы скалъ, въ кряжи холмовъ,
Сталъ уходить рычагъ вѣсовъ!
Обѣихъ чашъ его не стало:
Уплыли въ нѣдра облаковъ
Подъ золотое покрывало...
Чуть отрезвился онъ—вошла
Хозяйка; письма принесла.
Одно отъ матери; другое,
Помятое и небольшое,
И съ почеркомъ совсѣмъ чужимъ.
Онъ началъ съ перваго. Надъ нимъ
Пришлось подумать. Сообщали,
Что, во вниманье къ просьбамъ «той»,
Такъ хочетъ человѣкъ большой,
Большое мѣсто обѣщали.
Что, если скроменъ будетъ онъ,

Вернуться можетъ во свояси;
Приписочка отъ Нади, Аси;
Всего двѣ строчкп отъ отца:
Желаетъ поскорѣй конца
Всей этой дурп непомѣрной.
Отецъ въ судьбѣ своей карьерной
Пожалуй былъ-бы очень радъ
Сынкомъ пожертвовать впопадъ.
Сынку и деньгп высылали;
Мать поскорѣй домой звала,
Сестрицы тоже ожидали...
Въ прпипскѣ: «няня умерла».

26.

Да! Тяжела ты, велика,
Судьбы могучая рука!
Зачѣмъ на маленькихъ такихъ,
На грустныхъ, слабыхъ и больныхъ,
На потерпѣвшихъ отъ борьбы,
Ложишься ты, рука судьбы?
Зачѣмъ дано лишь только снамъ
Насъ возвращать къ былымъ годамъ,
Чтобъ съ тѣми, кто покончилъ жить,
Какъ-бы съ живыми говорить?
Зачѣмъ возможно лишь во снѣ
Исправить прошлое вполнѣ,
И жизни темные пути
Вторично, иначе, пройти?

Зачѣмъ-же только въ мірѣ сна
Проснуться воля намъ дана?
Проснуться-же изъ жизни прочь
Нельзя!.. Безвыходная ночь!
«Такъ умерла! Грустя по мнѣ?
И сообщаютъ вскользь онѣ,
Въ припискѣ? Няня, такъ-ли ты
Писала-бъ, если-бы могла?
Ты, что неграмотной была,
Что въ письмахъ ставила кресты?
Ты умерла! И не вернуть!
И не обнять, и не взглянуть!
И умерла въ своей странѣ,
Истаявъ и грустя по мнѣ:
«Увижу-ли на старость лѣтъ,
Голубчикъ ты, дитя, мой свѣтъ!..»

27.

И прислонясь къ рукѣ щекою.
Глаза куда-то устремивъ,
Письмо родныхъ передъ собою
На столъ тихонько положивъ.
Онъ взялъ другое. Раскрывая
Его, какъ-бы испуганъ былъ,
Какъ-будто сердце кто сдавилъ!
Съ трудомъ писанье разбирая...
Отъ няни! Ранѣе всего
Прочлось то слово изъ него!

Онъ всталъ... Стоитъ на литургіи
Людъ православный по Россіи...
Въ письмо, въ ряды немногихъ строкъ,
Съ ошибками правописанья,
Образчикъ міросозерцанья
Въ глубокой ясности залегъ:
«Вамъ, баринъ, шлютъ поклонъ всѣ люди.
А няня померла отъ груди,
Скончалась, смучилась въ слезахъ.
Писать вамъ няня приказала,
Што васъ она сквозь смерти страхъ,
По гробъ свой очень вспоминала.
Вамъ приказала долго жить,
Насъ не забыть и добрымъ быть.
Мамаша къ ней придти хотѣли
Да все катались три недѣли.
И я катался вмѣстѣ съ ней.
Иванъ Кондратычъ, вашъ лакей».

28.

«Я не хочу,—писалъ роднымъ
Нашъ русскій,—скоро воротиться.
А мѣсто пусть дадутъ другимъ.
Я думаю начать учиться,
И будь, что̀ будетъ, подожду,
Пріѣду въ будущемъ году;
Навѣрно-ли? Пока не знаю.
Здоровья всѣмъ роднымъ желаю.

Сестрицамъ думаю писать
Отдѣльно; а адресовать
Прошу на почту, въ Боннъ, на Рейнѣ.
Папаша можетъ помечтать
О дорогомъ ему рейнвейнѣ:
Я вышлю къ сроку именинъ
Сортовъ пять, шесть, а не одинъ.»
О нянѣ рѣчь не поднималась.
Обиднымъ, пошлымъ показалось
О ней, хоть вскользь, хоть какъ-нибудь,
Съ рейнвейномъ рядомъ помянуть...

ПОПЪ ЕЛИСѢЙ.

РАЗСКАЗЪ.

(Памяти Н. В. Гербеля.)

I.

Трудно и тягостно, охъ! Ужъ какъ тягостно
Стало житье твое, попъ Елисѣй!
Не было въ жизни и года, чтобъ радостно
Глянулъ на трудной дорожкѣ твоей.

Чѐрны какъ смоль твои очи спокойныя,
Длинные волосы тоже черны,
Точно отчизна твоя — страны знойныя,
А не глухіе истоки Двины.

Вотъ ужъ шестое идетъ поколѣніе
Въ родѣ твоемъ — все попы, да попы...
Скромное, важное ваше значеніе,
Нашего Божьяго храма столпы.

И ужъ никѣмъ-то, нигдѣ не сосчитано:
Родомъ поповскимъ твоимъ, Елисѣй,
Сколько окре́щено, сколько отчи́тано,
Сколько повѣнчано было людей?

Всѣ вы, что травы взросли подорожныя:
Только гдѣ вытопчутъ — тамъ и растетъ!

Тридцать годовъ тебѣ! — годы тревожные...
Вѣдаетъ Богъ: много-ль новыхъ придетъ?

Попъ ты хорошій — не частъ на поборы;
Но попадья наблюдаетъ свой срокъ;
Ѣздитъ просфирня, пускается въ споры;
Въ сроки катается также дьячекъ.

Хуже бываетъ, коль Богъ то попуститъ—
Попъ, гдѣ «новинки» не любятъ вносить,
Если помретъ кто, — семь сутокъ пропуститъ,
Прежде чѣмъ время найдетъ хоронить.

Да и могилу, бывали примѣры,
Раза четыре придется вскопать:
«Та не на мѣстѣ, да въ этой нѣтъ мѣры...»
Нѣтъ ужъ, «новинку» вѣрнѣе отдать!

Впрочемъ, не чàсты такія напасти:
Божьи служители — тихій народъ;
Гдѣ имъ и мыслить о правѣ и власти,
Ежели трудъ безконечно гнететъ.

Этотъ умретъ... Народятся другіе...
Въ слякоть и темень осенней поры
Ѣздятъ по бѣдной, лачужной Россіи
Возятъ въ тряпицѣ святые дары!

«Ну-ка, пѣгàшка, а ну-ка ты, бестія,
Ну! Понатужься маленько... Взяла!
Жалко мнѣ только, что слово нечестія
Лошадь-то бѣдная съ устъ сорвалà!

«Пятую ночь ѣзжу! Грязь непролазная!
Пальцы застыли, не видно ни зги!
Дóма не радость... Тутъ треба закàзная...
Такъ... А браниться-то, попъ, не могѝ»...

* * *

Да! Не на радости въ домъ возвращаться!
Съ норовомъ, съ придурью мать-попадья:
Баба сварливая, любитъ ругаться,
Ну да и сорокъ ей лѣтъ житія!

Съ нею, знать, паства пошла на приданое,
Такъ ужъ бываетъ у насъ на Руси, —
Дочь благочиннаго,—мѣсто желанное,
И отказаться Господь упаси!

* * *

Льготная ты полоса черноземная!
Рѣчка... У рѣчки съ плотиной прудокъ.
Церковь надъ нимъ не по паствѣ огромная,
Только-что мелокъ надъ неї куполокъ

Подлѣ ограда... Шары надъ столбами;
Всѣ они—разнаго цвѣта стекло.
Выбѣленъ храмъ, не богатъ образами;
Въ храмѣ и пусто, и очень свѣтло.

Домикъ священника крытъ черепицей,
Новаго выстроить—«міръ не хотѝтъ»...
Дворикъ наполненъ болтливою птицей;
Чуть-ли не весь онъ навѣсомъ покрытъ.

Садикъ. Въ немъ много растетъ кукурузы,
И, между нею, шеренгой солдатъ,
Мохомъ обросши сѣдымъ, толстопузы,
Ульи подъ шапками мисокъ стоятъ.

Попъ Елисѣй пчеловодствомъ гордится!
Счастье ему: чуть не всякой весной
Рой вслѣдъ за роемъ успѣшно роится,
Часто слетаетъ и нежданный рой!

Любятъ попа хитроумныя пчелы:
Маски и дыма не надо ему,
Руки не ку́саны—даромъ что голы;
Мастеръ онъ дѣлу, видать по всему.

Пчелы жужжатъ и тоску отгоняютъ:
Все, будто, меньше слыхать попадью.
Вотъ ужъ, поистинѣ, свѣтятъ, играютъ
По трудовому его бытію...

* * *

Точно... свѣтили... да вдругъ перестали...
Только не требы, не лютость жены
Мысли попа глубоко пригнетали:
Сносенъ ихъ гнетъ—на то плечи даны!

Гнетъ на душѣ—это дѣло другое,
Нѣтъ такихъ плечъ, чтобы вынесть его!
Развѣ что слово Господне святое?
Только и слово безъ дѣла мертво́..

Ну и торопится попъ дѣлать дѣло.
Любитъ онъ требы свои исполнять;

Только измаявъ рабочее тѣло,
Можетъ онъ, грѣшный, хоть какъ-нибудь спать!

«Ну тебѣ требы, хлѣбами плачоныя!
Только-бъ урваться тебѣ, да уйти!
Могутъ и такъ помирать, не прощоные:
Всякаго дурня, да въ рай имъ пусти!

«Мало-ль что надо-ть? Мнѣ надо-ть, вотъ, мужа:
Гдѣ его взять, коль изрыскался весь!»
Вопитъ жена, нарукавникъ утюжа,
Вспѣнивъ свою благочинную спѣсь.

«Нѣтъ ему требы,—другіе капризы!
Въ церковь вишь надо, хоть службы и нѣтъ;
Моль ему ѣстъ и покровы, и ризы...
Тьфу, окаянный!» кричитъ она вслѣдъ.

* * *

Въ храмъ поскорѣе. Нѣтъ въ храмѣ движенья,
Нѣтъ попадьи тамъ! Недвижимо въ немъ
Держится въ воздухѣ запахъ куренья,
Слышенъ онъ всюду и ночью, и днемъ.

Теплой молитвѣ легко въ немъ ютиться.
«Господи! Огнь погаси Ты во мнѣ!»
Молится попъ и украдкой косится,
Въ сторону смотритъ... На бѣлой стѣнѣ

Вовсе безъ рамы, безсвязно пестрѣя,
Очень большая картина видна:
Какъ, исполняя совѣтъ Мардохея,
Проситъ Эсфирь, Ассуира жена —

И обмираетъ! Попу не въ примѣту
Эта мазня!.. Только сходство полно́...
«Боже! Къ чьему-жъ припаду я совѣту,
Если къ Тебѣ мнѣ припасть не дано?»

Сердце стучитъ, кровь къ вискамъ приливаетъ,
Мысли мутятся, молитва грѣшна!
Царь Ассуиръ — онъ Эсфирь обнимаетъ...
Прочь!.. Не царица,—солдатка она!..

«Господи, Господи! О, пощади-же!
Дай мнѣ умѣнье Тебя обрѣсти!
Вѣрую, Господи... Отче нашъ... иже...
Господи! Стра̀шны земные пути!

«Ну, да и хо́лодны плиты церковныя...
Лобъ охладился. Чего-жъ это я?
Мысли тѣ — дьявола мысли, грѣховныя!
Надо домой, забранитъ попадья...»

* * *

Эта солдатка, что вдругъ противъ воли
Въ ликѣ Эсфири призналъ Елисѣй,
Типъ не веселый! Печальныя доли,
Общія сотнямъ крестьянскихъ семей.

Въ раннюю юность и въ пору любовную,
Часто съ малюткою, бѣднымъ птенцомъ,
Вдругъ побирушкою стать! Всесословную
Мужъ отбываетъ. Разрушенный домъ...

Горе разлуки... Притӯпленность въ горѣ...
Грусть... безшабашность... впервые пьяна...

Пала... а тамъ волны въ жизни, что въ морѣ,—
И непроглядная внизъ глубина!..

Та, что пригрезилась въявь Елисѣю,
Вправду красавицей видной была;
Много ужъ парней ходило за нею,
Долго она никого не бралà...

Можетъ, бралà?.. Только ловко скрывала...
Домъ ея рядомъ съ поповскимъ стоялъ,
Изгородь оба двора отдѣляла;
Малый ручей вдоль нея протекалъ.

* * *

Мартъ... Налетѣла весенняя птица,
Скоро покончатъ съ Великимъ постомъ;
Вотъ наступила страстная седмица,
Землю поитъ Евдокія дождемъ.

Утромъ и вечеромъ все исповѣдники;
Кто побогаче — пекутъ куличи,
Бабы шьютъ юбки, рубахи, передники;
Мало кто лéжнемъ-лежитъ на печи.

Хоть и болѣзни въ деревнѣ различныя:
Оспа да корь, дифтеритъ и скорбутъ,—
Все-же вездѣ подготовки обычныя,
Свѣтлаго праздника всетаки ждутъ...

Въ церковь толпою пришли исповѣдаться,—
Много ужъ ихъ отпустилъ Елисѣй;
Время ему и домой понавѣдаться,
Не досадить-бы хозяйкѣ своей.

Ширма. За ширмой, обитой убогими
Тряпками, попъ отпускаетъ грѣхи...
«Вотъ еще нѣсколько... кончу немногими
Вижу вонъ въ щелку, пришли пастухи...»

Входитъ — она!.. Обомлѣлъ... столбенѣетъ...
Вьются въ глазахъ все круги, да круги!
Хочетъ онъ крестъ положить — не умѣетъ...
Попъ, успокойся!.. Владѣй собой... лги!..

Какъ ужъ онъ принялъ ея покаяніе,
Какъ онъ какъ будто-бы что-то слыхалъ...
Не сознавалъ онъ въ своемъ бормотаніи,
Что, и какой онъ ей грѣхъ отпускалъ;

Какъ опустилась она на колѣни,
Эпитрахилью покрылъ... Какъ къ рукѣ
Вдругъ приложилась... Подобная тѣни,
Скрылась, оставивъ попа въ столбнякѣ...

Ходятъ по церкви, тихонько ступаютъ;
Ждутъ... заглянули за ширмы... Ему
Тайныя силы очнуться мѣшаютъ,
Совѣсть смутилась, перечитъ уму!

Ну... отошло... Наклонившись къ налою,
Попъ приложившись къ кресту — что приросъ;
Крестъ и Евангельо скрылъ подъ собою
Темными кудрями черныхъ волосъ.

II.

Пойте-ка, матери, пѣснь колыбельную,
Грустную пойте для вашихъ дѣтей!

Пѣсней унылою въ грусть безпредѣльную
Выйти готовьте! Такъ будетъ вѣрнѣй...

Что-жъ это было-бы, еслибъ веселыя
Пѣсни вы пѣли? Чуть дѣтство пройдетъ,—
Въ жизнь, что въ пустыни суровыя, голыя,
Пѣсня веселая вслѣдъ не пойдетъ!

Пойте о томъ, что не такъ-то случается
Жить, какъ хотѣлось-бы людямъ прожить;
Какъ, зачастую, не то совершается
Что-бы должно было, кажется, быть!

Пойте, что часто небесъ попущеніемъ
Жизнь вся рѣшается мигомъ однимъ;
Этотъ-то мигъ пережить съ разсужденіемъ—
Значитъ быть избраннымъ, чуть не святымъ!

Пойте! Тѣ пѣсни получатъ значеніе;
Въ память залегши, останутся жить;
Пусть въ этихъ пѣсняхъ звучитъ примиреніе
Съ тѣмъ, что дано, чему надобно быть...

* * *

Такъ-ли попу Елисѣю пѣвала
Мать, о которой давно онъ забылъ?
Трудно сказать. Но болѣющей стала,
Сбилась душа! Знать, Господь попустилъ...

Въ домъ свой войти, — просто желчь подымается;
Видѣть жену — онъ не можетъ совсѣмъ;
Станетъ молиться — молитва сбивается,
Только начнетъ — остановится нѣмъ!

Трижды прошелъ онъ по полю сохою;
Все, до последняго, корни извлекъ,
Камешки выбралъ, сложилъ надъ межою...
Все онъ забыться въ работе не могъ:

Мысли греховныя валомъ валили:
Взглянетъ на облако, видитъ—она!
Горлинки нежились въ поле — дразнили,
И раздражала, томила весна...

Больше всего коротается время
Въ школе. Въ ней попъ, обучая детей,
Чувствовалъ меньше души своей бремя;
Ну и любилъ онъ замешкаться въ ней.

Любятъ ребята церковное пенье,
Трудно по школамъ детей обучать;
Тотъ или этотъ канонъ,—разученье
Часто неделями надо считать.

Путаютъ дети, другъ дружкой сбиваются;
Надо терпенье направить ребятъ...
Часто у нихъ голоса попадаются
Чудные! Будто-бы струны звенятъ.

Попъ самъ былъ певчимъ; когда-то, бывало,
Онъ «Да исправится» мастеромъ пелъ;
Нынче чувствительныхъ нотъ не хватало:
Въ службе церковной регистръ огрубелъ.

Впрочемъ, порою, уча, онъ подтянетъ,
И, между детскихъ живыхъ голосовъ,

Голосъ его великаномъ проглянетъ, —
Былъ онъ изъ грузныхъ, высокихъ басо́въ.

Пѣнью любилъ онъ учить; какъ-бы ни было,
Видѣлъ: не даромъ потраченъ былъ трудъ;
Въ дѣтяхъ охоты значительно прибыло,
До̀ма, въ лѣсу, по задворкамъ поютъ!

Пѣнье порой и въ ночи раздается,
Пѣнье доносится издалека...
Пѣсня! Тебѣ, вотъ, привольно живется,
Ну а въ душѣ—все тоска. да тоска...

* * *

Эта тоска, что ни день разрастается...
Странное, право, растенье — тоска!
Хоть и ничѣмъ не корми — все питается,
Чуть заведется—пойдетъ съ корешка.

Вотъ хоть-бы попъ. Прежде часто мелькала
Странная мысль въ наболѣвшемъ умѣ:
«Еслибъ солдатка гулящею стала —
Легче-бы было, такъ кажется, мнѣ!»

Ну, въ деревняхъ, гдѣ вся жизнь на показѣ,
Трудно, порою нельзя даже, скрыть:
Стали болтать, въ томъ, да въ этомъ разсказѣ —
Будто солдатка пустилась шалить!

На̀звали, съ кѣмъ! «Остеречь отъ паденья!
«Слово сказать ей! Дастъ Богъ удержу̀!
«Я вѣдь не съ тѣмъ... Для меня безъ значенья...
«Долженъ сказать! Непремѣнно скажу!

Только-бъ скорѣй! Дни проходятъ за днями,
Попъ порывается встрѣтить ее.
Въ поле-ли выйдетъ она за гусями;
Или на рѣчкѣ полощетъ бѣлье;

Иль въ огородѣ по грядкамъ копается, —
Выйдетъ онъ къ ней! Ноги сами несутъ!
Долго кружитъ, издали подбирается,
Близко подходитъ,—а парень-то тутъ.

Парень не промахъ, повсюду бывалый:
«Ты», говоритъ онъ ей, «баба смотри!
«Попъ-то зачѣмъ все кружитъ, будто шалый—
«Я его—знаешь... смахну...прибери.

«Всѣ вонъ галдятъ!.. Да и самъ замѣчаю!
«Голоденъ попъ до красы, до грѣха!
«Ты не заигрывай съ нимъ! Повѣнчаю —
«Если къ обоимъ пущу пѣтуха!»

* * *

Ну а попа, какъ на зло, такъ и тянетъ...
Толки людскіе ему не въ догадъ...
Чуетъ душой, гдѣ она! Только взглянетъ—
Такъ и застынетъ на ней его взглядъ!

Огненнымъ очеркомъ вся выжигалась,
Тлѣла по мыслямъ его, какъ во̀ тьмѣ,
Въ тексты писанья безстрашно вдвигалась
Въ бѣдномъ его наболѣвшемъ умѣ...

Вонъ на рѣкѣ она! Воротъ разстегнутъ,
Низко нагнулась надъ мутной водой,

Бѣлый передникъ высо̀ко подстегнутъ,
Ноги сіяютъ, горятъ бѣлизной...

Вотъ поднялàсь и откинула косу,
Круглыя плечи заря золотитъ...
Щепку, вонъ, въ утку пустила: по носу
Уткѣ попала! Хохочетъ—глядитъ...

Попъ у оконца сидитъ, наблюдаетъ;
Слышитъ: жена помогать ей зоветъ!?
Дружескимъ словомъ его обзываетъ...
Значитъ, ласкаться, да холить начнетъ!

Въ трепетъ ударило... ноги подводитъ...
Сердце сжимается съ болью большой...
«Лучше пойти!» отъ окна онъ отходитъ...
«Хоть-бы, на требу, прислалъ кто за мной?»

* * *

Вдругъ вѣсть тяжелая, вѣсть безобразная!
Есть чѣмъ дурманиться, мысли глушить:
Стало извѣстно, что злая, заразная
Оспа пошла по уѣзду косить!

Намъ, городскимъ, не видать издалёка
Какъ это ходятъ повальныя тамъ,
Тамъ, гдѣ народная жизнь у истока
Тихо струится по хатамъ, дворамъ!

Помощи мало—болѣющихъ много;
Сбиты здоровый съ больнымъ заодно,
Воздухъ не чистъ, а питанье убого—
Смерти большое раздолье дано.

Ходитъ проклятая, ходитъ голодная —
Цѣлымъ семействамъ не сыщешь слѣда!
Что ей проклятой нужда всенародная,
Жнетъ она, коситъ туда и сюда.

Гдѣ тутъ заботиться о разобщеніи?
Мѣсяцъ пройдетъ, чуть второй набѣжитъ, —
Избъ обитаемыхъ въ людномъ селеніи
Меньше, чѣмъ избъ опустѣлыхъ, стоитъ.

Быстро ростутъ, прибываютъ могилки;
Въ церковь, за сутки двухъ-трехъ принесутъ,
И очень рѣдко пустуютъ носилки,
Бѣднаго люда минутный пріютъ...

* * *

Въ этотъ-то омутъ печали и страха,
Въ нужду великую попъ Елисѣй
Кинулся, бросился словно съ размаха,
Всѣмъ существомъ, всею волей своей!

Страшная явь разбросала, раскинула
Все, что такъ зло накопилося въ немъ...
Будто прозрѣлъ онъ, и темень вся сгинула—
Мысль освѣтилась великимъ огнемъ!

Въ сѣрый, потертый подрясникъ одѣтая,
Всюду виднѣлась фигура его.
Слышалась рѣчь, теплотою согрѣтая,
Близилось въ ликѣ попа—Божество!

Мать онъ утѣшитъ: «тамъ лучше ребенку!»
Мужа—«жена тебя въ Господѣ ждетъ!..»

Выдалъ онъ хлѣбъ свой и роздалъ деньжонку,—
Было-бъ что дать, а ужъ есть кто возьметъ!

Съ кладбища въ церковь, изъ церкви къ болящему.
Тамъ къ зараженной избѣ, къ сиротамъ,
Здѣсь къ отошедшему, тутъ къ отходящему,—
Въ полдень и въ полночь, по всѣмъ деревнямъ!..

Въ самую глубь, въ самый смрадъ зараженія
Попъ Елисѣй глубоко проникалъ;
Ядомъ дыша, совершалъ причащенія,
Раны заразныя самъ обмывалъ...

Малыхъ дѣтей повалилось безъ счета...
А ужъ любилъ-то ихъ онъ, какъ любилъ!
Хоръ порѣдѣлъ, будетъ снова забота,—
Чуть-ли не всѣхъ запѣвалъ схоронилъ!

Много закрылось очей въ годъ суровый!
Взяли тѣ очи въ могилу съ собой
Обликъ попа съ чашей крови Христовой,
Обликъ послѣдній изъ жизни земной...

* * *

Ярко одѣлись поля зеленями,
Вышелъ по пару богатый пырей;
Плачутъ, что слезы льютъ, ивы серьгами,
Цвѣтъ одуванчиковъ—блескъ янтарей!!

Ландыши вышли; весь лѣсъ раздушился;
Больше ихъ будетъ на будущій годъ,
Вволю зеленый ихъ листъ наплодился—
Некому рвать ихъ—въ дѣтяхъ недочетъ.

Сила заразы совсѣмъ не слабѣетъ...
Развѣ что выдастся день, да другой,
Въ церкви покойника нѣтъ, опустѣетъ...
Попъ, какъ бывало, вернется домой,

Пчельникъ осмотритъ, пройдетъ огородомъ,
Въ книги приходскія строки строчитъ;
На попадью поглядитъ мимоходомъ:
Стала чужая ему, не мутитъ!

Точно въ какую-то даль удалилась,
Сдѣлалась будто ужасно мелка;
Поуспокоилась, угомонилась—
Божья ей чуется въ осиѣ рука!

Ну а про ту... про нее... что говѣла?
Лучше не думать... легко растравить;
Боль въ сердцѣ есть! Да, добро, притупѣла...
Очень ужъ близко, два шага ступить...

Ясень старинный, что взросъ на свободѣ,
Частью своихъ одряхлѣвшихъ вѣтвей
Свѣсился внизъ у него въ огородѣ,
Частью другою—въ садикѣ у ней...

* * *

Ночь на исходѣ. Почти-что свѣтаетъ:
Скоро начнутъ по деревнѣ вставать...
Зычный пѣтухъ пѣтуха окликаетъ;
Темень... Почти ничего не видать.

Сѣренькій день истомленъ до рожденья;
Дни, какъ и люди, бываютъ больны!

Мѣсяцъ въ зачаткѣ, сквозитъ изъ забвенья
Тоненькій серпъ наклоненной луны.

Сильно въ окошко къ попу постучали,
Просятъ пріѣхать скорѣй пріобщить:
«Только-бъ вы, батюшка, не осерчали—
Надо своихъ вамъ конéй заложить!»

Всталъ онъ. Пошелъ заложить; пріодѣлся...
Возжи? Гдѣ возжи? Да, возжи въ саду,
Смазаны, сохнутъ... въ саду оглядѣлся:
Видѣть не вижу,—а все-же найду!

Тишь надъ деревней лежала глубокая,
Если-бы только не крикъ пѣтуховъ...
Вотъ ея домъ!.. Сирота одинокая!
Спи! Дай Господь тебѣ радостныхъ сновъ!..

Чтобы болѣзни тебя пощадили,
Чтобъ не погибла... Молчитъ Елисѣй...
Слышитъ онъ: будто-бы петли заныли,
Въ домѣ сосѣдки; глядитъ: изъ дверей,

Въ тихомъ мерцаньѣ зари занимавшейся,
Кто-то тихонько ступилъ на порогъ,
Вышелъ... Чуть слышно прощанье шептавшейся...
Бѣлой рубахи мелькнулъ уголокъ...

Дверь затворилась... Попъ вскрикнулъ, рванулся,
Бросился!.. Въ изгородь грудью хватилъ...
Хрустнула изгородь... Остановился,
Впился руками въ нее и застылъ...

«Ха-ха-ха-ха!» слышитъ онъ... ему кажется...
«Вотъ-те и оспа!» звучитъ въ сторонѣ,
«Надо-бъ сказать попадьѣ—пусть вскуражится!..
«Попъ-то нашъ съ бабой грѣшитъ при лунѣ!»...

Нѣтъ, тьма молчитъ! Тишь повсюду глубокая.
«Только зачѣмъ-же попалъ я сюда?
Помню, да, возжи... Дорога далекая,
Полая, быстрая, бродомъ вода!

Тонутъ-же люди! Ихъ Богъ призываетъ!»..
Тронули кони, сидитъ Елисѣй,
Только какъ-будто не все понимаетъ,
Лошади сами бѣгутъ вдоль колей...

III.

Время идетъ! Все одно, заурядное...
Дней, восемнадцать прошло ни по чемъ...
Было въ сосѣдствѣ тамъ мѣсто неладное,
И называлось—Проклятымъ Жерломъ.

Озеро назвали такъ небольшое,
Очень старинный, глубокій провалъ.
Шли берега его въ ровень съ водою;
Дна никогда и никто не видалъ.

Черная бездна безмолвно глядѣла
Съ неизмѣримой своей глубиной;
Лѣтомъ осокою не зеленѣла,
Не замерзала нисколько зимой.

Будто разрѣзанъ, вплотную съ водою,
Высился древній курганъ у жерла;
Прочно стоялъ половиной одною,
Ну а другая въ проваль уползла.

Было сажени четыре въ обвалѣ,
И, толковала молва, будто тутъ
Души топившихся, въ вѣчной опалѣ,
Неуспокоены, ночью снують.

Путь проходилъ надъ обрывомъ, у края...
Мало кто ѣздилъ тѣмъ тихимъ путемъ.
Лѣсъ, отовсюду жерло обступая,
Словно замкнулъ его темнымъ кольцомъ.

Чаще другихъ ѣздилъ попъ той дорогой:
Было поближе тутъ. Вечеръ горитъ.
Ѣдетъ домой... Надъ лошадкой убогой
Осы жужжатъ, а телѣга скрыпитъ.

Вотъ по кургану тихонько взъѣзжаетъ...
Вотъ и окружность провала видна...
Вотъ перевалъ... Лошадь вдругъ навостряетъ
Уши... Сидитъ у дороги: она!..

* * *

Смотритъ—да́, да́! Весела̀, улыбается!
Взглядъ безпокойный, упорный такой.
Подлѣ нея душегрѣйка валяется,
Ярко краснѣя надъ самой водой.

Брошенъ стаканчикъ, бутыль у дороги...
Чуть увидала попа—позвала̀,

Стала вставать, но не слушаютъ ноги,
Встала, однако, качаясь пошла.

Остановила! Идетъ къ Елисѣю...
Ближе... ведетъ по оглоблѣ рукой...
И подойдя! Обвила ему шею...
«Любишь, я знаю, сосѣдушка мой!

«Весело, батюшка, милъ—мой священничекъ!
«Значитъ судьба, что заѣхалъ сюда...
«Выпьемъ, родимый... Съ приправой мой пѣнничекъ!
«Ну, и запрета не будетъ тогда!»

Попъ озадаченный разумомъ сбился...
Снялъ ея руку тихонько долой,
Медленно, бережно освободился
И, отстранивъ, тронулъ лошадь возжой...

Стала телѣга спускаться съ кургана;
Лошадь, вздохнувши, пошла веселѣй;
Съѣхавъ со спуска въ прослойки тумана,
Самъ затуманился попъ Елисѣй...

И, не прошло съ той поры и недѣли,
Какъ, истомившись Богъ вѣсть до чего,
Бредилъ онъ, бѣдный, на жесткой постели:
Страшная оспа сломила его!

IV.

Въ пору тяжелую сельскому люду
Съ толку и истины сбиться легко!

Вздоръ заурядный научитъ ихъ худу—
И потрясетъ ихъ до нѣдръ глубоко̀.

Тутъ болтунамъ первый голосъ на сходѣ;
Имъ, какъ всегда, пособятъ кабаки...
Про̀клятъ, кому эта валкость въ народѣ,
Это броженье бываетъ съ руки!

Нѣтъ глупой лжи, чтобы правдой провѣрили,
На изувѣрство за глупость пойдутъ,
И, если только огуломъ повѣрили,—
Рѣчи разумныя ихъ не уймутъ!

Духа болѣзни являютъ заразу,
Худшую, злѣйшую всякихъ другихъ,
Долго гнѣздится, проявится сразу,
Силой слѣпою въ громадахъ людскихъ...

Такъ и теперь на селѣ это было...
Двое сидятъ за столомъ кабака:
Третій пришелъ, пять другихъ привалило...
Головы нурятъ: бѣда велика!

Скоро собра̀лась толпа преизрядная,
Парни-подростки, отцы-старики;
Рѣчи ведутъ! Межъ рѣчей—заурядная
Водка... Шумятъ, расходясь, языки.

«Нѣтъ, не спроста намъ пришло наказаніе:
«Знать, оглашенные есть между насъ!»
«Молвилъ одинъ; обратили вниманіе.
«Попъ заболѣлъ! Это счастье для насъ!..»

«Какъ? Отчего?»—«Подождите, разскажетъ!»
«Слушайте!»—«Тише вы, тамъ, не галди!»
«Водочки! Водочка рѣчь поразвяжетъ...»
«Полно вамъ! Водкѣ-то рѣчь впереди...»

«Было то къ утру, тому три недѣли,
«Лошадь запрегъ, работать на гумнѣ,
«Вышелъ я, чуть пѣтухи-то запѣли,
«Къ самой, сдается мнѣ, новой лунѣ.

«Только къ поповскому дому добрался,
«Вижу я...» «Цыцъ! Дайте рѣчь-то слыхать!»
«Вижу на изгородь попъ нашъ взобрался,
«Сталъ онъ къ сосѣдкѣ во дворъ залѣзать...»

— «Ой-ли! Неужто?.. Давно говорили...
«Знаемъ!..» «И то сказать: нечего знать!»
«Бога, знать, Господа мы прогнѣвили,
«И попустилъ Онъ заразу гулять»...

«Вретъ онъ!..» «Какъ вретъ? Самъ видалъ, знаетъ—дѣло!
«Попъ-то нашъ тихій!..» «Одно слово врагъ!»
«Тихій!..» «Вотъ тутъ-то нечестье засѣло»...
«Кто-бы подумалъ?..» «Такъ вотъ оно какъ!»

«Точно...» «И вправду!..» «А, ну, къ Елисѣю!»
«Бога побойтесь! Онъ боленъ лежитъ...»
«Богъ посѣтилъ его карой своею!
«Міромъ, такъ міромъ! Господь такъ велитъ!..»

«Что вы? Чудные!..» «А ну-ка, ребята:
«Кто противъ насъ, значитъ, дьяволу брать...»

И повалила толпа, зломъ объята,
Къ дому попа, вдоль пустѣющихъ хатъ...

* * *

Къ этому времени, какъ одурманенный,
Попъ на постели недвижимъ лежалъ;
Лютою немочью на́-смерть пораненный,
Мало-по-малу въ конецъ умиралъ.

То, что за бредомъ въ сознаньи осталось—
Клочья какіе-то чувствъ, и ума,—
Въ новый, невѣдомый міръ въ немъ слагалось, —
Смерть тутъ строителемъ стала сама!

Строила свѣтлое, строила цѣльное,
За неизвѣстнымъ закономъ слѣдя,
Строила, ясно познавъ безпредѣльное,
Въ вѣчный покой, въ безмятежность ведя!

Теплыя страны загробнаго чаянья
Тихо всплывали въ блаженной тиши;
Не было въ нихъ ни тоски, ни отчаянья,
Ни разногласій враждебныхъ души.

Съ жизнью земною имѣло видѣніе
Общею только одну лишь черту:
Звуковъ чудесныхъ, потокъ, дуновеніе,
Пѣсней таинственныхъ, мощь—красоту.

Слышно попу очень близкое пѣнье...
Только неявственно попъ сознаетъ:
Въ этомъ-ли мірѣ поютъ, въ мірѣ тлѣнья,
Или загробный, нетлѣнный поетъ...

* * *

Пѣли ему на землѣ дѣти малыя...
Какъ-то, въ безпамятствѣ, вымолвилъ онъ:
«Дѣтки... Сюда... Ну, мои захудалыя,
«Спойте-ка, дѣтки, вчерашній канонъ...

«Звалъ Іисусъ васъ... и я...» Услыхали:
Матери скликнули ихъ, тѣ пришли;
Были такіе,—парнишками стали,
Были птенцы, чуть виднѣлись съ земли.

Много ихъ было. Столпилися въ сѣни,
Въ хату проникли. Отъ бѣлыхъ головъ
Засеребрилось. Склонясь на колѣни,
Пѣли они... Тихій строй голосовъ

Несся изъ дому, и попъ улыбавшійся
Радостно слушалъ, хоть глазъ не открылъ...
Въ морѣ изъ звуковъ, душой колыхавшейся
Онъ, какъ подъ парусомъ, счáстливо плылъ!

Будто-бы свѣялось все безразсудное
То понялòсь, что хотѣлось понять,
Будто рѣшилось заданіе трудное,
Такъ что не надобно перерѣшать.

Сколько борьбы испытанье судило,
Столько онъ принялъ и бился, какъ могъ,
Бился, какъ зналъ и на сколько хватило—
Отъ остального помиловалъ Богъ,

И, до послѣдняго трепета слуха,
Слухъ дòльше зрѣнья въ попѣ погасалъ,

Тихій канонъ погасаніе духа
Въ глубь неизвѣстности сопровождалъ...

Слушали матери. Горе-кручину
Вспомнили; плакали, молча, кругомъ;
Плакала также жена, но по чину:
Слезы свои утирала платкомъ...

* * *

Вотъ на такую-то правду правдивую
Пьяная шла, надвигалась толпа,
Волю свою распотѣшить бурливую,
Выместить гнѣвъ, разобидѣть попа!

Вотъ обогнула ограду церковную;
Идутъ къ вор́отамъ... Сквозь говоръ глухой
Слышатъ идущіе пѣсню духовную;
Первый что шелъ—скинулъ шапку долой;

Снялъ и второй... Сняли всѣ... Ближе, въ сѣни,
Сунулись дальше, кто былъ посмѣлѣй!..
И размѣстились молчкòмъ на колѣни
Между своихъ бѣлокурыхъ дѣтей...

* * *

Похоронёнъ онъ на третьи былъ сутки,
Въ землю сошелъ со спокойнымъ лицомъ.
Пòлонъ цвѣтами былъ гробъ: незабудки
Точно родились и выросли въ немъ.

«Трифонъ, а Трифонъ! А надо-ть на сходѣ
«Міру-то съ домомъ попа порѣшить?

«Крыша въ дыра́хъ, потолокъ на исходѣ...
«Что какъ обвалится? Станутъ судить!»

«Надо-ть, безъ спору!» Какъ осень настала—
Оспа-зараза сама унялась...
Тамъ, гдѣ поповская хата стояла,
Новая хата къ зимѣ поднялась.

Окна въ наличникахъ были рѣзныя,
Брёвна съ подборомъ—горбовъ не тесать,
Съ крышей крылечко, столбы росписные,—
Старой-то хатѣ куда не подъ стать!

ЕРЕСЕАРХЪ.

(В. Л. Величкѣ.)

Могучихъ кленовъ сѣнь густая,
Что ты хранишь въ прозрачной мглѣ?
Въ тебѣ, отъ корня проростая,
Юнѣетъ поросль по веснѣ;
За много лѣтъ могучимъ слоемъ,
Глухимъ охвачены покоемъ,
Лежатъ опавшіе листы;
И надъ глубокой тишиною,
Безмолвно вызваны луною,
Снуютъ видѣнья и мечты...
Никто, никто сказать не можетъ,
Что тутъ за рухлядь подъ землей
Вода, просачиваясь, гложетъ,
Своей хрустальною струей?
Никто не можетъ знать: какое
Лежитъ свидѣтельство живое
Въ остаткахъ стѣнъ, въ осколкахъ плитъ.
И ни въ одной изъ ветхихъ хроникъ
Ни лѣтописецъ, ни канокикъ

Объ этомъ мѣстѣ не гласитъ...
Все, все прошло невозвратимо
Куда-то прочь, куда-то мимо...
Погасла месть! Добро и зло
Все, все въ забвенье перешло...
Былые дни былыхъ стремленій—
Всѣ скрылись въ области видѣній,
Всѣ, молча, свѣялись въ ничто!
Всѣ дремлютъ подъ покровомъ темнымъ
На столько, что звучитъ нескромнымъ
Вопросъ о томъ: зачѣмъ и кто?!
Жизнь пышетъ новыми страстями
На пепелищѣ прежнихъ дней,
Какъ встарь обманываетъ снами
И населяетъ міръ тѣней...

II.

Во время оно, диво края
Въ подвалы золото ссыпая,
Цвѣлъ ранней мудростью отцовъ,
Старинный вольный городъ Псковъ!
Чужды оброка и печали,
Господъ не знали псковичи,
И про себя однихъ держали
Кошель въ рукѣ и щи въ печи.
Еще московскія дружины
Не приходили въ ихъ равнины;
Съ своей сосѣдкой молодой,

Чуть подроставшею Москвой,
Какъ равный съ равнымъ Псковъ ссылался;
Онъ князю въ ноги не бросался
Въ поклонѣ робкаго посла;
Довольный прибылью обильной,
Онъ самъ сводилъ свои дѣла
Съ Ганзой, Варшавою и Вильной.
Да!.. Еслибъ кто тогда сказалъ,
Что будетъ время--вѣче Пскова
Падетъ, не вымолвивши слова,—
Народъ-бы сказку осмѣялъ!
А еслибъ кто сказалъ въ народѣ,
Что—будетъ день—во всѣ концы
По Пскову царскіе стрѣльцы
Начнутъ таскаться на свободѣ,
И что боярское дитя,
Едва подросшій усъ крутя,
Купцу расколетъ столъ дубовый
На спросъ уплаты за товаръ,—
Пророкъ—онъ проклялъ-бы свой даръ
Подъ гнѣвъ народа, гнѣвъ суровый...
А еслибъ кто сказать посмѣлъ,
Что будутъ дни безславныхъ дѣлъ,
Когда, проснувшись спозаранокъ
И пьяной вольностью горя,
Начнутъ опричники царя
Насильно холить псковитянокъ,
Подъ дѣтскій крикъ, подъ женскій стонъ,
Кольчугой грудь имъ нагнетая,

Рукою дерзкой обнажая
Красоты дѣвушекъ и женъ,—
Того пророка къ покаянью
Народъ-бы въ улицахъ погналъ,
Безумнымъ ревомъ встрѣтилъ, бранью,
И градомъ шапокъ закидалъ!

III.

Одно, да старое наслѣдство
Давно не мило псковичамъ:
Ливонскихъ рыцарей сосѣдство
Даетъ работу ихъ плечамъ!
Ужъ много бритыхъ ихъ бароновъ
И крѣпкихъ рыцарскихъ головъ,
Во славу вѣча и законовъ,
Пересажалъ на копья Псковъ!
А все ихъ сила не слабѣетъ,
Отъ новыхъ выходцевъ густѣетъ,
Поля и села жжетъ огнемъ,
Валитъ и ломитъ напроломъ...
Вблизи отъ Пскова, за границей.
Совсѣмъ не такъ, какъ Псковъ, богатъ,
Стоитъ, покрытый черепицей,
Старинный Юрьевъ, Пскову братъ.
По волѣ князя Ярослава
Нашъ Юрьевъ былъ на свѣтъ рожденъ;
Но близость рыцарей лукава:

Онъ взятъ и въ Дерптъ перекрещонъ.
Онъ Богу русскому не вѣренъ,
Онъ позабылъ родной языкъ,
Онъ, словно рыцарь, лицемѣренъ
И лгать безъ совѣсти привыкъ.
Глядитъ онъ—теменъ, какъ темница,
По узкимъ улицамъ мощонъ;
Съ воротъ гранитныхъ, точно лица,
Глядятъ гербы со всѣхъ сторонъ;
Надъ зеленѣющими рвами,
Гремя желѣзными цѣпями,
Съ утра—спускаются мосты;
Вдоль узкой улицы порою
Проѣдетъ рыцарь на конѣ:
Блестящій шлемъ, перо густое,
Гербъ на груди, гербъ на спинѣ.
Немного въ городѣ движенья;
Гудитъ органъ въ часы моленья;
Наружность храмовъ ихъ мрачна;
Молясь, перебираютъ четки;
Тамъ даже птица не вольна:
Боится темнаго окна,
Его зазубренной рѣшетки,
Боится грохота подковъ,
И ржавой музыки мостовъ...
И тамъ три года изнывала,
Слезами очи погашала,
Въ плѣну двухъ дѣтокъ родила
Красавица, изъ Пскова родомъ,

Ирина... Нѣмцы шли походомъ
На Псковъ... Отбили ихъ... Взяла
Не ихъ... Коню окровавляя
Бока, отъ русскихъ убѣгая
Съ Ириной поперекъ сѣдла,
Баронъ Оскаръ, къ концу сраженья,
Ее, безмолвную, тащилъ,
Привезъ... и сыну, въ день рожденья,
Со сворой гончихъ подарилъ!

IV.

Два Шрекенбада, два Оскара,
Два двойника, отецъ и сынъ,
Сердиты—какъ огонь пожара,
Грозны—какъ бури средь равнинъ...
Велѣнья папы—въ дѣлѣ вѣры,
Въ житейской распрѣ—острый мечъ,
Для нихъ символъ суда и мѣры
Одна—рѣшающая рѣчь.
Примѣры были: съ ними дрались,
Да такъ на мѣстѣ и остались
И въ склепы къ предкамъ снесены
На искупленіе вины.
Хотя и носятъ Шрекенбады
Крестъ на груди, крестъ на мечѣ,
А въ праздникъ даже на плечѣ,
Но въ этомъ слабымъ нѣтъ ограды;

А черный слухъ про старика
Гласитъ, что будто-бы, когда-то,
Его проклятая рука
Упала на голову брата!...
Они богаты, спору нѣтъ:
Ничей такъ не хорошъ обѣдъ
Подъ звуки музыки и хоровъ;
Нигдѣ такихъ душистыхъ винъ
Не льетъ серебряный кувшинъ
Въ часы веселыхъ разговоровъ;
Никто процентами займовъ
Не душитъ столькихъ должниковъ;
И если самый старшій чинъ,
Магистръ, кого-нибудь боится—
Ему страшны отецъ и сынъ!
Онъ не упуститъ прислужиться,
Имъ предпочтенье отдаетъ,
Зато въ немъ месть давно таится.
Онъ не торопится и ждетъ.

V.

Веселье въ замкѣ Шрекенбадовъ!
Кругомъ стола большого въ рядъ,
Пируя, рыцари сидятъ!
Пестритъ въ глазахъ отъ ихъ нарядовъ...
Оскару сына Богъ послалъ,
И сыну мѣсяцъ миновалъ!

Хоть сынъ побочный, хоть ублюдокъ,
А все попьянствовать резонъ!
Давно на пиршествѣ разсудокъ
Виномъ и пѣснями смущенъ...
Ирина въ шитомъ сарафанѣ,
Желанья барскаго раба,
Едва съ постели вставъ, слаба,
Съ виномъ сверкающимъ въ стаканѣ,
Гостей обходитъ, съ ними пьетъ
И гостю всякому, склоняясь,
Поклонъ до пояса кладетъ!
Вино, по кубкамъ испаряясь,
Давно осилило гостей...
Ирина взгляды поражаетъ,
Хвалы и клики вызываетъ
Высокой прелестью своей.
Ей вслѣдъ шушукали, глазѣли,
И выхваляли, кто какъ могъ,
Совсѣмъ сѣдые минестрели
И очень юный докторъ Кнокъ.

VI.

Оскаръ Ириною доволенъ...
Когда онъ пьетъ—онъ духомъ боленъ,
Безумьемъ страждетъ мозгъ его!...
«Да ты пониже!.. Ты... того!...
Ты не скупися на поклоны,

Чтобъ знали господа бароны,
Что дрянь ты... больше ничего»...
Кричитъ Оскаръ; привставши съ мѣста,
Онъ тяжко грохнулся, садясь...
«Вы... Псковъ... ни что другое... мразь...
А ты... ты конюху невѣста...
Прости... обидѣть не хочу...
Ей-Богу—ну... люблю... ей-Богу!..
А если брошу... на дорогу.
Дамъ денегъ... чортъ мнѣ по плечу!..
Подайте сына!»... Вносятъ сына.
«Пускай отъ каждаго кувшина—
Такъ мнѣ придумалось—она
Льетъ на него стаканъ вина.
Его здоровье»!... Кубокъ цѣнный
Въ рукѣ Оскара заблестѣлъ,
И кликъ заздравный прогремѣлъ:
«Живи, живи, новорожденный!»..

VII.

Одинъ, веселье нарушая,
Зажавши губы, худъ и сѣдъ,
Очами темными сверкая,
Сидѣлъ въ раздумьѣ старый дѣдъ.
Тая давнишнюю кручину,
Онъ занятъ думою одной:
Зачѣмъ онъ сыну далъ Ирину,

А не оставилъ за собой?
Старикъ и прежде, въ юны годы,
Мечтать безъ толку не умѣлъ!
Онъ былъ особенной породы:
На все отваживаться смѣлъ....
Когда-жъ онъ въ старости мечтаетъ,—
Едва погнувъ надъ глазомъ бровь,
Мечта проходитъ въ плоть и кровь...
Онъ безъ причинъ не посягаетъ.
А онъ давно ужъ замѣчалъ,
Какъ быстрый слѣдъ его похвалъ
Румянилъ краской торопливой
Щеку Ирины молчаливой...
Какъ ей по-сердцу съ нимъ побыть...
Чѣмъ чортъ не вздумаетъ шутить?!
Вотъ и теперь къ концу обѣда,
Ирина залу обошла,
И, подойдя къ сидѣнью дѣда,
Заздравный кубокъ подняла...
Но только бодрость измѣнила:
Она свой кубокъ опустила
И зашаталась... Увидалъ
Старикъ... и быстро поддержалъ.
—«Гдѣ докторъ Кнокъ? Гдѣ онъ, проклятый?
Сюда его!...» Явился Кнокъ...
Ирину поддержать помогъ...
Старикъ Оскаръ, мечтой объятый,
Оставивъ пьянствовать гостей,
Пошелъ тихонько вслѣдъ за ней...

«Ты, докторъ, мнѣ, смотри за нею!
«Попустишь что—сломаю шею...
«Ты мнѣ Ирину сохрани—
«Хоть чорта къ дѣлу примани!»..

VIII.

А сынъ къ Иринѣ привязался...
Когда онъ трезвъ—онъ съ нею тихъ!..
На землю вечеръ опускался...
Онъ къ ней пришелъ...

Оскаръ (входя въ опочивальню къ Иринѣ).

Въ мечтахъ своихъ
По-прежнему грустна Ирина...
Ну, слушай: отъ Оскара-сына
Тебѣ сюрпризикъ! Разговоръ
Съ попомъ какимъ-то... Къ намъ попался...
Вашъ русскій попъ! Все мелетъ вздоръ!
Онъ съ Кнокомъ докторомъ тягался,
Забавно было слушать ихъ:
Два дурня, оба изъ большихъ!
Одинъ—пренабожный католикъ,
Тотъ—православный... Чудаки!
Смѣялись мы съ отцомъ до коликъ.
Посмѣйся ты... Тебѣ съ руки!

Ирина.

Съ попомъ смѣяться мнѣ?

Оскаръ.

Такъ что-же?
Онъ настоящій попъ—по рожѣ,
По говору и по скуфьѣ!
Вѣдь мы по-русски маракуемъ,
Когда условья вамъ диктуемъ,
Подносимъ ихъ на остріѣ
Меча! Не дуйся! Попъ прелестный—
Изъ странствующихъ въ поднебесной...
Все хочетъ жечь еретика!
Іосифъ, нѣкій,—съ языка
Не сходитъ,—и Геннадій тоже
Ему всѣхъ пастырей дороже!
Онъ пробирался стороной,
Ко Пскову, чащею лѣсной;
Его, какъ звѣря, мы ловили,
Въ чащѣ собаками травили!

Ирина.

Какой-же попъ, однако, онъ?

Оскаръ.

Толкуетъ—рукоположонъ
Нечесанымъ архіереемъ!
Не знаю: мазанъ-ли елеемъ,
Но масломъ пахнетъ...

Ирина.

Позови!
Пускай придетъ сюда.

Оскаръ.

Ну, то-то!

Ты позабавься, не тужи...
А чуть понравится—скажи:
Я изловлю поповъ безъ счета
И цѣлой стаей приведу
Тебѣ въ угоду! Хочешь?

Ирина.

Жду!

IX.

Инокъ (войдя въ опочивальню Ирины по выходѣ Оскара).

Благословенъ нашъ Богъ Создатель,
Великихъ милостей податель,
Да будетъ миръ Его съ тобой!

Ирина.

Кто ты?

Инокъ.

Я изъ страны родной...
Былъ въ Кіевѣ на поклоненьѣ
И шелъ, свершивъ обѣтъ, домой...
Да очутился въ заточеньѣ
И присланъ вотъ...

Ирина.

Ты кто-жъ такой?
Изъ бѣглыхъ?

Инокъ.

Я?!

Ирина.

Мнѣ такъ сказали...

Инокъ.

Въ бѣгахъ отъ плоти своея,
Отъ мудрствованій, отъ печали,
А не отъ церкви... Инокъ я!
Иду отъ Волоцкой святыни
До тѣхъ далекихъ острововъ,
Гдѣ на хребтахъ морской пустыни,
Господь, нашъ Богъ, поверхъ валовъ,
Вдали отъ ереси и срама,
Воздвигъ обитель Валаама.
Я принялъ иноческій санъ
По православному завѣту!
Скитаюсь, страхомъ обуянъ...
Свѣтильники Господню свѣту—
Мы высшей волей зажжены,
Горимъ!.. Въ молитвѣ днемъ и ночью,
По неземному полномочью,
Мы молимъ за своихъ людей,

Чтобъ отвратилъ Господь всѣ бѣды,
Что намъ готовятъ нѣмцы, шведы,
Полякъ, татаринъ и еврей!
Чтобъ не зачелся грѣхъ князей!
Благодаря ихъ старой спѣси,
Повсюду ересь гложетъ веси...
Быть-можетъ тамъ, въ странѣ озеръ,
Слабѣй родной земли позоръ!
Не въ свѣтской власти, а въ духовной,
Хранится нашъ завѣтъ верховный
О единеньѣ бытія...
Мы молимся, по міру ходимъ,
Мы паству къ пастырю приводимъ,—
И вотъ кто мы, и вотъ кто я!
И я узналъ, что ты въ плѣненьѣ,
И видѣть радъ на тотъ конецъ,
Что-если нужно что̀...

Ирина.

Отецъ!
Пріятно мнѣ твое явленье!
Я здѣсь въ семьѣ еретико̀въ,
Окружена дыханьемъ злобы...

Инокъ.

Левъ будетъ остріемъ зубовъ
Терзать ихъ скверныя утробы!
И ты, счастливая жена,

Быть-можетъ, Богомъ избрана
Стоять пятой на гнусномъ змѣѣ?

Ирина.

Нѣтъ! Я въ борьбѣ изнемогла...
О! Если-бы я знать могла!..
Но, можетъ-быть, ты, какъ другіе,
Подосланъ?

Инокъ.

Богомъ посланъ я!
(Раскрываетъ грудь.)
Гляди! Ты видишь: грудь моя...
Тутъ честныхъ древъ изображенье
На тѣлѣ я ношу давно!
То—черепъ! Онъ гласитъ о тлѣньѣ...
А кость—крестъ-на-крестъ! Прижжено
Изображеніе святыни
Въ тѣ дни, когда я молодъ былъ,
Проплылъ моря, прошелъ пустыни
И гробъ Господень посѣтилъ!
Не лгу!

Ирина.

Не лжешь! Тебѣ я вѣрю!
Скажи: права-ли буду я,
Когда, не человѣку—звѣрю,
Подъ лаской месть свою тая,
Въ отвѣтъ за зло, за всѣ насилья,

За стыдъ, который я ношу,
Я подшибу, какъ птицѣ, крылья
И, приласкавши, задушу...
Простится-ль мнѣ?

Инокъ.

Въ отвѣтъ готово
Тебѣ евангельское слово!
Когда изъ храма изгонялъ
Господь, гдѣ нужно бичевалъ!
Апокалипсису мы вѣримъ,
Что бой Христа съ великимъ звѣремъ
Уже давнымъ-давно идетъ!
Звѣрь только образы мѣняетъ,
Снуетъ въ людяхъ и проступаетъ
Тамъ, гдѣ никто его не ждетъ!
Мы—со Христомъ! вся Русь объята,
Кольцомъ враговъ окружена,
Со всѣми ими—Сатана!
Онъ всюду! Наше мѣсто свято!

(Крестится.)

Ирина.

Такъ, значитъ, буду я вольна!?

Инокъ.

Виновенъ звѣрь за нравъ звѣриный,
И ихъ грѣхи на дѣтяхъ ихъ!
Да не спасется ни единый

Отъ нещадившихъ малыхъ сихъ!
Іосифъ, волоцкій учитель
Велѣлъ мечомъ ихъ посѣщи,
Богатства хитить и въ пещи
Ихъ сожигать! Что тать-грабитель,—
То и они, еретики!
Да погибають отъ руки,
Отъ мора, казней, потопленья...
Проклятой ереси движенья
Отсюда двинулись полки...

Ирина.

Спасибо! Легче мнѣ отнынѣ;
Но какъ, скажи мнѣ, помирить:
Вѣдь намъ Христосъ велѣлъ любить?
Прибавь ты разума Иринѣ?

Инокъ.

Іосифъ Волоцкій училъ
Въ своемъ посланьѣ къ Митрофану,
Что: кто казненъ—тотъ искупилъ
Хоть часть вины! Что нѣтъ изъяну,
И совѣсти не возмутитъ
И тотъ, кто дерзостныхъ казнитъ!
Геннадій нашъ новогородскій
О церкви тоже такъ радѣлъ!
Когда московскій князь велѣлъ
Жидовствующихъ казни плотской
Подвергнуть,—этихъ грѣшныхъ тьму

Прислали въ Новгородъ къ нему.
Еретиковъ тѣхъ посадили
На коней, задомъ напередъ!
Святитель выгналъ ихъ въ народъ!
Бересту шлемами сложили,
Гребни связали изъ мочалъ!
Таскали ихъ! Народъ плевалъ!
Затѣмъ, на дѣтяхъ преисподней
Бересту жгли на головахъ...
И въ радость былъ великій страхъ,
И въ пользу истинѣ Господней!

Ирина (послѣ раздумья).

Пріими мой грѣхъ и отпусти!
И, ежели не жить Иринѣ,
Меня, отецъ, въ святой пустынѣ
Ты въ поминанья занести
Не позабудь!

Инокъ.

Не позабуду!
Мужайся и казни Іуду!

Ирина.

Когда у васъ, въ странѣ родной,
Подъ гнетомъ стужи ледяной,
Цвѣтокъ, до времени, завянетъ;
Когда, мелькнувши полосой,
Звѣзда въ глухую бездну канетъ:

Когда ночного вѣтра стонъ,
Съ кладбища быстро налетая,
Оконцо кельи потрясая,
Встревожитъ твой спокойный сонъ—
Тутъ буду я, вся быль моя,
Вся повѣсть злого бытія!
Когда во храмъ, подъ древній сводъ
Женихъ съ невѣстою придетъ;
Когда у блещущей купели
Раздастся свѣжій, дѣтскій крикъ,
Или, приблизясь къ колыбели,
Надъ внукомъ склонится старикъ—
Тутъ буду съ вами я опять
Тѣмъ, что, загубленной судьбиной,
Изъ радостей тѣхъ ни единой
Не довелось мнѣ испытать...
Благослови, простись съ Ириной!

(Инокъ благословляетъ ее и уходитъ.)

X.

Докторъ (встрѣчая Ирину въ отдѣльной галлереѣ замка).

Меня звала̀ ты—я пришелъ!

Ирина.

Ты помоги въ тоскѣ безбрежной!

Докторъ.

Старикъ-баронъ заботой нѣжной
Къ тебѣ—меня въ конецъ извелъ!

Ирина.

Вотъ третій день то въ жаръ, то въ холодъ
Меня бросаетъ...

Докторъ.

Вижу я!
Побереги себя!

Ирина.

Ты молодъ!
Не знаешь: въ чемъ болѣзнь моя...

Докторъ.

Предчувствую...

Ирина.

Себѣ на горе
Тогда! Нѣтъ, ты не долженъ знать:
Тебѣ не время умирать!

Докторъ.

Ты въ тяжкомъ, безысходномъ спорѣ
Сама съ собою день и ночь...
И, видя это, не помочь!
Почуять всѣ твои кручины,

Обиды видѣть и молчать,
Твое молчанье постигать,
И не сорвать съ тебя личины...

Ирина.

Постой! Ты взвѣсилъ-ли слова
Свои? И крѣпко-ль голова
Къ плечамъ пристала? И давно-ли
Такія дерзкія мечты?

Докторъ.

Насъ единитъ судьба неволи—
Люблю тебя!

Ирина (послѣ раздумья).

Какъ любишь ты?

Докторъ.

Отдать себя, совсѣмъ забыться,
Съ тобой мученье потерпѣть,—
Мнѣ смерть такая счастьемъ мнится!..

Ирина.

Но кто-же ты, чтобъ думать смѣть
О мнѣ?..

Докторъ.

Есть грезы золотыя
Гдѣ погибаютъ, освѣтясь,

Всѣ, всѣ различія земныя,
Гдѣ хороша любая связь...
Что въ нихъ—бѣднякъ? Что въ нихъ—чужая?
Ничто—безумье... Вздоръ—запретъ...
Міръ въ этомъ мірѣ нарождая,
Одна любовь въ нихъ... трепетъ... свѣтъ...
Гляди: я даже въ созерцаньѣ
Тебя—уже преображонъ...
О, дай мнѣ право на страданье!

Ирина.

Изволь! Ты можешь быть прощонъ!

Докторъ.

Тобой?

Ирина.

Да, можетъ-быть, и мною...
Но, знай, ты шутишь головою!

Докторъ.

Она твоя.

Ирина.

Дай зелья мнѣ!
Въ далекой спальнѣ, въ тишинѣ,
Откинувъ пòлогъ, при лампадѣ,
Оскару въ сонное питье
Волью... А много-ль силы въ ядѣ?

Докторъ.

Онъ въ сутки сдѣлаетъ свое...
Но какъ избѣгнуть подозрѣнья?!

Ирина.

Такъ слушай! Вотъ мое рѣшенье:
Я обѣщаю быть твоей,
Когда свободной буду снова...
Увидимъ вмѣстѣ стѣны Пскова,
И милыхъ, мнѣ родныхъ людей.
Мужья свободныхъ псковитянокъ
У насъ, кто-бъ ни были они,
По праву—граждане земли!
Дай зелье! Утромъ спозаранокъ,
Когда отраву приметъ онъ,
Ты будешь мною извѣщонъ:
Скажусь больной. Чтобъ были кони,
Какъ ночь придетъ, у тайника!
На утро надо ждать погони;
По счастью, ночь не коротка,
Узнай тѣмъ временемъ дорогу...

Докторъ.

А долго-ль ждать? Великъ-ли срокъ?

Ирина.

Коль случай выйдетъ на подмогу,
Недолго...

Докторъ (давая ядъ).

Вотъ твой пузырекъ...

XI.

Хорошъ при замкѣ старый садъ!
За нимъ давно никто не ходитъ;
Весенній дождь цвѣты разводитъ,
Мѣняетъ лѣто ихъ нарядъ.
Зато, разросся садъ на волѣ
У долгихъ лѣтъ въ чести и холѣ.
Его дорожки заросли,
По нимъ пройти согнувшись надо,
Трава сплелась поверхъ земли;
Въ немъ, въ самый полдень, тѣнь, прохлада,
И въ двадцати шагахъ кругомъ
Не видно человѣка днемъ.
А замокъ ветхими зубцами
Надъ нимъ, какъ нѣкій стражъ, стоитъ;
На немъ, проточены годами,
Замшились мраморъ и гранитъ.
Угрюмый садъ кругомъ обводятъ
Изгибы мощные стѣны
Въ сажень съ аршиномъ ширины;
По ней, порой, гуляя, ходятъ;
А за стѣной глубокій ровъ
По дну уставленъ остріями;
Гранитъ его крутыхъ боковъ

Одѣлся плѣсенью и мхами;
Въ саду приставлены къ стѣнѣ
Желѣзной лѣстницы ступени.
На небѣ полдень. Круты тѣни,
И окна искрятся въ огнѣ.
Ирина вдоль стѣны гуляетъ...
Здѣсь мыкаетъ она печаль,
Здѣсь глазъ далёко обѣгаетъ
Равнинъ дымящуюся даль...
Старикъ баронъ сюда придетъ...
Недолго ждать: вотъ полдень бьетъ!

XII.

Старый баронъ (подходя къ Иринѣ).

Что ты, голубка молодая,
Гуляешь блѣдная такая?

Ирина.

Меня вотъ этотъ ровъ манитъ...
Чтó, если человѣкъ слетитъ?

Старый баронъ.

Да! Если здѣсь свалиться—баста!...
А развѣ такъ ты мыслишь часто?

Ирина.

Случается...

Старый баронъ.

Ну, а скажи,
Да только въ тайнѣ не держи,
Какая главная причина,
Что бродитъ подлѣ рва Ирина?..

Ирина.

Нѣтъ! Кромѣ рва, здѣсь даль манитъ!
Люблю смотрѣть, какъ осень сходитъ
И лѣсъ, и ниву золотитъ...

Старый баронъ.

Да, осень—старость! Грустный видъ...

Ирина.

Нѣтъ! Въ очертаньяхъ молчаливыхъ,
Она роднѣй душѣ больной,
Чѣмъ гнѣвъ и милость силъ строптивыхъ
Весны и страсти молодой!
Тому, кто горемъ не подкошенъ,
Быть-можетъ, молодость милѣй...

Старый баронъ.

Ирина!

Ирина.

Да! Былъ жребій брошенъ,
И я могла-бы быть твоей.

Старый баронъ.

Ирина!..

Ирина.

Видишь-ли, какъ смѣло
Съ тобой, баронъ, я говорю!
Открыто смерти въ ликъ смотрю!..
Жить, какъ живу—мнѣ надоѣло,
Въ святой святыхъ оскорблена,
Я жажду мстить, я—месть одна!
Что ты не молодъ—что мнѣ въ этомъ?
Мнѣ умереть здѣсь суждено...
Съ отцомъ мнѣ будетъ холодно,
Но съ сыномъ—гадко... Жду съ отвѣтомъ?

Старый баронъ.

Когда повѣрю—что потомъ?

Ирина.

Мы будемъ жить съ тобой вдвоемъ...
Его ушлешь ты безъ возврата...

Старый баронъ.

Куда?

Ирина.

Куда услалъ ты брата...
Не хочешь? Такъ предай меня!

Старый баронъ.

Я дамъ отвѣтъ къ закату дня...

XIII.

День миновалъ. Жара стояла
Большая, былъ ужасенъ зной!
Гроза промчалась стороной,
Зажгла лѣса, вся даль пылала.

Старый баронъ (въ своей оружейной играетъ съ сыномъ въ кости).

Мой сынъ! Въ сосѣдствѣ лѣсъ горитъ;
Играть устали мы съ тобою;
Пройдемся нашею стѣною,
Тамъ, со стѣны, весь лѣсъ открытъ.

Оскаръ.

Нѣтъ, мнѣ теперь не до пожара!
Постой, еще хоть три удара:
Очки пойдутъ у насъ вдвойнѣ,
На квитъ, все что ты долженъ мнѣ,
Въ придачу свору гончихъ ставлю—
Ты жеребца поставь, старикъ...

Старый баронъ.

Смотри, Оскаръ! Ударъ великъ.

Оскаръ.

Великъ, да сразу все поправлю!

Упали кости. Взялъ ихъ — сынъ;
Загребъ червонцы онъ рукою.

Оскаръ.

Тебѣ-ль, старикъ, играть со мною!
Вѣдь счастье бѣгаетъ сѣдинъ.
Твой жеребецъ—онъ взялъ статями,
А ты, отецъ, и дряхлъ, и худъ...
Тебя затопчетъ онъ ногами,
Узнаютъ люди—осмѣютъ!

XIV.

Насмѣшка заживо схватила...
Старикъ, одумавшись, смолчалъ;
Слегка улыбка ротъ скривила,
И глазъ подъ бровью засверкалъ.
Пошли по лѣстницѣ желѣзной;
Идутъ тихонько по стѣнѣ.
Бросая блескъ по ночи звѣздной,
Пожаръ клокочетъ въ сторонѣ.
Грозой промчавшеюся сбиты,
Надъ нимъ столпились облака,
И грѣютъ круглые бока.
Зловѣщимъ заревомъ покрыты
Сіяютъ крыши по домамъ;
Звонятъ по городу тревогу
И, вставъ мѣстами, понемногу

Все рѣзче крики, шумъ и гамъ.
Баронъ, за сыномъ пробираясь,
Идетъ задумчивъ и угрюмъ...
Чу! Слабый крикъ, какой-то шумъ!
И, за рогатины цѣпляясь,
Скользя по темнымъ остріямъ,
Какъ-будто тѣло проскакало
И грохнулось, когда упало!
Старикъ, нагнувшись надо рвомъ,
Дослушалъ... Нечего бояться!
Но такъ онъ блѣденъ былъ лицомъ,
Чуть началъ съ лѣстницы спускаться,
Что свѣта краснаго потокъ
Осилить блѣдности не могъ...

XV.

Свѣтлѣетъ ночь. Къ началу дня
По замку стукъ и бѣготня.
При свѣтѣ факеловъ смоленыхъ
Толпой прислужники идутъ
И на носилкахъ обагренныхъ
Безмолвно мертваго несутъ.
Его лицо осталось цѣло,
Но голова раздроблена,
Одежда, въ клочья порвана,
Не всюду покрываетъ тѣло.
Какой судьбой онъ спать не легъ?

И какъ такъ поздно увидали?
И какъ ночные стражи спали?
И какъ онъ оступиться могъ?—
Вотъ содержанье разговоровъ
На всѣ лады, по всѣмъ угламъ
Догадокъ, выдумокъ и вздоровъ
И лжи, и правды, пополамъ,
Но какъ-же объявить барону?
И кто посмѣетъ разбудить
Наперекоръ его закону?
И какъ Ирину извѣстить?
Пошли, однако-же, сказали...
Старикъ поспѣшно всталъ отъ сна;
Встревоженъ... Взбита сѣдина...
И, встрѣтивъ тѣло теплымъ словомъ,
Не отшатнуться онъ не могъ.
И онъ велѣлъ покрыть покровомъ
Отъ головы его до ногъ...
Вошла Ирина... Подлѣ сѣла,
Сама покровъ съ лица сняла
И долго такъ въ лицо глядѣла...
Прочесть старалась—не могла!

XVI.

На третій день, день похоронъ,
Въ соборъ стеклись со всѣхъ сторонъ
Народъ и рыцари толпами.

Между желтѣвшими свѣчами
Стоитъ свинцовый гробъ въ гербахъ;
На крытыхъ бархатомъ мѣстахъ
Сидитъ магистръ со старшинами.
Отъ всѣхъ отдѣльно впереди,
Стуча рукою по груди,
Старикъ-баронъ сидитъ съ Ириной...
Органъ безъ умолку гудитъ,
Баронъ съ глубокою кручиной
Иринѣ тихо говоритъ:

Старый баронъ.

Исполнилъ я твое желанье,
И къ Богу кровь течетъ рѣкой...
Не передъ нимъ, передъ тобой
Меня терзаетъ ожиданье.
Зачѣмъ молчишь ты до сихъ поръ?
Скажи—и будешь мнѣ невѣста!
На свѣтѣ сильнымъ много мѣста,
Ничто счастливымъ не укоръ...
Органъ гудитъ и завываетъ
И въ ладъ словамъ своимъ, порой,
Баронъ тяжелою рукой
По крѣпкой груди ударяетъ.

Старый баронъ.

Ужъ вотъ двѣ ночи и два дня,
Какъ ты не смотришь на меня!
Какую мысль твой умъ ласкаетъ?

Чѣмъ онъ болѣетъ? Что скрываетъ?
Баронъ и благодѣтель твой—
Я плакать радъ передъ тобой!..
Органъ гудитъ! Тяжелымъ хоромъ
За нимъ во-слѣдъ поетъ народъ;
Въ движеньѣ судорожномъ, скоромъ,
Баронъ рукой по груди бьетъ...

Старый баронъ.

Тебя къ любви я не неволилъ...
Я сердца жалостью не холилъ!
Я брата своего убилъ,
Я сына своего сгубилъ...
Ты научила, ты желала
И на тебѣ моя вина!
Возьму тебя, во что-бъ ни стало...

Ирина.

Возьми! Но я отравлена̀...

(Старый баронъ вскакиваетъ съ мѣста и пронзаетъ Ирину мечомъ.)

XVII.

Одинъ изъ скитовъ на Валаамѣ. Теплая, лѣтняя ночь. Поодаль отъ входа въ скитъ нѣсколько братьевъ, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, разговариваютъ въ-полголоса.

1-й инокъ.

Отходитъ, ничего неслышно болѣ.
Преставился, быть-можетъ, старецъ?

2-й инокъ.

Нѣтъ!
Такого старца Богъ къ Себѣ не приметъ
Безъ нѣкаго явленья! Быть явленью...

3-й инокъ.

Да, ветхій деньми старецъ! Постникъ строгій
И много испыталъ.

1-й инокъ.

Да, говорили,
Что прежде онъ, въ гоненіяхъ на ересь,
Самъ сталъ ересеархомъ! Звалъ казнить!
Что при Геннадіи новогородскомъ
Онъ жегъ еретиковъ въ желѣзныхъ клѣткахъ.

2-й инокъ.

О, Господи!

1-й инокъ.

Потомъ у бѣлозерскихъ,
У Нила Сорскаго въ наукѣ побылъ,
И снова странствовалъ, и къ намъ пришелъ,
И схиму принялъ!

(Изъ скита выходитъ настоятель, останавливается на порогѣ и дѣлаетъ инокамъ знакъ рукою подойти).

Настоятель (обращаясь въ сторону къ невидимому схимнику).

Братъ Иринархъ!
Пришли съ тобой проститься! Что имъ скажешь?

(Братья подходятъ къ дверямъ кельи; изъ скита раздается довольно сильный голосъ отходящаго.)

Голосъ схимника Иринарха.

Разбилъ скрижали Моисей — то правда...
Когда-жъ Израиля хотѣлъ сгубить
Господь за поклоненіе тельцу —
То Моисей сталъ противъ Божьей воли...
«Егда погубишь ихъ, сгуби меня!» —
Сказалъ. И Богъ народъ свой не сгубилъ!
Любовью Моисей, смягчилъ гнѣвъ Божій.
Илья пророкъ, о Господѣ радѣя,
Казнилъ четыреста жрецовъ Ваала,
Но каявшихся принялъ къ покаянью:
Изъ нихъ-же вышелъ намъ пророкъ Авдѣй!
То ветхій былъ законъ... Въ союзѣ новомъ
Господь намъ повелѣлъ не осуждать!
Что грѣхъ судить довлѣетъ только Богу...
(Голосъ замолкаетъ.)

Настоятель.

Замолкъ! молитесь братія! быть-можетъ
Преставился?

Голосъ схимника Иринарха.

Припомните: Спаситель
Отъ грѣшницы убійственную руку
Жидовъ отвелъ... А Симона Волхва
Апостолъ Петръ разбилъ своей молитвой!
Апостолъ Павелъ душу полагаетъ,
Чтобъ братья соблазненная спаслась,
Но не сказалъ, чтобъ ихъ огонь пожегъ,

Или земля пожрала! Петръ, опять-же,
У Господа спросилъ: скажи, Учитель,
Кто согрѣшитъ седмижды въ день—прощу-ль?
Господь сказалъ ему: не до седмижды,
Но седмерицей семдесятъ—прости!
И аще брата согрѣшивша убиваетъ,—
Въ томъ ветхій возвращаетъ онъ законъ,
Его-же, по Христѣ, Богъ ненавидитъ...

(Послѣ нѣкотораго молчанія.)

Охъ, братія! Откроюсь въ покаяньѣ...
Преклоньте-же колѣна и молитесь
Да духъ мой, отрѣшась, избѣгнетъ бѣса!

(Настоятель и иноки становятся на колѣна.)

Великіе на мнѣ грѣхи! Я думалъ
Гнать ересь и въ гоненіяхъ своихъ
Самъ въ злую ересь впалъ. Гоненья—ересь!
Богъ тайной велъ меня! И тайну эту
Прозрѣлъ я!.. Думалъ до того обманно!
Когда собралась братья вкругъ меня,
Смутилъ меня лукавый, будто этимъ
Господь мою мнѣ правду подтверждаетъ,
Число учениковъ моихъ умноживъ!
Господь умножилъ этимъ только страсти...
Когда-бъ тогда мнѣ умереть—геена
Была-бы мнѣ!.. Иначе Богъ судилъ!
Узрѣлъ я то, чему училъ въ дѣяньяхъ!
Сталъ видѣть плодъ того, что я посѣялъ!
Я ужаснулся крови!.. Я позналъ,
Что крови нѣсть конца, чуть есть начало...

Бѣсъ сталъ мнѣ видимъ ясно—я бѣжалъ!
Тутъ былъ край бездны, тутъ-же и спасенье:
Перстъ Божій велъ въ Заволжье... Тишиною
Тишайшею меня тогда объяло
Въ обителяхъ лѣсныхъ!.. У бѣлозерскихъ
Я каялся... И все меня на сѣверъ
Тянуло будто... Думалъ я въ Соловки...
Господь рѣшилъ кончать на Валаамѣ...

(Послѣ роздыха.)

Тутъ я постигъ въ себѣ великій свѣтъ!..
Внутри себя Творца я ощутилъ...
Въ молитвѣ я носился существомъ...
Не чувствовалъ я тѣла, несся въ горнихъ,
Въ общеніи любви Господней! Въ радость
Я просвѣтлялся благодатью слезъ...
И я позналъ тогда могущество прощенья!
Любовь не устаетъ, подобно мести, братья,
И нѣсть любви конца—бо есть сама конецъ!
Мой часъ приспѣлъ! Узрѣть все то, что чаялъ...
Спокоенъ я! Молитесь за меня!
Не наказуйте, братья! Будьте добры...
Пріими ты отъ меня, братъ настоятель,
Мое послѣднее въ сей жизни слово:
Вы въ поминаньяхъ вашихъ, съ Иринархомъ,
Провозглашайте также и Ирину...
Мнѣ и свѣтло! И плачется легко...

(Слѣдуетъ продолжительное молчаніе. Настоятель входитъ въ скитъ и чрезъ нѣсколько времени возвращается.)

Настоятель.

Преставился!..

XVIII.

Сложилась Русь. Давно забыты
Дѣла давно минувшихъ дней...
Лишь безпокойные піиты
Тревожатъ мирный сонъ костей!
Сплотилась Русь не только вами,
Чьи дорогія имена
Передаетъ народъ устами
И сохраняютъ письмена:
Нѣтъ! Нерушима та основа
Безличныхъ, скромныхъ, мелкихъ силъ,
Весь сонмъ которыхъ опочилъ
И въ безымянности былого,
И въ безызвѣстности могилъ!
Нѣтъ замковъ рыцарскихъ! Скопился
На мѣстѣ ихъ безсвязный хламъ...
Но молится, какъ и молился,
На острыхъ скалахъ Валаамъ!
Сентябрь! Монахи, поминая,
Перекликаютъ имена...
Ирина, кажется, слышна!..
Но, неизвѣстно кто такая,
Когда и кѣмъ занесена?..

БЫВШІЙ КНЯЗЬ.

НЕОКОНЧЕННАЯ ХРОНИКА.

(В. П. Буренину.)

I.

По паспорту я—дворянинъ,
А родомъ князь! Всего одинъ
Въ семьѣ я былъ. Нашъ древній родъ,
Онъ не встрѣчается нигдѣ,
Ни въ министерствахъ, ни въ судѣ,
Ни въ войскѣ... Ровно черезъ годъ
Мнѣ минетъ сорокъ! Сѣдина
Давно пробилась въ бородѣ;
Мнѣ, говорятъ, къ лицу она!..
Дитя равнины безъ лѣсовъ,
Сынъ черноземной полосы—
Любилъ я, чуть пойдутъ овсы,
На дудку звать перепеловъ;
Любилъ, какъ только день пройдетъ,
Ходить къ ребятамъ въ хороводъ;
Любилъ, плясавши, кругъ водить,
Ногами гулъ земли будить...
И возвращался я домой,
Довольный міромъ и собой...

И няня старая моя
Семьѣ твердила за столомъ,
Что лучше всѣхъ пляшу, молъ, я
И лучше всѣхъ пою притомъ.

* * *

Швейцарка-бонна ей въ отвѣтъ
Давала каждый разъ совѣтъ
Въ село ребенка не водить;
Что такъ нельзя дѣтей учить;
Что такъ мальчишекъ не ведутъ, —
Уроки всѣ не въ прокъ пойдутъ;
Что тамъ, у нихъ, въ отчизнѣ горъ,
Гдѣ всѣ свободны, всѣ равны,
Сильнѣе за дѣтьми надзоръ,
Что боннамъ тамъ права даны...
Отецъ на это отвѣчалъ,
Что за границей не бывалъ,
Что самъ онъ, какъ и я, здѣсь взросъ;
Запретъ мнѣ будетъ стоить слезъ,
Что слезы педагогъ плохой...
Что день кончается съ зарей;
Что пусть дитя, какъ ночь придетъ,
Съ собою пѣсни въ сонъ возьметъ,
И Богородицу прочтя,
Пусть, на здоровье, спитъ дитя!
Тутъ бонна правила чепецъ,—
Серчала... А старикъ-отецъ
Разсказывалъ о прошлыхъ дняхъ,

Когда въ военной службѣ былъ,
Когда онъ въ Грузію ходилъ,
О дневкахъ, о большихъ бояхъ;
Какъ былъ онъ принятъ во дворцѣ;
О государевомъ лицѣ...
Но что бы онъ ни говорилъ—
Рѣчь на Ермолова сводилъ.

* * *

Теперь на родинѣ моей
Затерянъ слѣдъ прошедшихъ дней!
Какъ прежде, мало тамъ воды;
Цвѣтутъ подъ ряскою пруды,
И безконечный черноземъ
Разлегся теменью кругомъ;
Какъ прежде, чуть пора придетъ,
Большой подсолнечникъ цвѣтетъ,
И вкусны зернышки его...
Но многое зато мертво!
Теперь всегда, изъ-года-въ-годъ,
Какъ коршунъ стороны степной,
Кулакъ торгующій снуетъ
Съ набитой натуго мошной...
Одинъ изъ нихъ,—попуталъ грѣхъ,—
Лишилъ насъ крова и утѣхъ.
Отецъ мой не по средствамъ жилъ...
Какой-то срокъ онъ пропустилъ...
Я ясно помню этотъ день!
Мы бросили родную сѣнь

И переѣхали въ Москву.
То сонъ случился наяву...

* * *

Въ Москвѣ мы встрѣтили родныхъ;
Мы искренно любили ихъ...
И капиталецъ былъ у насъ,
Хоть не большой, но въ самый разъ...
Но этотъ скромный капиталъ
Отецъ на церковь назначалъ.
Еще въ деревнѣ, помню я,
Разъ собралась къ намъ вся семья,
Народъ изъ близкихъ селъ валилъ:
Отецъ мой церковь заложилъ.
Сталъ подниматься Божій храмъ,
Хоть не по днямъ, а по годамъ...
И помню я, какъ изъ земли
Тѣ стѣны красныя росли,
И какъ кирпичный сводъ накрылъ
Знакомый рядъ шести могилъ.
Отецъ покойный мой хотѣлъ,
Чтобъ церкви маленькій придѣлъ
Семейнымъ склепомъ былъ для насъ.
До половины поднялась
И колокольня; куполъ росъ;
Отецъ оградой храмъ обнесъ.
И въ день отъѣзда, въ грустный срокъ,
Я храмъ далеко видѣть могъ...
Когда и садъ, и домъ родной

Холмы задвинули собой,—
Стоялъ онъ нѣкимъ часовымъ
Надъ удалявшимся былымъ...
И вотъ—по нынѣшній я день
Владѣю сотнею сажень,
И цѣнностью семи могилъ,
Подъ сводомъ тѣмъ, что ихъ накрылъ.
Ушелъ послѣдній капиталъ:
Отецъ исполнилъ, что желалъ,
И подъ защитой церкви спятъ
Три нашихъ поколѣнья въ рядъ...

* * *

Да! Несчастливая звѣзда
Семьѣ свѣтила въ тѣ года!
Въ Москвѣ, чтобъ имя поддержать
Отецъ задумалъ средствъ искать.
Нуждался въ деньгахъ онъ всегда!
Лѣтъ на тридцать моложе—мать
Блистала полной красотой,
Рядилась... То расходъ большой,
И деньги были ей нужны!..
На свѣтѣ нѣтъ такой страны,
Гдѣ-бъ, украшая капиталъ,
Давая предпріятьямъ ходъ,
Толкая акціи въ народъ,
Гербъ князя роли не игралъ.
И вотъ за эту злую роль
Отецъ мой быстро промѣнялъ

Свою накликанную голь
На стыдъ... Я помню, какъ теперь,
Какъ, юношей въ пятнадцать лѣтъ,
Едва-едва вступая въ свѣтъ,
Сильнѣйшую изъ всѣхъ потерь
Понесъ я... Самъ я прочиталъ...
Судебный приговоръ былъ строгъ,
Отецъ мой совершилъ подлогъ,
И судъ жестоко наказалъ!
Отецъ стыда не перенесъ...
Мать, похудѣвшая отъ слезъ,
Безъ денегъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Должна была покинуть свѣтъ;
Собравши крохи, какъ могла,
Насъ въ Петербургъ перевезла.

* * *

Люблю большіе города!
Люблю за то, что въ нихъ всегда
Для жизни передышки нѣтъ,
Что въ нихъ одинъ всему удѣлъ
Для всевозможныхъ лицъ и дѣлъ:
Пройти, едва оставивъ слѣдъ.
Чѣмъ больше городъ, чѣмъ древнѣй,
Тѣмъ больше скучено страстей
Въ немъ было! Мѣстомъ дорожа
Онѣ слоились съ каждымъ днемъ
Въ два, три, четыре этажа!
Ряды домовъ, ряды дворцовъ—

Разсказы въ образахъ, безъ словъ!
Но тѣ дома росли не вдругъ
На мѣстѣ старенькихъ лачугъ:
Какъ гонитъ щепки предъ собой
Растущій къ вечеру прибой,
Слагая ихъ вдоль береговъ—
Такъ, съ ростомъ каменныхъ домовъ,
Бѣгутъ лачуги къ сторонамъ,
Поближе къ пустырямъ, къ пескамъ!
Въ нихъ искреннѣй, чѣмъ во дворцахъ,
Играетъ жизнь въ людскихъ сердцахъ,
Въ нихъ счастья больше, скорбь сильнѣй.
Досугъ болтливѣй, рѣчь вольнѣй,
Пыль въ засуху, и грязь съ дождемъ,
И бѣдность трудная кругомъ!
Отъ этихъ скромненькихъ жилищъ
Всего два шага до кладбищъ...
И жили мы своей семьей
Тамъ, гдѣ-то, за рѣкой Невой...

* * *

Не все, что въ людяхъ высокò,
Словами высказать легко,—
И много яркихъ дѣлъ людскихъ,
За то, что не кричатъ о нихъ,
Исчезли изъ виду давно,
Какъ-будто такъ и быть должно!
Я помню въ эти годы мать...
Положимъ, что ходить пѣшкомъ,

Самой припасы закупать —
Не подвигъ на пиру людскомъ.
Не подвигъ также—упросить
Людей сынка опредѣлить;
Не подвигъ—сгорбившись, сидѣть,
Глаза за ниткой проглядѣть,
Самой варить, самой стирать
И дурно ѣсть, и мало спать!
Не подвигъ—въ полномъ цвѣтѣ дней
Остаться безъ прислугъ-людей,
Учиться жить на новый ладъ;
Узнать, какъ грудь, спина болятъ,
Какъ ходитъ голодъ по пятамъ,
Съ насмѣшкой здѣсь, съ обидой тамъ,
И слышать худшее изъ нихъ
Отъ самыхъ близкихъ, отъ родныхъ!—
Все это было такъ всегда,
Тутъ подвига нѣтъ и слѣда!

* * *

Но сохранить при этомъ всемъ
Весь умъ, сверкающій огнемъ,
И шаловливый тонъ рѣчей,
Правдивость сердца, блескъ очей;
Носить съ собой всегда привѣтъ,
Давать, умѣя дать, совѣтъ,
И не озлобиться, не клясть—
Вотъ это подвигъ, это власть!..
Я помню ясно, до сихъ поръ,
Ея правдивый разговоръ,

Высокій ростъ, красивый взглядъ,
Улыбку рта, движеній чинъ,
И косу черную до пятъ,
Съ жемчужнымъ отблескомъ сѣдинъ!.
О, еслибъ въ памяти моей
Такою оставаться ей?!

* * *

Я въ первый старшій курсъ вступилъ,
Въ тотъ памятный, недавній годъ,
Когда нашъ труженикъ-народъ
Впервые волю ощутилъ.
Тотъ годъ великимъ годомъ былъ!
Уже давно счастливый часъ
Носился въ воздухѣ у насъ,
И тяга воздуха была
Неудержима и тепла.
Какой-то мощный, тихій гулъ
Людскія груди встрепенулъ!
Какъ-бы ища пригодныхъ словъ,
Ходилъ кругомъ волшебный зовъ...
Онъ звалъ сюда. онъ звалъ туда,
То, пропадая безъ слѣда,
Обманывалъ,—то снова звалъ,
И подстрекалъ, и ободрялъ!
Въ почтенныхъ, старыхъ головахъ
Онъ подымалъ неясный страхъ...
А юность! Юность зацвѣла,
Всѣ корабли свои сожгла

И дерзко кинулась на бой
Съ разорванной, но тяжкой, тьмой!
И доносился въ школу къ намъ
Кипѣвшей жизни стукъ и гамъ...
Любой изъ насъ былъ мудрецомъ,
И чутки-жъ были мы тогда
Къ тому, что дѣлалось кругомъ,
Въ тѣ пресловутые года.

* * *

Я помню ясно эти дни:
Какъ были веселы они!
Зацвѣтшей мысли яркій свѣтъ,
И желчь, и злоба прежнихъ лѣтъ —
Мечты фантастовъ, блескъ умовъ,
Злорадный говоръ стариковъ, —
Мозаика, калейдоскопъ
Надеждъ, намѣреній и пробъ!
Я помню, какъ за долгимъ сномъ
Зашевелилось все кругомъ!
И только тамъ, на темномъ днѣ,
Жизнь шла спокойно, въ тишинѣ
Безмолвныхъ и глубокихъ водъ:
Тамъ, за работой вѣковой,
Необозримъ, подъ слоемъ слой,
Платилъ, молчалъ и ждалъ народъ...
Не обманулъ счастливый зовъ!
Стыдъ крѣпостническихъ оковъ
Былъ снятъ... а года черезъ три

Явились въ Польшѣ косари,
Былъ посланъ въ Вильну Муравьевъ...
А мы, товарищи, толпой,
Шли на экзаменъ выпускной...

* * *

Теперь, когда давнымъ-давно
Къ итогамъ все подведено,
Я сознаю, созналъ вполнѣ
Что̀ живо, что̀ мертво̀ во мнѣ!..
Вотъ этотъ помыслъ, тотъ порывъ,
Что былъ такъ трепетенъ, такъ живъ,—
Теперь какъ саваномъ обвитъ
Въ моемъ прошедшемъ мирно спитъ!
Ахъ, много савановъ такихъ
Скопляется въ сердцахъ людскихъ!
Отжившихъ чувствъ, поблекшихъ силъ,
Имѣвшихъ смыслъ въ свой данный срокъ,
Еще никто не воскресилъ,
Но и забыть никто не могъ...
Вотъ эта мысль—наоборотъ—
Сто разъ убитая—живетъ!
Не знаешь, какъ и почему
Является на зло уму
И съ окровавленнымъ челомъ,
Какъ призракъ Ба̀нко за столомъ,
Глядитъ, зрачковъ не шевеля,
Смущая взглядомъ короля!
Такъ мысль о матери! Забыть

Я порывался... извинить...
И знаю я, что мать была
Еще красива! Много лѣтъ
Кровь сдерживалась, какъ могла,
Но, наконецъ, свое взяла,
Погнавши чувство въ поздній цвѣтъ!
Преступнаго тутъ ничего
Не совершилось! Заурядъ
Бываетъ такъ! На старый ладъ
Пошло! Давъ дѣтямъ все сполна,
Была-же мать въ себѣ вольна!
Да, да! Но тайный голосъ мнѣ
Все шепчетъ о ея винѣ!
И между матерью и мной
Ея поступокъ сталъ стѣной;
И нашихъ душъ святая связь
Имъ навсегда разорвалась...

* * *

Былъ поздній лѣтней ночи часъ!
Ужъ не одинъ фонарь погасъ
На нашей улицѣ глухой,
Когда я шелъ къ себѣ домой.
Поднялся свѣжій вѣтерокъ,
Чуть видно заалѣлъ востокъ,
И тѣнь румяная слегка
Одѣла снизу облака,
И звѣзды стали исчезать...
Я началъ домъ нашъ отличать.

Вдругъ вижу—свѣтъ въ моемъ окнѣ!
Полоской яркой на стѣнѣ
Изъ щелей ставень онъ сквозилъ
И поперекъ двора свѣтилъ.
Какой тамъ свѣтъ? Зачѣмъ не спятъ?
Должно́—товарищи сидятъ?
И я по лѣстницѣ взбѣжалъ,
И у знакомой двери сталъ...
Какой-то голосъ мнѣ твердилъ,
Что часъ, который наступилъ,
Пройдетъ не даромъ! Что меня
Свѣтъ наступающаго дня
Не такъ, какъ прежде, освѣти́тъ,
Что въ этотъ часъ судьба вершитъ
Рѣшенье первое свое
И направляетъ бытіе!
А за дощатою стѣной
Я слышалъ голосъ мнѣ родной
Другой ей голосъ отвѣчалъ...
Его я только-что слыхалъ,
Быть-можетъ, съ часъ тому назадъ!
Зачѣмъ онъ тутъ? Зачѣмъ не спятъ?

* * *

Въ то время наша молодежь
Была судьбой увлечена...
Была неопытна она
И на себя точила ножъ.
Подъ говоръ всякихъ вожаковъ

По городамъ и деревнямъ
Роилось множество кружковъ
Съ программами и безъ программъ.
Являлись Овэны, Фурье́,
Гдѣ на словахъ, а гдѣ въ статьѣ...
Шла переписка. Завели
Переговоры тутъ и тамъ,
И книгоноши понесли
По школамъ и монастырямъ,
По ярмаркамъ и по полкамъ,
Съ псалтырью, съ житіемъ святыхъ
Творенья Бокля и другихъ.
Тогда, на горе наше взросъ
У насъ привислинскій вопросъ
И польскій ржондъ, вступая въ бой,
Сносился съ Русью молодой...
И съ нимъ давно въ сношеньяхъ былъ
Кружокъ, въ который я вступилъ.
И шелъ я въ этотъ часъ домой,
Спѣша̀ добраться поскорѣй,
Въ карманѣ сторожа рукой
Почти три тысячи рублей.
Ихъ удалось кружку собрать
Съ тѣмъ, чтобы въ Лондонъ отослать
«Въ защиту угнетенныхъ правъ»—
Мы исполняли свой уставъ,
И предсѣдатель внесъ въ совѣтъ
Друзьямъ изъ Лондона привѣтъ!..

* * *

Не знаю, постучалъ-ли я,
Но только помню, мать моя
Открыла дверь. Съ свѣчой въ рукѣ,
Въ едва накинутомъ платкѣ,
Съ косой распущенной, блѣдна,
Стояла предо мной она...
Меня вдругъ за̀ руку взяла
И въ комнату къ себѣ ввела,
Ни слова не сказавши. Тамъ
Стоялъ нашъ предсѣдатель самъ.
Ему я руку протянулъ.
Онъ какъ-то головой мотнулъ
И отвернулся.
— «Деньги дай»,
Сказала мать.
— «И уѣзжай,»—
Прибавилъ гость.—«Насъ обошли;
Доносъ изъ Лондона идетъ,
Оттуда насъ подстерегли—
Но, наша всетаки возьметъ!»
—«Какой доносъ, когда, кому?»
—«Дитя! И видно по всему!»—
Сказалъ нашъ гость!—«Ты словъ не трать;
Тамъ за границей будешь ждать.
Вотъ паспортъ. Имени въ немъ нѣтъ.
Впиши свое. Прими совѣтъ—
И уѣзжай на Динабургъ,
На Ригу; тамъ проѣздъ открытъ;

Вашъ многоумный Петербургъ
За той границей не слѣдитъ,
Не то что въ Польшѣ.»
—«Ну, а ты?
А всѣ другіе?»
—«То шуты!
Пускай спасутся, какъ хотятъ!
Намъ дѣло—въ дѣлѣ не телятъ
Спасать. Я къ завтрашнему дню
И видъ, и имя измѣню,
Уѣду, какъ не разъ ѣзжалъ,
До Вильно.»
—«Какъ-же ты узналъ?»
—«Да очень просто: заплатилъ.»
—«Зачѣмъ-же ты не объявилъ
Сейчасъ въ собраньи?»
—«Чтобъ спасти
Тебя, шальная голова,
И самому успѣть уйти:
Паспòртовъ было только два!
Я ѣду въ Польшу; знаю—ждутъ.
Тамъ наши деньги въ прокъ пойдутъ...
А что тебя я спасъ съ собой—
Благодари ты мать, другъ мой...»

* * *

Несчастья, люди говорятъ,
Всегда идутъ толпой, подъ-рядъ;
Не въ одиночку, а толпой

Идутъ. Такъ было и со мной.
На этомъ мѣстѣ дневника
Не слушаетъ меня рука,
Не пишетъ... будто бы свинцомъ
Налились пальцы и перомъ
Владѣть не могутъ... А глазамъ
Не буквы видны по строкамъ,—
Мать бѣдная моя видна!
Какъ отпечатана она
Живыми красками... глядитъ...
То неподвижна... то манитъ
Меня къ себѣ куда-то вдаль,
Гдѣ позабудется печаль
Глубокая—боль тѣхъ минутъ!
Вотъ, кажется, что мать ушла!
Посмотришь: нѣтъ, какъ прежде тутъ,
До ослѣпленія свѣтла...

* * *

О томъ, что здѣсь я, позабывъ,
Уйдя душой въ одинъ порывъ,
Мать быстро бросилась къ нему
И обняла, какъ-бы впилась...
Такъ, видно было по всему,
Не обнимаютъ въ первый разъ!
И, еслибъ въ томъ, какъ обняла,
Еще сомнѣнья тѣнь была—
То смыслъ ея немногихъ словъ
Снялъ съ правды весь ея покровъ.

Ему тогда сказала мать:
«Но ты вернешься-же опять,
Мой милый, будешь снова мой?..»

* * *

Въ могилахъ, кажется, покой?
И этотъ-то покой могилъ,
Живя, въ себѣ я ощутилъ.
Не помню, какъ я деньги далъ,
Чтò предсѣдатель мнѣ сказалъ,
Какъ вышелъ, руку мнѣ пожавъ,
И, кажется, облобызавъ...
Такъ, если срубятъ лѣсъ густой,
Вдругъ видъ откроется большой,
Котораго не ожидалъ,—
Такъ я всю правду увидалъ...
Что-жъ?! Онъ красивъ! Зачѣмъ-же нѣтъ?
Связь, значитъ? Болѣе трехъ лѣтъ
Подозрѣвать я могъ-бы, но
Я былъ ужъ самъ не свой давно...
Броженье мыслей, чадъ идей
Закрыли отъ моихъ очей
Дѣйствительность. И вдругъ она—
Скажу, какъ думалъ я—грязна
Предсталà! Свѣтлый идеалъ,
Который въ матери блисталъ,
Померкъ! Я не могу сказать,
Чѣмъ именно прельстилась мать?
Но не одною красотой,

И тутъ не случай былъ простой!
Почтенн'ѣй много разъ, чѣмъ онъ,
Въ то время матушку любилъ
Другой... Красивъ и этотъ былъ...
Нѣтъ! Смыслъ другой тутъ заключенъ:
Власть непровѣренныхъ идей
Губила въ эти дни людей;
Онѣ, прельщая новизной,
Вели особой колеей
Способной только сокрушать...
Погибла и бѣдняжка мать!
И память этого во мнѣ
Больное мѣсто!.. Въ тишинѣ
Души проклятый этотъ годъ
Съ зловѣщимъ грохотомъ встаетъ.

* * *

Остаться дома я не могъ —
И вотъ, ступилъ я за порогъ...
И жилъ отъ той поры одинъ...
Былъ перстень у меня; рубинъ
Богатый, очень дорогой;
Его я продалъ и съ собой
Въ далекую дорогу взялъ
Совсѣмъ разбитый идеалъ
И—сдержанность... Три дня пути
Не могъ я самъ въ себя придти;
И только Ригу миновавъ,
На палубу ногою ставъ,

Услышавъ рѣзкій звукъ цѣпей
Освобожденныхъ якорей,
Я грудью полною вздохнулъ
И, наконецъ, въ себя взглянулъ...
Свободныхъ волнъ унылый строй
Шуми и бейся за кормой!
Ты въ грудь мою прохладу лей—
Мнѣ въ холодъ будетъ веселѣй...
Буди мечтанія и сны
О счастьѣ брошенной страны!
Блескъ угасающей зари!—
Ты глубже въ душу мнѣ смотри—
Зари послѣдней, край родной,
При мнѣ горѣвшей надъ тобой...
Въ туманѣ синемъ и густомъ
Уходитъ холмъ вслѣдъ за холмомъ,
И то, чего въ вечерній часъ
Отъ плачущихъ, но зоркихъ. глазъ
Не можетъ разстоянье скрыть
То ночь старается затмить;
А то, чего ни даль, ни ночь
Не можетъ взять отъ зрѣнья прочь,
То затуманилось слезой...
Прощай, прощай, мой край родной!
Свободныхъ волнъ унылый строй,
Шуми и бейся за кормой!
Ты въ грудь мою прохладу лей,—
Мнѣ въ холодъ будетъ веселѣй...
Борьба за жизнь! Какъ ты страшна!

Какимъ позоромъ не грѣшна!
Ночь такъ темна... Погаснулъ свѣтъ,
И звѣздъ на небѣ вовсе нѣтъ!
Темны и западъ, и востокъ...
Столбъ дыма на воду налегъ,
Открыта топка у котла;
Она широко разожгла
Ряды натянутыхъ снастей
И мачту съ вымпеломъ на ней;
И съ шумомъ кормитъ кочегаръ
Плывущій по морю пожаръ...
О! Не одинъ-же этотъ свѣтъ
Свѣтить мнѣ будетъ столько лѣтъ?
Нѣтъ, память родины яснѣй
Небесныхъ и земныхъ огней.
И честный трудъ свое возьметъ,
И счастье всетаки придетъ...
Свободныхъ волнъ унылый строй,
Шуми и бейся за кормой!
Ты въ грудь мою прохладу лей,—
Мнѣ въ холодъ будетъ веселѣй...

II.

Привѣтъ, нѣмецкій городокъ!..
Какъ отъ Россіи ты далекъ!
И вотъ, ужъ болѣе двухъ лѣтъ
Шлю каждый день тебѣ привѣтъ...

Ты обласкалъ, ты пріютилъ;
Мой трудъ,—онъ до сихъ поръ кормилъ...
По паспорту—я дворянинъ;
Забавно было-бъ знать: чей сынъ?
Иванъ Петровъ!.. Иванъ Петровъ!..
Какая ширь у этихъ словъ!
Что хочешь думай! Ширина,
Какъ въ буквахъ алгебры, дана!
Но, будь я цифра, князь, какъ былъ—
Я-бъ отношенья измѣнилъ;
И Lischen, та, что такъ мила,
Совсѣмъ другою-бы была!
Не только князь, но просто «von»,
Здѣсь почитаньемъ окруженъ.
Въ такой каморкѣ жить, какъ я,
Не могутъ русскіе князья!
Люблю я паспортъ свой; къ нему
Привязанъ, Богъ вѣсть почему...
Онъ будто-бы какой-то гнетъ
Съ души и мысли прочь беретъ:
Тò съ княземъ было, не со мной!
Люблю я очень паспортъ мой!
Даю уроки по часамъ
Въ семействахъ многихъ русскихъ дамъ,
Отлично знаю языки—
И мнѣ уроки тѣ съ руки.
Еще я иначе могу,
Добыть мнѣ нужную деньгỳ:
Корреспондентомъ быть; писать

Въ Россію; но напоминать
Мнѣ будетъ... Этотъ родъ труда,
По мнѣ, не годенъ никуда:
Въ такомъ трудѣ душа замретъ,
А трудъ—онъ долженъ звать впередъ,
На дѣло! Надо выбрать путь
Куда-нибудь, за чѣмъ-нибудь!
Вѣдь я, который здѣсь сижу,
Я къ обществу не подхожу.
Тѣ всѣ у мѣста, у труда,
А я иду невѣсть куда.
Могу работать и хочу!
Какой мнѣ трудъ не по плечу?
Но гдѣ-же цѣль моя? Скажись!
Судьба, откройся, отзовись!

* * *

Читаю много и хожу
На лекціи. Но двухъ вещей,
Какъ ни ищу, какъ ни гляжу,
Усвоить не могу, ей-ей!
Во-первыхъ: не опредѣлить,
Какъ намъ къ Россіи примѣнить
Что̀ здѣсь усвоено вполнѣ?
А во-вторыхъ, сдается мнѣ—
По существу весь умъ людской
Какой-то ломаный, хромой!
Науки здѣшнія умны;
До пресыщенія полны,

Объѣлись множествомъ именъ,
Системъ всѣхъ красокъ, всѣхъ временъ.
Но, даже здѣсь, у нихъ въ дому,
На зло стараньямъ и уму,
Жизнь проявляетъ заурядъ
Свой органическій разладъ
Съ наукой! Глупо занимать,
Намъ русскимъ злую благодать
Такого знанья! Тутъ стези
Особыя!.. Онѣ чужды
Россіи! Плотные ряды
Мѣщанства ихъ, буржуазí,
Вступили въ вѣчный заговоръ
Сосать работника!.. Кто скоръ,
Да ловокъ, чтобы къ нимъ пройти,
Къ сосущимъ,—тотъ у нихъ и правъ!
Имѣй одно—спокойный нравъ!
И знай законные пути...
Нѣтъ! Отъ законности такой
Избави Богъ мой край родной!
Да и нельзя намъ приложить
Къ себѣ ихъ здѣшній способъ жить—
За тѣмъ что, къ счастью, tiers-états
У насъ пока одна мечта...

* * *

Ну, а второй-то выводъ мой—
Что хромъ и бѣденъ умъ людской—
Въ томъ убѣждаюсь все сильнѣй

На лучшихъ людяхъ нашихъ дней.
Смотрите, напримѣръ, Прудонъ,
Ужъ онъ-ли въ спорахъ не силенъ,
Онъ выше прочихъ головой
А признаетъ жену—рабой!..
А Либихъ? Химикъ хоть куда!
Казалось-бы, что въ немъ слѣда
Догматики не отыскать!—
Увы! Онъ вѣритъ въ благодать;
Въ созданьѣ «цѣли» отыскалъ
И въ поклоненье «Духу» впалъ!
Ну, а почтенный Жюль-Симонъ?—
Онъ тоже, двигаясь впередъ,
Свободы хочетъ безъ препонъ,
А между тѣмъ не признаетъ
Развода въ бракѣ! Жирарденъ
Толкуетъ, вотъ ужъ много лѣтъ,
На тотъ-же ладъ, безъ перемѣнъ.
Что, молъ, въ печати силы нѣтъ!
А чѣмъ доказываетъ онъ?—
Печатнымъ словомъ! А законъ
Дарвина? Выводъ изъ него—
Онъ озадачитъ хоть кого:
Намъ казни, видите-ль, нужны
Для улучшенія страны,
И что убійцу убивать—
Людскую расу улучшать!
И этотъ адресъ палачамъ,—
О ужасъ!—пишетъ Геккель самъ!

А въ прошломъ та-же чепуха:
Смѣсь діагноза и грѣха,
За правдой чистаго ума—
Ворчунья практика сама!
А Лютеръ, бьющій мужиковъ?
Кальвинъ въ густомъ чаду костровъ?
А другъ Вольтера и Дидро́,
Въ свободѣ видящій добро
И любящій живую рѣчь—
Онъ шлетъ сержантовъ бить и сѣчь!..
Нѣтъ! Что-то есть въ людскомъ умѣ,
Что долженъ онъ ходить во тьмѣ,
Слоняться вѣкъ свой ни при чемъ
Между Кабо̀шемъ и Христомъ!
И самъ я кое-что видалъ,
Умомъ и сердцемъ испыталъ,
И бьюсь, какъ рыба я объ ледъ,
И жду: что будетъ, что придетъ?

* *
*

Случился ясный, чудный день...
Надѣвши шапку на бекрень,
Я шелъ дорогою большой.
Рѣка съ гудѣвшею водой
На половодьѣ перешла
За край; прибрежье залила
И торопилась на просторъ
Уйти скорѣе прочь изъ горъ.
Мнѣ все хотѣлось вдаль идти...

Я зналъ, что въ трехъ часахъ пути
Аббатство старое стоитъ,
Въ которомъ, отыгравши роль,
Тиранъ въ душѣ, монахъ на видъ,
Живетъ развѣнчанный король.
А дальше, тоже въ трехъ часахъ,
Есть старый замокъ на скала̀хъ;
А ниже замка, надъ рѣкой,
Стоитъ трактирчикъ небольшой.
Къ нему гуляющій народъ,
Насѣвши въ утлый пароходъ,
Спѣшитъ, чтобъ вечеръ провести,
Чтобъ пѣсню спѣть, да погулять,
Поѣсть, попить, цвѣтовъ нарвать
И въ городокъ назадъ снести.

* * *

Не новы были для меня
Картинки солнечнаго дня.
Все мнѣ знакомые цвѣтки
Росли вдоль берега рѣки;
Спускаясь внизъ по крутизнамъ,
Я подбирался къ нимъ, срывалъ,
Разсматривалъ и прочь бросалъ...
По старымъ кленамъ и дубамъ
Цѣплялся хмѣль и плющъ всползалъ;
Носились бабочки вокругъ,
Которыхъ дома нѣтъ у насъ.
Я чувствовалъ, что это югъ!

Счастливый день, хорошій часъ!
Но любопытнѣй и новѣй,
Чѣмъ внѣшность края и людей,
Казалось мнѣ, въ концѣ пути,
На старый замокъ набрести.
Контрастъ былъ рѣзокъ и великъ!
Судьба, дѣйствительно, шутникъ:
Я—юноша, дитя страны
Не старой, я, лицомъ къ лицу,
Сойдусь съ остаткомъ старины,
Давно добравшейся къ концу.
И было ново для меня—
Не въ книгѣ, въ полномъ свѣтѣ дня,
Увидѣть, проходя пѣшкомъ,
Аббатство съ бѣглымъ королемъ!
Аббатствъ и бѣглыхъ королей
Я не встрѣчалъ въ странѣ своей...

* * *

Я весь въ мечтахъ о прошломъ былъ,
Когда къ аббатству подходилъ.
Живетъ-ли въ немъ, не вѣдалъ я,
Король или его семья?
Съ его судьбой я былъ знакомъ:
Браганцы стародавній домъ
Его родилъ на этотъ свѣтъ.
Авантюристъ и пустоцвѣтъ,
Едва подросъ, отца прогналъ
Съ престола и въ тюрьмѣ держалъ.

Но скоро долженъ былъ бѣжать,
И время въ Вѣнѣ коротать.
Дождавшись смерти короля,
На родину вернулся онъ,
Всѣхъ обманулъ и сѣлъ на тронъ...
Зачахла бѣдная земля...
Отъ праздниковъ и отъ охотъ
Въ конецъ измаялся народъ!
Чтобъ царскимъ не мѣшать пирамъ,
Подъ пѣнье клировъ по церквамъ,
Порой пускалась пытка въ ходъ...
И проходимцы всѣхъ сортовъ,
Отъ женщинъ вплоть до гайдуковъ,
Толпились нагло во дворцѣ
Передъ преступникомъ въ вѣнцѣ....

* * *

Всѣмъ сказкамъ—сказочный конецъ!
Король бѣжалъ вторично, въ Римъ.
Тамъ, въ святости непогрѣшимъ,
Его призрѣлъ святой отецъ.
Изгнанникъ ждалъ: вотъ позовутъ,
Попросятъ, средствъ ему дадутъ
Вернуться... Средствъ онъ не сыскалъ,
Народъ, конечно, не позвалъ,—
И переѣхалъ эксъ-король
Скрывать развѣнчанную голь
Въ Германію.... И онъ женатъ,
Онъ любитъ пиво и халатъ;

Семь дочерей при немъ, принцессъ,
Одна карета, два коня.
Онъ вѣритъ, говорятъ, въ прогрессъ,
Въ значенье завтрашняго дня.
Онъ въ нѣмцахъ изъ сосѣднихъ селъ
Себѣ поклонниковъ нашелъ,
И всѣ твердятъ о немъ вокругъ.
Что онъ примѣрнѣйшій супругъ...

* * *

И я къ воротамъ подошелъ.
Ворота настежь. Я обвелъ
Пытливымъ взглядомъ дворъ пустой,
Поросшій сорною травой.
Въ углу лежали жернова,
Виднѣлись тачки въ сторонѣ;
Конюшня; по ея стѣнѣ,
По щелямъ, выросла трава...
Подальше гнилъ какой-то срубъ;
А посрединѣ старый дубъ
Стоялъ, раскинутъ, какъ шатеръ;
Онъ вѣтви широко̀ простеръ,
И старый песъ, мохнатъ, чуть живъ,
Къ каменьямъ морду опустивъ,
Слѣпой, чуть двигая хвостомъ,
Подъ нимъ расхаживалъ кругомъ.
Аббатство—въ стилѣ рококо́.
Идутъ гребнями высоко̀
Остроконечные верхи...

Курчавый стиль, какъ онъ ни старъ,
Онъ сохранилъ свой прежній даръ
Смѣяться. Рѣзвые грѣхи
Маркизъ съ маркизами, ихъ смѣхъ,
Ихъ жизнь интриги и потѣхъ,
Игривость рѣчи, красота,
Вздоръ мысли, сердца пустота,
Скандальныхъ хроникъ злая быль—
Живутъ въ тебѣ, курчавый стиль!

* * *

И я внимательно смотрѣлъ
Кругомъ. Я разъяснить хотѣлъ:
Зачѣмъ аббатствомъ домъ зовутъ?
Гдѣ церковь, гдѣ монахи тутъ?
Какъ помирился Божій храмъ
Съ семьей амуровъ по стѣнамъ?
Тихонько я во дворъ вошелъ,
И дубъ высокій обошелъ,
И тамъ, за нимъ, я увидалъ
Большой, готическій порталъ,
Суровый, строгій, безъ прикрасъ,
Какъ исповѣдь въ предсмертный часъ,
Онъ заколоченный стоялъ.
И передъ нимъ, подъ сѣрымъ мхомъ,
Виднѣлось много плитъ кругомъ,
Съ изображеньемъ череповъ
И накрестъ сложенныхъ костей...
Какой насмѣшкою вѣковъ,

Какою логикой людей,
Пришлось согнать и въ кучу сбить
И на безсильѣ помирить:
И стиль маркизъ, и сорный дворъ,
И заколоченный порталъ,
Гробницы, короля безъ шпоръ?!
Слѣпого пса послать гулять,
Чтобъ всѣхъ ихъ, всѣхъ, не признавать,
И, наконецъ, имъ всѣмъ не въ ладъ,
Введя гротеску въ маскарадъ,
Весною, въ полномъ блескѣ дня,
Позвать въ свидѣтели—меня!

* * *

Вдругъ, сильно загремѣлъ запоръ,
Зашевелилась дверь въ стѣнѣ,
И по блестящей тишинѣ
Двора пронесся на просторъ
Звукъ колокольчиковъ. За нимъ
Пришли гуськомъ изъ-за угла
Большіе, сѣрые какъ дымъ,
Два величавые вола.
Я былъ попятиться готовъ...
Но, видно, удивилъ воловъ:
Они задумались идти
И стали. А за ними вслѣдъ
Шла дѣвочка лѣтъ десяти.
Короткой юбки красный цвѣтъ
Присталъ смуглянкѣ въ самый разъ,

И блескъ большихъ цыганскихъ глазъ
Рождалъ догадку, что она
Не блѣдной нѣмкой рождена.

* * *

Я подошелъ къ ней и спросилъ,
Чей этотъ домъ и кто-бъ тутъ жилъ?
Дѣвчонка вспыхнула огнемъ.
«Не знаете, чей это домъ?
Зачѣмъ-же вы вошли сюда?
Не любимъ васъ мы, господа...
«— Я пить хочу и я усталъ,
За молоко я-бъ денегъ далъ.»
«— Здѣсь не трактиръ. Подите прочь.»
«— Скажи, малютка, чья ты дочь?»
«— Чья дочь? А что за дѣло вамъ?»
Она отвѣта не дала
И, хлопнувъ ручкой по воламъ,
Ихъ за ворота погналá...
И, странно: чуть она прошла
И замеръ въ отдаленьѣ звукъ,
Когда я вновь взглянулъ вокругъ,—
Мнѣ показалось, что въ стѣнахъ
Былая жизнь пробуждена...
Что только прячется она,
И что, при первыхъ, теплыхъ дняхъ,
Заговорятъ, какъ встарь, легко
И раздушенный рококо
Устами пудренныхъ маркизъ,

И мрачный стиль сута̀нъ и ризъ,
Старушка готика; опять
Начнутъ кострами просвѣщать;
Надѣнетъ шпоры эксъ-король,
Своихъ драбантовъ соберетъ,—
Однихъ заставитъ, тѣхъ найметъ.
И очи, черныя какъ смоль,
Дѣвчонки будутъ роль играть,
Сверкать и жертвы выбирать...

* * *

И вышелъ я за ворота.
У придорожнаго креста
Ребенокъ съ парою воловъ,
Въ пунцовой юбочкѣ своей,
Спускался въ зелень камышей,
Высокихъ, жесткихъ тростниковъ.
Вдругъ изъ окошка надо мной,
Тамъ, гдѣ надъ старою стѣной
Балконъ фигурчатый висѣлъ,
Какой-то голосъ загремѣлъ...
И брань, на странномъ языкѣ,
Посыпалась дѣвчонкѣ вслѣдъ,
И на грозившей ей рукѣ
Виднѣлся блещущій браслетъ.
Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ,
Чтобъ разглядѣть: кто такъ суровъ?
И увидалъ я существо:
Ни званья, ни годовъ его,

Ни пола—я признать не могъ!
Меня замѣтивъ въ сторонѣ,—
Какъ-будто я его стерегъ,—
Онъ быстро спрятался въ окнѣ
И занавѣску заволокъ...
Изъ челядинцевъ кто-нибудь!
Подумалъ я, пустившись въ путь.

* * *

Часа четыре прошагавъ,
Въ трактиръ пришелъ, совсѣмъ уставъ.
Я не люблю сидѣть одинъ...
Смотрю: какой-то господинъ
Поникъ надъ пивомъ недвижимъ.
Какъ водится, сѣвъ на скамью
Къ столу, раскланялся я съ нимъ.
«Простите вольность мнѣ мою,
Что сѣлъ я подлѣ.»
«— Очень радъ,
Напротивъ.»
«— Пиво, говорятъ,
Здѣсь превосходное.»
«— О, да!
Въ немъ мутности нѣтъ и слѣда».
Я оглядѣлся. Въ блескѣ дня
Надъ головою у меня
Въ своемъ нарядѣ цвѣтовомъ,
Усыпаны, какъ серебромъ,
Стояли вишни, и земля

От облетѣвших лепестков
Казалась снѣжною. Вблизи,
Шагах в пяти, неслась рѣка;
А тучи, над строкой строка
Каких-то букв, в нѣмой связи,
Устав гулять, спустившись вниз,
Над горизонтом улеглись.
Трактир, с площадкой перед ним,
С цвѣтущим садиком своим
Был пуст. В нем двое было нас;
Такой тогда случился час...

* * *

В лѣтáх был собесѣдник мой,
С какой-то желтой сѣдиной.
Он очень разговорчив был.
Во мнѣ чужого отличил,
Разспрашивал о том, о сем,
И как в Россіи мы живем,
И правда-ли, что наш народ
Все в революціях живет?
Я, без сомнѣнья, отрицал.
«Ну да! Я этого и ждал:
Своей страны бранить нельзя.
Но революціи стезя
Ужасна. Всю Европу, вот,
Она, к кромѣшной тьмѣ ведет
И, откровенно говорю,
Я очень рад, что в гроб смотрю,

Довольно!»
«— Но зачѣмъ-же вамъ
Глядѣть такъ мрачно?»
«— По годамъ,
По опыту и по всему...»
Я началъ возражать ему:
Что только-что въ аббатствѣ былъ;
Что погасанье темныхъ силъ
Такихъ, какъ этотъ эксъ-король,
Совсѣмъ не безотрадный знакъ...
«Положимте, что это такъ,
Но радикалы? Что за голь
Души и мысли? Кто ползетъ
У нихъ впередъ? Какой народъ?
А ихъ наука? Создана
Чтобъ душу возмущать до дна,
Уничтожать, ломать, рубить,
И на крушеньѣ водрузить
Несокрушаемымъ божкомъ
Реторту, склянку съ колпакомъ!
Нѣтъ! Ихъ наукамъ не сыскать,
Какъ узелъ жизни развязать!
Его съ плеча рубили мы!
Они, какъ мы, рубить начнутъ...
Смотрите: скоро въ ходъ пойдутъ
Кинжалъ, составы сулемы
И вновь открытый динамитъ!..
Печальный, да! Печальный видъ!..
А дѣло просто между тѣмъ:

Въ насъ человѣкъ забытъ совсѣмъ!
Забытъ онъ ими, какъ забытъ
Былъ нами! Въ этомъ корень зла!
Но, еслибъ намъ да благодать,
Чтобъ пепелъ оплодотворять,
И пепелъ юнымъ бытіямъ
Могъ передать что видѣлъ самъ,—
Тогда, конечно, можетъ-быть,
Не безотрадно было-бъ жить...
Пророковъ новыхъ нужно намъ.
Рѣчь обращающихъ къ сердцамъ,
А не къ пытливому уму!..
Умъ—надо заключить въ тюрьму...»

* * *

И не замѣтить я не могъ,
Какъ горячился старичокъ:
Стучала по скамьѣ рука,
Подергивался ротъ слегка,
Глаза горѣли—и мертво
Сіялъ высокій лобъ его.
Лица пергаментный отливъ
Мнѣ сильно трупъ напоминалъ...
Нашъ разговоръ былъ быстръ и живъ.
Я очень рѣзко возражалъ.
И долго спорили съ нимъ мы.
«Свѣтъ,—говорилъ онъ,—родъ тюрьмы.»
Я отвѣчалъ: что, если да—
То старыхъ тюрьмъ, гдѣ пытки шли,

Четвертовали, гнули, жгли—
Теперь не видно и слѣда.
«Позвольте,—вдругъ старикъ спросилъ,—
Узнать, однако, съ кѣмъ-же я
Имѣю честь теперь сидѣть?
Вы служите?»
— «Нѣтъ».
— «Вы—купецъ,
Помѣщикъ?»
— «Нѣтъ...»
— «Такъ фабрикантъ,
А, можетъ-быть, какой талантъ,
Художникъ? Кто-жъ вы, наконецъ?»
И вотъ: нашъ отвлеченный споръ
Вопросъ поставилъ мнѣ въ упоръ.
Кто я? Да кто-же я такой?
Гдѣ въ жизни камень угловой?
Что сдѣлалъ я? Что дѣлать мнѣ?
«Но, можетъ-быть, у васъ въ странѣ
Занятья есть, какихъ здѣсь нѣтъ?
Вы, тамъ, совсѣмъ особый свѣтъ.
Но, знаете,—сказалъ старикъ,—
Я въ жизни ко всему привыкъ,
А еслибъ вздумалъ кто спросить:
Послушай,—чѣмъ ты хочешь быть?»
—«Да, чѣмъ?»—невольно вскрикнулъ я.
И онъ, взявъ за руку меня,
Сказалъ: «Лишь на одномъ пути
Вы счастье можете найти:

Ходить за плугомъ, на косьбѣ,
Въ деревнѣ! Тамъ вы царь себѣ.
Кусокъ земли, какъ онъ ни малъ,
Онъ вашъ, его Господь вамъ далъ.
И какъ взгляну я, господа,
На тѣхъ, что любятъ города,
И жмутся сотнями пройти
По очень узкому пути;
По банкамъ, въ счетчикахъ, въ писцахъ,
По министеріямъ, въ судахъ,
Лгутъ за награду, за хулу,
И сами лѣзутъ въ кабалу!
Тотъ искалѣченъ, тотъ разбитъ...
А путь широкій всѣмъ открытъ:
Пошелъ-бы хоть десятый имъ—
Свободнѣй было-бъ остальнымъ...
Читалъ я книжечку про васъ
Одну: «Russie sous Nicolas»
Par Golovine... Сильнѣй, чѣмъ гдѣ,
У васъ, въ чиновничьемъ гнѣздѣ,
Должны плодиться каждый часъ
Тьмы недовольныхъ, злыхъ умовъ,
Судебъ разбитыхъ, мрачныхъ лицъ,
И самолюбій безъ границъ,
И неисполнившихся сновъ!
Но болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь,
У васъ открытъ широкій путь:
Манятъ лѣса, зовутъ поля
И ждетъ работника земля!»

* * *

Не замѣчали мы совсѣмъ,
Какъ вечерѣло между тѣмъ.
Дождь сталъ накрапывать, и вдругъ
Смотрю: подходитъ къ намъ гайдукъ
Въ весьма потертыхъ галунахъ,
Со старой шляпою въ рукахъ.
Отвѣсилъ низкій онъ поклонъ,
Заговорилъ... Да, это онъ,
Тотъ, тотъ языкъ, что я слыхалъ
Тамъ, изъ окна! А гдѣ-жъ браслетъ?
Вонъ онъ, на гайдукѣ надѣтъ!
Трактирщикъ подходить къ намъ сталъ,
И, давши старику отвѣтъ,
Онъ, къ слову, «Majestät», сказалъ!
Какъ! Эксъ-король! Сомнѣнья нѣтъ!
А я-то, что я говорилъ?
За что̀ такъ грубо оскорбилъ?
Какое право я имѣлъ?!
Сбитъ съ толку, мо̀лча я смотрѣлъ,
Молчалъ... Онъ руку протянулъ
И головою мнѣ кивнулъ.
И скоро услыхалъ я стукъ
Кареты. Вижу: два коня
Бѣгутъ, и тотъ-же сѣлъ гайдукъ
На козлы... Странный случай дня
Былъ важенъ въ жизни для меня.

III.

Донецъ—прекрасная рѣка!
Мѣстами очень глубока,
Она, какъ безконечный змѣй,
Свободно вьется вдоль степей.
Изгибы крýты, велики!
Отъ этой и до той луки
Нѣтъ и версты, идя пѣшкомъ;
А проплывите-ка Донцомъ—
Четыре выйдетъ!—Вотъ рѣка!
Часть луговая вся низка;
Нагорная гребнёмъ стоитъ.
Весь гребень балками изрытъ;
Идетъ дорога по гребню...
Умѣнье надобно коню
Почтовому ихъ обѣжать;
Ямщикъ, чуть спитъ, иль подъ хмѣлькомъ—
Повозкѣ въ дребезгахъ лежать,
Слетѣвши въ балку кувыркомъ...
Склоняясь съ берéга къ волнѣ
Растетъ ивнякъ; онъ по веснѣ
Погонъ даетъ, чуть не въ сажень!
Не счесть богатыхъ деревень,
И много хлѣбнаго добра
Хранятъ на клуняхъ хутора.
Тамъ Святогорскій монастырь,
Весь въ зелени лѣсовъ густыхъ,
Глядитъ съ утесовъ мѣловыхъ,

Любуясь на большую ширь.
На югъ, верстъ тридцать отъ него,
Славянскъ тамъ городокъ стоитъ—
Лѣченьемъ солью знаменитъ.
Подальше, сорокъ верстъ всего,
Рядъ очень людныхъ селъ идетъ;
Зовутъ ихъ нумерами ротъ;
Такъ: третья, пятая... Они
Явились тутъ въ былые дни.
Здѣсь сербовъ вздумали селить;
По именамъ ихъ отличить
Не трудно: всѣ они на «вичъ».
Я до сихъ поръ не могъ постичь
Какъ это, меньше чѣмъ въ сто лѣтъ,
Совсѣмъ пропалъ тѣхъ сербовъ слѣдъ?
Вошли въ народъ нашъ цѣликомъ,—
Вошли и—потонули въ немъ.

* * *

Донецъ богатства бережетъ!
Каменноугольной страной
Несутся волны мутныхъ водъ.
И что̀ за уголь, блескъ какой!
Тому, кто ѣдетъ надъ Донцомъ,
Десятки шахтъ видны̀ кругомъ,
И между нихъ, какъ великанъ,
Одѣтъ въ крапиву и бурьянъ,
Давно заброшенный встаетъ
Казной построенный заводъ.

Громадный, каменный колоссъ—
Большая доменная печь!
Онъ мохомъ и травой обросъ;
Года стараются облечь
Его забвеньемъ, но стоитъ
Колоссъ печальный! Странный видъ!
Роскошнѣй кладки въ свѣтѣ нѣтъ!
Машины—чудо красоты!
Мостъ съ непомѣрной высоты
Глядитъ отъ домны; много лѣтъ
Пройдетъ, пока ихъ разнесетъ,
Изгложетъ времени полетъ!
Потрачены мильоны тутъ
Рѣшеньемъ нѣсколькихъ минутъ:
Поставить печь для плавки рудъ
Въ странѣ, гдѣ вовсе нѣтъ руды!
Заводъ тотъ—Лисичанскъ зовутъ.
То горныхъ инженеровъ трудъ, —
Гражданскихъ доблестей слѣды.
Назвать я могъ-бы имена!
Всѣ живы... Бо̀гъ съ ними!.. Волна,
Не уставая подмывать,
Спокойно гложетъ берегъ. Сна
Глубокаго ей не согнать...
Да, долженъ я еще сказать,
Что тутъ-же стройный пароходъ
Привязанъ къ берегу гніетъ...
Онъ долженъ былъ чугунъ возить, —
Теперь не знаютъ, какъ съ нимъ быть!

* * *

Вотъ тутъ-то, подлѣ мѣстъ такихъ
Я поселился. Отъ родныхъ—
Иванъ Петровъ—отрекся я.
Не то, чтобъ вся моя семья
Была негодной,—вовсе нѣтъ!
Изъ нихъ я многимъ шлю привѣтъ
Безмолвный. Честные дѣльцы
Есть между ними; какъ отцы—
Такъ дѣти. Но моя судьба
Была визглива, какъ арба
Татарская! Чтобы найти
Себѣ открытые пути,
Я долженъ былъ съ родней порвать...
Не знаю, умерла-ли мать,
И знать объ этомъ не хочу...
Мнѣ гербъ мой сталъ не по плечу!
Будь я съ родней—я-бы страдалъ...
Теперь я человѣкомъ сталъ,
Но изъ родни своей—исчезъ...
«Должно-быть, въ пропаганду влѣзъ!
А, можетъ, умеръ? Про него
Никто не знаетъ ничего»...
А я—я живъ... Вполнѣ богатъ
Тѣмъ, что не первый годъ женатъ,
Имѣю маленькихъ дѣтей.
Живу безъ выспреннихъ затѣй.
Мой хуторъ новъ. Я самъ пашу,
Зимой, въ морозъ, тулупъ ношу...

И еслибъ... если-бы не страхъ
За нѣчто... еслибъ толкъ въ правахъ,
Да еслибъ очертить яснѣй
Зависимость отъ тѣхъ людей,
Съ которыми ведешь дѣла—
Моя-бы жизнь была свѣтла!
Да и порой досадно мнѣ
Слѣдить въ газетной болтовнѣ,
Какъ нынче люди задались
Постройкой жизни сверху внизъ,
И въ кладку вмѣсто кирпичей
Суютъ намъ мыльныхъ пузырей!
Нашъ становой, второй ужъ годъ,
Меня «кирпичикомъ» зоветъ,
Онъ назвалъ такъ меня съ тѣхъ поръ,
Когда мы съ нимъ имѣли споръ...
Онъ изъ студентовъ, но шальной!
Изъ выписанныхъ нынче мной
Изданій—какъ ему не грѣхъ!—
Онъ любитъ «Дѣло» больше всѣхъ...

* * *

Я занесу когда-нибудь
Въ дневникъ весь мой дальнѣйшій путь—
Какъ разговоръ экс-короля,
Какъ самъ Донъ-Мигель повліялъ
На то, что, русская земля,
Тебѣ работника я далъ!
Три года деньги я копилъ

Уроками. Два года жилъ
На фермахъ у саксонцевъ. Самъ
Рубилъ и чистилъ по лѣсамъ,
Косилъ, мололъ, пилилъ, пахалъ,
Вола и лошадь изучалъ.
Въ сознаньѣ прочномъ и простомъ
Съ свѣтло намѣченнымъ путемъ;
Съ увѣренностью, что могу,
Хочу дойти; что я не лгу
Въ задачѣ; что она честна̀,
Что я вернусь къ тебѣ, страна
Родимая,—числа годовъ
Не замѣчалъ я, не считалъ!
О, сколько разъ я засыпалъ
Близъ утомившихся воловъ
Мгновеннымъ сномъ безъ всякихъ сновъ!
Что волъ мой надо мной жевалъ,
Что крапалъ дождь, что подо мной
Былъ не тюфякъ волосяной—
Земля! Что полусытъ я былъ,
Что рукъ не мылъ... Подобный бытъ
Не всѣхъ, конечно, приманитъ
Къ себѣ. Всегда неряшливъ трудъ,
Брезгливость невозможна тутъ,
И не у мѣста средь полей
Ни парфюмеръ, ни брадобрѣй...

* *
*

Пять лѣтъ промчались нипочемъ..
Я не былъ въ дѣлѣ новичкомъ.

Я много талеровъ скопилъ,
И, пораздумавши, рѣшилъ:
Купить себѣ клочокъ земли
Тамъ, дальше гдѣ-нибудь, къ степямъ,
Къ казачеству, къ большимъ рѣкамъ;
Гдѣ вырастаютъ ковыли
На цѣлинàхъ, которыхъ плугъ
Не тронулъ; гдѣ свѣтлѣетъ югъ.
Еще при князѣ, при отцѣ,
Не разъ слыхалъ я о Донцѣ.
Туда!.. Я ясно сознавалъ,
Что мнѣ мытàрство суждено;
Паспортъ просроченъ былъ давно!
Придется лгать! Я въ жизнь не лгалъ,
Но, будь что будетъ—все равно,—
Мой срокъ изгнанья миновалъ.

* * *

Я не скажу, чтобъ первый шагъ
На родину былъ очень простъ:
Меня пріялъ жандармскій постъ!
Какъ подозрительный, какъ врагъ,
Отъ головы моей до ногъ
Оглянутъ былъ я. Мнѣ сказалъ
Поручикъ съ золотымъ pince-nez:
«У насъ обычай очень строгъ;
Гостили вы въ чужой странѣ
Такъ долго, что хочу просить
Васъ тутъ немного погостить,

Дать время справки навести.»
— «А долго-ли мнѣ нужно ждать?»
—«Отвѣтъ придетъ часамъ къ пяти;
Въ шесть скорый поѣздъ отойдетъ.»
— «Прекрасно, я останусь. Но
За что-же мнѣ такой почетъ?
И, если не запрещено,
Благоволите разсказать.»
— «Гмъ!.. Я-бы долженъ былъ молчать...
«Но, такъ и быть, скажу: Петровъ,
Иванъ, есть въ спискѣ у меня;
Внесенъ въ него всего три дня;
Его мы ждемъ.»
— «Кто-жъ онъ таковъ,
Вашъ, этотъ, господинъ Петровъ?»
— «Не знаю.»
— «Что-же ждетъ его?
Арестъ?»
— «Не знаю ничего.»

* * *

По правдѣ, я давно отвыкъ
Отъ встрѣчъ такихъ. Родной языкъ
Мнѣ какъ-то странно зазвучалъ;
И хоть поручикъ голубой
Былъ вѣжливъ, мягокъ, не серчалъ
И хорошо владѣлъ собой,—
Но этотъ мягкій тонъ его
Напоминалъ скорѣй всего

Ту деликатность, тотъ покой,
Съ которыми, напрягши взглядъ,
Сѣдой профессоръ анатомъ,
Прелестно дѣйствуя ножомъ,
Готовитъ трупъ на аппаратъ,
Боясь рвануть, боясь задѣть
Едва замѣтныхъ нервовъ сѣть...
Въ груди моей, на глубинѣ
Большой, сказалась желчь во мнѣ!
Сквозь толстый слой прожитыхъ лѣтъ
Приподнялась! Какъ-бы какой
Кличъ запоздалый, не живой;
Какъ эхо прежнихъ голосовъ;
Какъ-бы проснувшееся вдругъ
Ауканье среди лѣсовъ;
Забытый, схороненный звукъ,
Вдругъ оказавшійся въ живыхъ—
Возникло прошлое! Тоска
Знакомая сказалась въ нихъ;
Богъ знаетъ чѣмъ исподтишка
Питалась... Я о ней забылъ;
Мнѣ думалось, что пережилъ
Ее! И вотъ она опять
Готова сердце растравлять...
Подъ гнетомъ мощнымъ и тупымъ
Я чувствовалъ, что сталъ другимъ,
Тѣмъ, прежнимъ... Какъ тогда мечтать,
Скорбѣть и думать начиналъ,
Какъ будто-бы опять стоялъ

Въ давно забытой старинѣ,
Въ быломъ! И показалось мнѣ,
Что у поручика черты
Лица знакомыя! Быстрѣй,
Чѣмъ вьются искры и хвосты
У фейерверочныхъ огней,
Скользнули въ памяти моей
Десятки позабытыхъ лицъ
Товарищей... Передо мной,
Надъ списками склонившись ницъ,
Сидѣлъ, въ одеждѣ голубой,
Одинъ изъ нихъ... Узналъ-ли онъ
Меня, какъ я его узналъ?!
Я, видимо, его стѣснялъ...
Отвѣтъ былъ скоро получонъ.
За поѣздомъ, въ его дыму
Товарищъ скрылся... Миръ ему!..

* * *

Какъ гибнутъ облака порой
Тамъ, гдѣ-то, въ нѣдрахъ золотыхъ
И небо ясной глубиной
Тихонько всасываетъ ихъ;
Какъ замираетъ грустный слѣдъ
Разлуки послѣ долгихъ лѣтъ,
Уйдя въ объятье, въ поцѣлуй;
Какъ гибнетъ зыбь отдѣльныхъ струй
Въ ихъ поднимающей волнѣ;

Какъ остается бѣлъ вполнѣ
Лучъ солнца—красокъ безъ числа
Въ немъ не замѣтно—такъ ушла
И эта встрѣча съ голубымъ
Товарищемъ... Клубился дымъ
То съ той, то съ этой стороны;
Какъ въ рамочкахъ мелькали въ немъ,
Темнѣя съ погасавшимъ днемъ,
Наброски, очерки страны.
Вдоль нумерованныхъ столбовъ
Бѣжали въ нѣсколько рядовъ,
Изгибы проволокъ. Число
Ихъ очень сильно возросло,
Какъ вспомнилъ я, съ былымъ сравнивъ.
Жизнь, значитъ, всетаки здѣсь шла!
Когда-же ночь насъ обняла,
И началъ нашъ локомотивъ,
Посвистывая, изъ жерла
Кидаться искрами—пной
Я вспомнилъ часъ въ странѣ родной...
Такая-жъ темнота была,
Такой-же разжигалъ пожаръ
Кормившій печку кочегаръ;
Блистали въ немъ ряды снастей—
Какъ блещетъ проволока тутъ,
Какъ блещутъ полосы путей—
Но гдѣ-же ужасъ тѣхъ минутъ?
Хоть тотъ-же грохотъ подо мной —
Но я-то человѣкъ иной...

* * *

Какъ купчую я совершилъ,
Какъ водворился я и жилъ—
Не любопытно. Мнѣ помогъ
И случай. Я съ землей моей
Всего за нѣсколько рублей
Купилъ большой, болотный логъ.
Канавку я къ Донцу прорылъ;
Мой логъ сталъ лугомъ! Окупилъ
Въ три первыхъ года весь расходъ.
Великимъ было торжествомъ,
Когда мой логъ, поросшій мхомъ,
Отъ ржавыхъ и загнившихъ водъ
Освобождаясь—оживалъ!
То былъ счастливѣйшій починъ!
На сколько уровень спадалъ
Воды—мельчала глубь трясинъ;
Все меньше, все слабѣй сочась
Твердѣла почва, крѣпла связь;
Подсохли кочки и бугры,
Какъ сыпь, исчезли. Бурый мохъ,
Плодившійся до той поры,
Онъ тоже измельчалъ, подсохъ;
На смѣну аира, хвощей,
Вслѣдъ за болотомъ, по пятамъ,
Гдѣ отъ сѣмянъ, гдѣ отъ корней,
Лугъ надвигался тутъ и тамъ...
И, развернувшись какъ коверъ,
Тихонько занялъ косогоръ!

* * *

И не забыть мнѣ, не забыть,
Какъ, въ первый разъ начавъ косить,
Промаявшись весь день-деньской,
Собравши сѣно на ночь въ стогъ,
Уславъ работника домой,
Съ косой притупленной у ногъ,
Я утомившійся стоялъ
Въ своемъ владѣньѣ одинокъ!
Поднялся паръ, закатъ пылалъ...
Тамъ, гдѣ не срѣзала коса
Травы—какъ-будто полоса
Живого бархата, она
Торчала, чуть наклонена
Подъ тяготой своихъ цвѣтовъ,
Всѣхъ величинъ, всѣхъ колеровъ.
Поднявшись всюду изъ земли,
Желтоголовники цвѣли;
Въ ихъ яркихъ шарикахъ покосъ
Сіялъ, какъ поле желтыхъ розъ...
Да, думалъ я, вотъ я достигъ
Чего хотѣлъ! Вотъ новый путь
Проложенъ тамъ, гдѣ росъ тростникъ;
И ободъ колеса проникъ
Туда, гдѣ лошадь потонуть
Могла-бы, года три назадъ!
Но отчего-же я не радъ?!.
Одинъ я... Некому взглянуть...
Полюбоваться... какъ-нибудь

Сказать: спасибо... кто-бы могъ
Сочувствовать и подлѣ быть...
Ну, словомъ—кто-бы могъ любить!
Сыскалъ я славную жену,
Сиротку бѣдную одну;
Она въ семьѣ попа взросла:
Изъ «воспитательныхъ» была...
И любопытно было-бъ мнѣ
Знать: съ кѣмъ я состою въ роднѣ?
Кто тесть? Кто теща? Изъ какихъ:
Изъ малыхъ, или изъ большихъ?
Жена явилась двойникомъ
По родословной съ муженькомъ...
Но я совсѣмъ не удивлюсь,
Что минусъ дастъ на минусъ—плюсъ!

* * *

Случайно прошлою весной
На родинѣ моей я былъ;
Безмолвію семи могилъ
Я поклонился! Домъ родной
Въ амбаръ какой-то обращенъ;
Отвсюду заколоченъ онъ...
Посохли, спущены пруды;
Исчезли самые слѣды
Оранжерей... Но черноземъ
По-прежнему лежитъ кругомъ;
Какъ прежде, ходитъ хороводъ
И, вслѣдъ за уходящимъ днемъ,

Все тѣ-же пѣсенки поетъ...
Какъ встарь, подсолнечникъ цвѣтетъ,
Слышны въ поляхъ перепела!
И точно такъ-же, какъ тогда,
Въ тѣ очень дальніе года,—
Ихъ дудочка къ сѣтямъ звала...
Да, дудочка пережила
Нашъ древній захудалый родъ...
Впередъ, Иванъ Петровъ, впередъ!
Вотъ скоро выборы придутъ,—
Должно-быть, гласнымъ изберутъ...
Я, думаю, что буду знать,
Къ кому, когда и въ чемъ пристать!
Пишу, вотъ, а совсѣмъ забылъ:
Конямъ овса не подложилъ!
Пойду... оставлю... не прочтетъ
Моя красавица жена;
Устала... крѣпко спитъ она.
Мальчишки тоже спятъ. Заря
Совсѣмъ погасла... Серебря
Донца спокойную волну,
Плыветъ луна... Люблю луну!..

БЕЗЪ ИМЕНИ.

(ВРЕМЕНИ КРѢПОСНОГО ПРАВА.)

(М. А. Загуляеву.)

I.

Блеснувши чудомъ на шумящемъ рынкѣ
Красивыхъ женщинъ,—ты взяла умомъ.
Явилась въ платьѣ бѣдномъ и въ косынкѣ,
А черезъ годъ былъ бархатъ нипочемъ!

Все, что судьба разсудитъ дать порою
Отдѣльно, частью, той или другой,
Чтобы царить надъ влюбчивой толпою,—
Тебѣ далось нескудною рукой.

Никто, какъ ты, не пѣлъ такъ сладкозвучно;
Твой смѣхъ—былъ смѣхъ; умъ искрился всегда;
Не знала ты, что значитъ слово: скучно,
Ты шла, какъ въ руслѣ свѣтлая вода.

Такимъ, какъ ты, стоятъ высоко цѣны!
Тебѣ бы мѣсто статуею въ паркъ,
Хоть-бы въ хитонъ красавицы Елены,
Хоть въ мѣдный панцырь Іоанны д'Аркъ!

Когда-бы ты нежданно проступила
Въ кругу законныхъ женъ и матерей,

Какъ свѣтъ небесный, ты бы вдругъ затмила
Спокойный свѣтъ лампадочныхъ огней!

Тебя онѣ лишь изрѣдка встрѣчали,
Понять тебя, конечно, не могли,
Лишь кое-что украдкою слыхали
И приговоръ давно произнесли...

* * *

Ты въ двадцать лѣтъ могла-бы стать предметомъ
Любовныхъ хроникъ разной новизны...
Въ день именинъ — онъ чтится полусвѣтомъ —
Тобой на пиръ друзья приглашены.

Они всѣ тутъ, и большинство—богатыхъ;
Спустилась ночь, друзья—на-веселѣ.
Забавнѣй прочихъ парочка женатыхъ:
Они сидятъ съ ногами на столѣ!

Красивыхъ женщинъ цѣнные наряды
На-половину цѣли лишены...
Веселыхъ пѣсенъ звучныя тирады
Давно въ движеньяхъ всѣ пояснены...

Вотъ и заря румянитъ стекла оконъ!
Все на распашку, чувства напоказъ,
Но ни одинъ неловкій, глупый локонъ,
Упавши на полъ, не печалилъ глазъ!

И нп одна красивая шнуровка
Не подавала права говорить:
«Вѣдь тутъ корсетъ—не тѣло: лжешь, плутовка!
Корсетовъ всякихъ можно накупить!»

* * *

Одинъ князекъ, ея послѣдній нумеръ,
Хозяинъ пира, шутки вызывалъ:
«Гмъ, милый князь! Вѣдь ты съ обѣда умеръ!
Зарокъ быть умнымъ старой теткѣ далъ!

Но ни условья съ теткой, ни зарока
На самомъ дѣлѣ не было совсѣмъ.
А щеки блѣдны и тревожно око:
Онъ ждетъ чего-то, сумраченъ и нѣмъ!

Ему обидно такъ и такъ ужасно ясно:
Любовь идетъ наперекоръ уму...
Онъ съ ней живетъ, онъ съ нею ежечасно...
Чего, чего недостаетъ ему?..

Тому давно, въ деревнѣ позабытой,
Онъ съ ней, дитёй, въ дому отца игралъ.
Еще тогда, какъ къ почкѣ чуть открытой,
Приливъ любви неясно подступалъ...

Барчукъ поилъ ее, дѣвчонку, чаемъ,
Онъ былъ защитникомъ и отводилъ толчки;
А ей казался онъ недосягаемъ:
Такими въ сказкахъ кажутся царьки.

Прошли года! Пути опредѣлились!
Совсѣмъ случайно странная судьба
Свела обоихъ... Встрѣтились... слюбились..
Князекъ-барчукъ и бывшая раба!

* * *

И пиръ идетъ. Съ хозяйкою въ сторонкѣ
Старѣйшій гость усѣлся, развалясь...
«Пусть ихъ шумятъ и приступаютъ къ жжонкѣ!
Скажи, хозяйка, про́чна-ль ваша связь?

«Что̀ платитъ онъ тебѣ? Я выдамъ вдвое!»
—«Нѣтъ, не хочу...»—«Ну, вотъ пакетъ, смотри:
Тутъ сорокъ тысячъ... Море разливное!..
Срокъ—пять минутъ! Подумай и бери...»

И пять минутъ прошло... Слегка шатаясь,
Гость подошелъ къ хозяину тогда:
«Я проигралъ! Возьми пакетъ... Квитаюсь...
Вотъ дѣло въ чемъ! Вотъ чудо, господа!..»

Гость разсказалъ. Всѣ громко завопили...
Пари большое! Дерзко и смѣшно!
«Какія деньги!.. И онѣ тутъ были...
Не взять такихъ—совсѣмъ, совсѣмъ смѣшно...»

А онъ былъ счастливъ и, не замѣчая,
Какія шли сужденья о пари,
Ласкалъ ее, безмолвно обнимая,
Сіяя въ свѣтѣ пламенной зари!

II.

А ну-ка! Киньте камнемъ, кто посмѣетъ!?..
Не спроситъ васъ летучее зерно,

Гдѣ пасть ему и какъ оно созрѣетъ?
И, наконецъ, созрѣетъ-ли оно!?

Прошли три года. Далеко, не близко,
Въ чужой странѣ и на чужихъ людяхъ
Они спокойно жили, но безъ риска
Воспоминаній о прошедшихъ дняхъ.

«Когда-же свадьба?»—спроситъ онъ, бывало.
Она въ отвѣтъ твердила все одно:
«Я вся твоя! Мой милый! Или мало!
Но свадьбѣ нашей быть не суждено.

«Я такъ люблю! Къ тебѣ благоговѣю;
Что, еслибъ мнѣ пришлось къ женѣ твоей
Пойти въ прислужницы—о, я была-бы ею
И стерегла-бы сонъ твоихъ ночей!

«Но свадьбы не хочу! Я въ этомъ, видишь,
Совсѣмъ крѣпка остаткомъ силъ своихъ...
Прикажешь, развѣ?! Нѣтъ, ты не обидишь...
Я помню стыдъ прошедшихъ дней моихъ...»

* * *

И онъ любилъ любовью молчаливой;
Упреки скучные и, даже, злость порой
Въ ея любви глубоко терпѣливой
Погасли всѣ, какъ искры подъ водой.

День ото дня сердца полнѣй сживались;
Разладамъ мелкимъ не было причинъ;

Они ничѣмъ, ничѣмъ не обязались,
Исчезли въ нихъ раба и господинъ.

Въ немъ, для нея, безспорно, воплотился
Царекъ изъ сказки, тотъ, что иногда
Ей, окруженный пестрой дворней, снился,
Богатый—и не любящій труда!

Въ ней, для него, какъ-будто воскресала,
Какъ-бы въ чаду заговоренныхъ травъ,
И, возвращаясь, ярко проступала
Былая сладость безграничныхъ правъ...

И возвращалась съ тою красотою,
Такъ просто, ясно, въ очеркѣ такомъ,—
Что обвѣвала дѣтствомъ и весною:
Онъ оживалъ въ воскреснувшемъ быломъ.

Кружокъ друзей былъ малъ. Но суть не въ этомъ:
Онъ состоялъ изъ родственныхъ людей,
Онъ состоялъ изъ оглашенныхъ свѣтомъ,
Во имя тѣхъ или другихъ идей.

Съ чужими трудно было обращенье,
Не то что страхъ, но и не то что стыдъ,—
А робость всякаго, большого уклоненья,
Пока оно не смѣетъ стать на видъ!

Такихъ кружковъ живетъ теперь не мало:
Ихъ жизни проще, выгоднѣй, складнѣй...
Они растутъ въ болѣзни идеала
Законныхъ браковъ нашихъ скучныхъ дней...

III.

И счастье ихъ предѣловъ-бы не знало,
Свершалось въ скромной, радостной тишѝ,
Когда-бы память въ ней не оскорбляла
Перерожденной за́ново души!

Чѣмъ больше въ немъ являлось обожанья,
Усталый духъ былъ счастливъ забытьемъ,
Тѣмъ рѣзче въ ней, на глубинѣ сознанья,
Боролись мысли съ прошлымъ бытіемъ!

Она сильнѣй задумываться стала,
Но цѣловала рѣзче, горячѣй,
И, что ни день, то краска щекъ спадала,
Но разгорался нервный блескъ очей...

А онъ! Ничуть того не замѣчая,
Что перемѣна въ ней произошла,
Былъ радъ душой, узнавъ, что дорогая
Она, она—ребенка зачалà!

И онъ считалъ одну причину только,
Что кашель есть, сильнѣе худоба,
И, не тревожась за нее нисколько,
Мечталъ о томъ, чтобъ дочь дала судьба!

И вотъ, пока ему жилось прекрасно,
Въ ней, какъ-то вдругъ, неумолимо зла
Чахотка горла развилась опасно
И въ ранній гробъ стремительно влекла!

Чѣмъ ближе смерть къ болѣвшей надвигалась
И чѣмъ страданья дѣлались сильнѣй,
Тѣмъ чаще совѣсть въ бѣдной проявлялась
И выдвигала грѣхъ прошедшихъ дней.

Лицо ея мѣнялось! Проявлялись
Черты лица той дѣвочки живой,
Съ которой въ дѣтствѣ часто такъ смѣялись,
И онъ, и братья рѣзвою толпой!

* * *

Пять докторовъ въ дому перебывало,
Пять докторовъ, и всѣ они въ очкахъ;
И говорятъ ему: «Въ ней жизни очень мало,
Ей жить недолго и умретъ въ родахъ!»

Ударъ былъ страшенъ тѣмъ, что неожиданъ.
Бѣдняга вдругъ мучительно прозрѣлъ!
Тоскѣ глубокой головою выданъ, —
Всѣмъ бытіемъ своимъ осиротѣлъ.

Зоветъ она его къ своей кровати,
И говоритъ: «Мой милый, дорогой!
Теперь была-бы свадьба очень кстати,
Теперь должна я стать твоей женой...

«Затѣмъ, что если-бы тебя спросило
Мое дитя о матери своей,
Ты скажешь, какъ тебя жена любила,
Отъ самыхъ раннихъ, первыхъ въ жизни дней.

«Что, до того, какъ стала я женою,
Ты обо мнѣ ни слова не слыхалъ...»

Пришелъ священникъ, и его съ больною,
Какъ дòлжно быть, законно повѣнчалъ.

* * *

Родилась дѣвочка. Слаба, безкровна!
Остатка силъ въ родахъ лишилась мать...
Она встрѣчала смерть свою любовно,
Она устала думать и страдать.

То было утромъ, такъ часа въ четыре...
Онъ, сидя въ креслѣ у кровати, спалъ...
И видѣлъ онъ, что на веселомъ пирѣ
Его незримый кто-то обнималъ...

Сначала тяжесть грудь ему давила...
Палило щеки жаромъ, а потомъ
Живая свѣжесть этотъ жаръ смѣнила,
Дала покой и усладила сномъ...

Открылъ глаза... Жена, какъ тò бывало,
Его рукой вкругъ шеи обняла...
Она, скончавшись, тихо остывала,
И разомкнуть объятья не могла...

* * *

Въ одномъ изъ нашихъ, издавна заштатныхъ,
Почти пустыхъ степныхъ монастырей,
Лежитъ послѣдній отпрыскъ, прежде знатныхъ
И бунтовавшихъ при Петрѣ князей...

Послѣдній отпрыскъ—дѣвушка больная
Отецъ и мать лежатъ по сторонамъ;

Гранитъ, гробницы всѣхъ ихъ покрывая,
Замшился весь и треснулъ по угламъ.

Два медальона... Въ стеклахъ пестрый глянецъ
И перламутръ отъ времени блестятъ!
Портреты эти дѣлалъ итальянецъ;
То—мать и дочь! Одинъ и тотъ-же взглядъ!

И тотъ-же слѣдъ раздумья надъ очами.
И неземная въ лицахъ красота...
И проступаютъ, мнится, образами
Подъ осѣненьемъ чернаго креста...

ЛАРЧИКЪ.

(Памяти А. Н. Майкова.)

I.

Лѣтъ, этакъ, тридцать назадъ, въ годъ холерный,
Въ маѣ, въ тотъ трудный и памятный годъ, —
Какъ совершили мы странный, примѣрный,
Очень не хитрый венгерскій походъ, —

На Петербургской, въ невзрачномъ домишкѣ,
Тамъ, гдѣ у насъ огороды идутъ,
Тамъ, гдѣ на улицахъ строятъ мальчишки
Крѣпости, рвы и канавы ведутъ, —

Вставъ спозаранокъ, исправно побритый,
Занятъ работой Петръ Павлычъ Зубковъ...
Сѣрый сюртукъ на немъ, дешево сшитый,
Хоть и не старъ онъ, зато и не новъ.

При Канкринѣ былъ Зубковъ неотлучнымъ,
Вѣчнымъ, безсмѣннымъ, присяжнымъ писцомъ,
Трезвымъ всегда, не болтливымъ, сподручнымъ,
Сиднемъ-сидѣвшимъ и ночью, и днемъ.

Зналъ по-нѣмецки Зубковъ! Было счастьемъ,
Что къ Канкрину онъ случайно попалъ!

Хмурый министръ отличался пристрастьемъ
Къ тѣмъ, кто языкъ его родины зналъ.

Писывалъ ночью Зубковъ; кончивъ счеты,
Прочь уходилъ! Кабинетъ затворивъ,
Графъ принимался за скрипку, за ноты,
Шелковый зонтъ на глаза опустивъ;

И говорили знакомые съ домомъ,
Будто, играя, графъ цифры считалъ,
И музыкальнымъ, особымъ пріемомъ
Суммы отчетовъ и смѣтъ провѣрялъ!

Ну, а Петръ Павлычъ, за то, что старался,
Въ милость большую вошелъ Канкрина,
Лучше другихъ до конца дописался:
Полная ранѣе срока дана!

Съ пенсіей, съ крестикомъ и по прошенью!
А черезъ годъ получила жена
На Петербургской въ наслѣдство имѣнье:
Домъ деревянный въ четыре окна.

* * *

Лѣтъ Петру Павлычу меньше, чѣмъ кажетъ:
Будетъ ему черезъ годъ шестьдесятъ!
Бодрый старикъ! Если зубы покажетъ,
Чуть-ли не всѣ цѣликомъ заблестятъ...

Эти-то самые зубы взлюбила —
Такъ говорилъ онъ знакомымъ порой—
Марья Петровна! Недолго водила,
Былъ онъ ей пò-сердцу: стала женой.

Прожилъ онъ съ ней двадцать два года сряду;
Семь лѣтъ вдовѣетъ... И въ нынѣшній день,
Такъ порѣшилъ онъ: что стыдно, молъ, надо
Хламъ разобрать, чердака дребедень.

Послѣ кончины года̀ уходили...
Все-же Петръ Павлычъ рѣшиться не могъ
Къ рухляди старой коснуться: сложили
Руки жены! Нѣту силъ, видитъ Богъ!

Ну, да вѣдь надо! Всю ночь спалъ онъ худо,
Все онъ раздумывалъ: какъ приступить
Къ священнодѣйствію?! Тряпки, посуда!
Много что надо продать, обмѣнить!

Хламъ разбирать, это—чувство больное!
Вечеромъ думалъ онъ; разъ принялся...
Свѣчка горѣла. Надъ бѣлой стѣною
Очеркъ какихъ-то тѣней поднялся̀!

Очеркъ какой-то такой непонятный!
Черныя хари! Рогатая тѣнь!
Нѣтъ ужъ, Петръ Павлычъ, скорѣй на попятный,—
Лучше поутру и въ солнечный день...

* * *

Утро! Роскошное утро сіяло!
Лился въ окошко открытое свѣтъ!
Два сундучишка рука разбросала...
Экій, однако, въ вещахъ винигретъ!

Право! Ты-бъ, Марьюшка, лавку открыла...
Десять сорочекъ. кусокъ полотна,

Фунта четыре изсохшаго мыла,
Съѣденный молью остатокъ сукна!

Помню: сюртукъ былъ такой! Вонъ и зайка!
Весь онъ обглоданъ! Хвоста нѣтъ, ушей!
Сбоку написано: Ѳединька пайка!..
Не далъ Господь намъ своихъ-то дѣтей!

Ну такъ чужого она полюбила...
«Хоть-бы да намъ незаконный какой;
Только-бы свой!—такъ жена говорила—
Чай, ты несчастливъ съ бездѣтной женой?!»

Гмъ, незаконный?! А еслибъ у ней-то
Былъ незаконный? Что-жъ я-бы сказалъ?
Значитъ съ другимъ прижила́! Значитъ, чей-то...
Тстъ!—тихо шепчетъ Зубковъ, я-бы взялъ!..

И отошелъ онъ къ окну; прислонился
Съ новою, смутною думой своей;
Надъ чердакомъ старый кленъ опустился
Цѣлою сѣтью зеленыхъ вѣтвей.

Думалъ онъ вѣтку достать; потянулся...
Воронъ громадный на вѣткѣ сидѣлъ,
Вскинулся, и, увидавъ, отшатнулся,
Пыль поднялъ крыльями и отлетѣлъ!

Будто-бы взглядомъ воронымъ пронзило
Бѣдное сердце, лишенное силъ!
Будто-бы въ разумъ дохнула могила,
Съ черныхъ, едва не ударившихъ крылъ.

*
* *

И продолжаетъ Петръ Павлычъ работу:
Перебираетъ бумаги въ рукахъ;
Письма онъ къ письмамъ кладетъ, счетъ ко счету;
Въ старой газетѣ прочелъ въ новостяхъ

Судное дѣло, когда-то большое...
Вдругъ! Что-то брякнуло! Глядь—медальонъ!
Смотритъ: мужчина, лицо молодое,
Темнобородый! Совсѣмъ не дуренъ!

Буквы Ѳ. Ѳ!.. Что за причта? мелькали
Только-что, только-что вотъ на глазахъ
Эти-же буквы! на письмахъ стояли...
Ѳединькинъ заїчикъ! есть Ѳ.—въ подписяхъ!

Гдѣ они? Гдѣ? Нѣтъ, не эти, другія!
Въ этихъ, должно-быть!.. Не тутъ, а вотъ тамъ!..
И захрустѣли бумажки сухія,
Быстро забѣгавъ по нервнымъ рукамъ...

Подписи, подписи! Въ подписяхъ было!
Да, да, Ѳ. Ѳ!.. Я видалъ, самъ видалъ...
А, наконецъ-таки! Захолонило
Въ сердце... Недвижимъ, письмо онъ держалъ!

И противъ воли глаза опустились,
Точно ихъ кто на письмо наводилъ...
Почеркъ—чужой! Строчки густо тѣснились...
Разныхъ размѣровъ и разныхъ чернилъ!

Молча читаетъ Петръ Павлычъ, читаетъ:
«Скоро-ль пріѣдешь ко мнѣ ты опять

Быстро нашъ милый сынокъ подрастаетъ;
Онъ ужъ и «мама» умѣетъ сказать...»

Онъ у кормилицы-бабы остался;
Крѣпокъ, здоровъ и тебя онъ все ждетъ...
Только-бы тотъ номерокъ сохранялся,
Что Воспитательный въ руки даетъ.»

Это письмо онъ прочелъ, и другое,
Третье... и много онъ ихъ прочиталъ!
Разъ только какъ-то качнулъ головою...
Собралъ всѣ письма, въ пакетикъ связалъ,

И, не закрывши окна, не коснувшись
Прочихъ вещей, долго внизъ онъ сходилъ,
Въ тяжкомъ раздумьѣ сошелъ, не споткнувшись,
И свой пакетикъ въ комодъ положилъ.

II.

Вовсе не дряхлъ и съ почтеннымъ сознаньемъ
Полной свободы за долгимъ трудомъ,
Жилъ нашъ Петръ Павлычъ своимъ состояньемъ,
Жилъ онъ съ женой, не нуждаясь ни въ чемъ.

Правда, порой удивлялся онъ сильно:
Какъ это деньги всегда на-лицо?
Гости придутъ—угощенье обильно;
Дряхло крыльцо—обновится крыльцо!

Также, порою, его удивляло,
Что, ни съ того ни съ сего, иногда,

Къ разнымъ роднымъ вдругъ жена уѣзжала,
Въ дальніе даже совсѣмъ города!

Вспомнилъ онъ тоже, ему такъ казалось.
Будто онъ дома лицо то видалъ,
Что̀ въ медальонѣ теперь красовалось!
Родственникъ тоже! Мелькнулъ и пропалъ!

Ахъ! И была-же жена, что колдунья!
Все предусмотритъ, умно говоритъ,
И не капризна, нѣтъ, нѣтъ, не ворчунья:
Сдѣлаетъ дѣло, а, сдѣлавъ, сидитъ.

Ну и ласкаться, ей-Богу, умѣла!
Чтобъ щепетильной назвать, а ничуть...
А ужъ какъ пѣсни цыганскія пѣла,
Какъ ямщику-то дуги не согнуть...

Ну, потерялъ! Значитъ, было да сплыло!
Память о ней онъ въ душѣ схоронилъ...
Разъ предложенье женить его было:
Этотъ пассажъ старика оскорбилъ.

Вдругъ оказалось! Да нѣтъ! Какъ-же это?
Можетъ-ли быть? Нѣтъ, пойти, разспросить...
Только къ кому? Всѣ мертвы! Съ того свѣта
Надо совѣтниковъ въ міръ пригласить.

Вспомнилъ о другѣ своемъ Посѣденскомъ;
Умный, хорошій онъ былъ господинъ!
Только ужъ десять годовъ на Смоленскомъ...
Какъ! Неужели я вправду одинъ?

Такъ-таки вовсе одинъ въ цѣломъ свѣтѣ!
И никого, никого не найти
Кто-бы сказался въ хорошемъ совѣтѣ,
Съ кѣмъ-бы мнѣ душу свою отвести!

Онъ до сегодня того не замѣтилъ,
Что одинокимъ свой вѣкъ коротадъ,
Будто-бы кто-то и ласковъ, и свѣтелъ
Всю пустоту вкругъ него заполнялъ!

И не живымъ существомъ заполнялась:
Свѣтлою памятью счастливыхъ дней,
Ею, женою! Жены не осталось—
Бездна открылась—повисъ онъ надъ ней...

Точно какъ будто-бы все провалилось
Что окружало, ютило въ себѣ;
Зябкою стала душа, оголилась,
Вышла на стужу во всей наготѣ...

Все это въ немъ, какъ впотьмахъ, проступало
И несознательно мысли гнело...
Надо-жъ, однако, чтобъ ясниться стало!
Вдругъ, неожиданно, стало свѣтло...

* * *

Сына сыскать!.. Тутъ, во что-бы ни стало,
Надо тотъ ларчикъ дубовый добыть,
Тотъ, что покойница, какъ умирала,
Въ гробъ свой велѣла съ собой положить...

Ларчикъ вдругъ вспомнился!.. Малый, зеленый,
Согнутъ, придавленъ на верхнихъ углахъ;

Скобка! На скобкѣ замочекъ мудреный!
Какъ приказала—положенъ въ ногахъ.

Къ митрополиту пойти? Разрѣшенье
Вскрыть мнѣ могилу просить, а потомъ?..
Нѣтъ, прежде справки собрать, безъ сомнѣнья,
Какъ отдаютъ въ Воспитательный домъ?

Да! Въ Воспитательный домъ снарядиться!
Только-бъ скорѣе! Чего не забыть...
Крестъ нацѣпить! Ничего, пригодится...
Тише, Петръ Павлычъ, чего такъ спѣшить!

Скверный извозчикъ! Кафтанъ—изъ заплатокъ,
Съ музыкой дрожки, что камень—то звонъ!
Вотъ ужъ и лебедь въ кругу лебедятокъ
Надъ Воспитательнымъ, выше колоннъ.

«Что вамъ угодно?» Швейцаръ такой видный,
Онъ въ треуголкѣ и весь въ галунахъ;
Взглядъ величавый, а голосъ обидный...
— «Гдѣ-бы мнѣ справку достать о дѣтяхъ?»...

— «Вамъ это, что-же, кормилицу нужно,
Али дежурнаго, что-ли, спросить?»
—«Да, да, кормилицу...»—«Мнѣ недосужно;
Я, вотъ, сынишку пошлю проводить.»

Всюду швейцары родятся съ задоромъ;
Вынулъ Петръ Павлычъ рублевую, далъ;
По безконечно большимъ коридорамъ
Юркому мальчику вслѣдъ зашагалъ.

«Здѣся-во мамки!» Глядитъ: галлерея,
Точно аллея, что въ Лѣтнемъ саду
Въ длинныхъ какихъ-то халатахъ пестрѣя,
Были всѣ мамки тогда на ходу.

Часъ ихъ прогулки... У каждой ребенокъ;
Вмѣсто повойника бѣлый колпакъ;
Плачъ ребятишекъ и запахъ пеленокъ...
Шлепаютъ туфли; размѣренный шагъ;

Идутъ одна за другой вереницей,
Говору нѣтъ, соблюдается чинъ...
Счетомъ—десятки! Ростъ, плотность и лица
Всякихъ характеровъ, всѣхъ величинъ!

Были, что дѣти, совсѣмъ молодыя!
Гдѣ-бы, казалось, ей матерью стать?
Были и бабы, не въ шутку сѣдыя:
Годы большіе; могла-бъ перестать!..

* * *

Только Зубкову и въ умъ не входило
Мамку позвать! Что-же дѣлать? Какъ быть?
То, что увидѣлъ онъ—ошеломило.
Только и могъ онъ—глазами водить!

Бабы, въ надеждѣ на мѣсто, глядѣли
Прямо въ глаза, мимо гостя идя...
«Вы-бы кормилицу выбрать хотѣли?»
Докторъ дежурный спросилъ, подойдя.

«Нѣтъ-съ, мнѣ не это... Мнѣ справиться надо...
Ежели сдали дитя: какъ сыскать?»

— «Это не здѣсь, а подалѣе рядомъ,
«Впрочемъ, могу я вамъ правила дать

Вотъ—отпечатаны; къ вашимъ услугамъ;
Ищете развѣ кого?..» — «То-есть... нѣтъ...
Братъ мой просилъ»... съ очень яснымъ испугомъ
Цѣдитъ сквозь зубы Петръ Павлычъ въ отвѣтъ.

«Ежели номеръ у васъ не утраченъ,
То разыскать не особенный трудъ;
Впрочемъ, есть сроки! Тутъ срокъ обозначенъ;
Только расходы обратно возьмутъ».

Докторъ, кивнувъ головой, удалился.
Вышелъ Петръ Павлычъ за двери; сошелъ
Съ лѣстницы, въ заднемъ дворѣ очутился
И до Казанской дворами добрелъ.

Правила всѣ прочиталъ! Не даются...
Сроки пропущены... Гдѣ тутъ сыскать?
Ноги слабѣютъ, въ колѣнкахъ трясутся;
Надо скорѣе извозчика взять.

* * *

Если поранить себя гдѣ случится—
Тотчасъ кругомъ воспаленье пойдетъ;
Кровь къ пораженному мѣсту стремится...
Будто-бы знаетъ: работа тутъ ждетъ!

Надо чинить! Надо дѣло поправить...
Есть затаенныя силы души,
Вдругъ, мимо воли, идущія править,
Если наличныя не хороши!

Мы приказанья тѣхъ силъ исполняемъ—
И, точно такъ-же, какъ муху во снѣ,
Сами не вѣдая какъ отгоняемъ—
Дѣлаемъ то, что̀ прикажутъ онѣ.

Такъ это было и съ бѣднымъ Зубковымъ:
Свѣжее чувство раскрытой вины
Быстро задвинулось болѣе новымъ:
Ищетъ онъ сына виновной жены!

Точно корабль, окрылясь парусами,
Ждать неспособенъ и долженъ поплыть,
Ѣдетъ Петръ Павлычъ, влекомый мечтами,
Къ митрополиту о дѣлѣ просить.

Къ Смольному въ лодочкѣ онъ перебрался,
Шелъ къ Александровской лаврѣ пѣшкомъ;
Колоколовъ перезвонъ раздавался,
Какъ проходилъ онъ надъ лаврскимъ мостомъ.

Вотъ и кладбище въ стѣнахъ отбѣленныхъ...
И изъ-за стѣнъ на дорогу глядитъ
Много столбовъ и крестовъ золоченныхъ,
Мраморы, бронза, порфиръ и гранитъ.

Видитъ: монахъ-старичекъ осторожно
Съ паперти сходитъ и книги несетъ,
—«Гдѣ мнѣ владыку увидѣть-бы можно?»
—«Митрополита?.. Уѣхалъ въ Синодъ».

—«Смѣю спросить, чтобы васъ не обидѣть,
Каждый-ли день и въ какой это часъ

Митрополита мнѣ можно-бы видѣть?»
—«Съ просьбою, что-ли? О чемъ тамъ у васъ?»

—«Дѣло большое къ владыкѣ имѣю...»
—«Онъ принимаетъ какъ Богъ приведетъ.»
—«Гдѣ-же?»—«А вотъ, какъ пройдете аллею,
Просьбу въ подъѣздѣ дежурный возьметъ.»

Какъ было сказано, такъ и случилось:
Раза четыре пытался Зубковъ
Лично представиться—не приходилось:
Занятъ, уѣхалъ, заснулъ, нездоровъ...

Подалъ дежурному и удалился!
Охъ!.. Ужъ чего-то онъ не испыталъ?
Тѣломъ осунулся, весь измѣнился,
За двѣ недѣли, которыя ждалъ.

* * *

Вышелъ—отказъ! Въ синей рясѣ, воителемъ,
Видомъ такой, что скорѣй уходи,—
Вышелъ викарій къ безмолвнымъ просителямъ:
Онъ панагіей игралъ на груди.

На панагіи, блестя бирюзою,
Ликъ Богородицы кротко сіялъ!..
Быстро покончилъ викарій съ толпою...
Только Петръ Павлычъ одинъ ожидалъ.

И подошелъ онъ къ нему, улыбаясь:
—«Вы-ли коллежскій ассесоръ Зубковъ?»
—«Я-съ».—«Я поистинѣ вамъ удивляюсь,
Что вамъ тревожить молчанье гробовъ?

Просите вы: тамъ писанье какое,
Нѣкій документъ былъ въ гробъ положо̀нъ!
Трудное дѣло оно, не простое—
Надо къ тому очень важный резонъ!»

Тутъ подвернулся какой-то вертлявый,
Юркій чиновникъ; шушукаться сталъ;
Взглядъ его свѣтло-зеленый, лукавый,
Точно лучами Зубкова пронзалъ.

Точно читать порывался глубоко
Въ совѣсти, въ мысляхъ, читать наугадъ!
Хуже и злѣе вороньяго ока
Былъ этотъ гадкій, убійственный взглядъ!

«Да-съ! Такъ извольте понять: не пригодно,
Митрополитъ приказалъ вамъ сказать,
Въ кладбищѣ рыться, копать всенародно;
Да и примѣровъ такихъ не сыскать.

Ну и семь лѣтъ ужъ, какъ вы схоронили;
Въ пятомъ разрядѣ, за эти года,
Землю-то всю много разъ перерыли,
Чай, и отъ гроба не сыщешь слѣда;

Да и холера къ тому-же, поймите...
Рыться! Зачѣмъ? Ни съ того, ни съ сего!
Ну, такъ Господь съ вами! Съ миромъ идите,
Пусть прахъ почіетъ, не троньте его.»

Благословилъ онъ Зубкова; непрошенъ
Руку свою къ цѣлованію далъ...

Точно травинка. подъ корень подкошенъ,
Чуть не свалился Зубковъ, гдѣ стоялъ.

III.

Меньше, чѣмъ прежде, Петръ Павлычу спится,
Хуже гораздо его аппетитъ,
Ночью слоняется, днемъ-же ложится
Навзничь въ кровать и часами лежитъ.

Послѣ обоихъ тяжелыхъ рѣшеній
И напряженья всѣхъ нравственныхъ силъ,
Быстрыхъ, совсѣмъ непривычныхъ хожденій,
Точно онъ крылья свои опустилъ!

Точно онъ будто о что-то расшибся!
Думалъ—шелъ въ двери, а вышло—стѣна!
Въ способѣ, значитъ, въ дорогѣ ошибся...
Видно, другая дорога нужна...

Ларчикъ жены, какъ червякъ, его гложетъ!
Долженъ онъ, долженъ тотъ ларчикъ достать!
Ларчикъ желѣзный, и сгнить онъ не можетъ;
Кой-что узнаетъ, чтобъ сына искать...

Сына найдетъ! Будетъ холить родного...
Какъ-же за сына-то мать не проститъ?!
Чувство любви этой ярко и ново —
Стало въ сознаньи Зубкова свѣтить!

Звучно часы надъ стѣною стучали;
Маятникъ шелъ... словно чьи-то шаги...

Съ ними и онъ уходилъ... и шагали
Разныхъ неясныхъ видѣній круги...

Люди какіе-то! Головы—цифры!
Мамки! У мамокъ ларцы на рукахъ!
Буквы «Θ. Θ.» разбѣгаются въ шифры...
И Посѣденскій на тощихъ ногахъ!

Войско монаховъ... Они голубые...
И, высоко, какъ хоругвь несена,
Блещетъ алмазами звѣздъ панагія!
Но Богородица—гдѣ-же она?

Знать убѣжала съ монашеской груди!
Ты трепетала такъ нервно на ней!
Гдѣ-жъ ты, блаженная! «Я не у судей,
Я у простыхъ, у судимыхъ людей!..»

Идутъ часы, продолжаютъ бесѣду
И объясненья видѣньямъ даютъ!..
Мчится Зубковъ по какому-то слѣду,
Словно куда-то упорно зовутъ...

Вотъ и жена! Очи тяжко закрылись!
Сына за ручку ведетъ! Мальчикъ мой!
Какъ-же волосики свѣтлые сбились...
Гдѣ ты? Скажи, отзовися, родной?!

Гдѣ? Открываетъ покойница очи!
Взглядъ такъ мучительно, кротко правдивъ,
Сколько въ немъ долгой тоски, долгой ночи..
Живъ этотъ взглядъ ея, или не живъ?

Вдругъ! Трескъ и грохотъ съ убійственнымъ воемъ!
Все заскакало... Видѣнья чудятъ...
Полдень... Часы разрѣшаются боемъ,
Грузныя гири, спускаясь, шипятъ!

Буря проходитъ, и тишь наступаетъ..
Пѣсенка чья-то совѣты даетъ,
Пѣсенка эта такъ мило болтаетъ,
Очень разумна и вовсе не лжетъ:

«Тики-такъ,—тики-такъ!
Охъ, чиновникъ, ты чудакъ!
Не лежи, братъ, не лѣнись,
Будь бодрѣе, окрылись!
Не даютъ—такъ самъ бери!
Но до свѣта, до зари,
Чтобъ заря та, заблестя,
Ларчикъ твой озолотя,
Раньше срока не пришла,
Людямъ выдать не могла!

—

«Надо страхъ свой превозмочь,
Надо выйти рано въ ночь...
Мягкой, рыхлою землей
Чуть засыпанъ ларчикъ твой...
Подъ травой почти видна
Спитъ виновная жена;
Легкій мохъ ее покрылъ!
Онъ съ сосѣднихъ къ ней могилъ
Надвигался пеленой...
Приходи туда и рой...

—

«Тики-такъ,—тики-такъ!
Охъ, совсѣмъ не страшенъ мракъ!

«Днемъ гвоздики тамъ цвѣтутъ,
Рѣзво бабочки снуютъ,
И роняютъ съ высоты
Блестки крыльевъ на кресты!
Это все и ночью тамъ
У крестовъ и по крестамъ...
Ночь, кому она нужна,
Не страшна, нѣтъ, не страшна...

—

«Ты могилку смѣло рой,
Ты достанешь ларчикъ твой...
Можетъ статься, выйдетъ то,
Что вина ея—ничто,
Что жена была вѣрна,
Тутъ ошибка—не вина;
Надо, надо уяснить,
А безъ этого—не жить!
«Вѣрь! Тутъ что-нибудь не такъ...
Тики-такъ, тики-такъ!» .

IV.

Значитъ, могилу разрыть? Преступленье?
Но, если такъ ужъ судьбой рѣшено,
Надо чтобъ толкъ былъ въ работѣ, терпѣнье,
Надо какъ слѣдуетъ сдѣлать, умно.

Ты до лопаты и въ жизнь не касался,
Развѣ что въ дѣтствѣ по лужамъ копалъ,
Въ воду кораблпкъ бумажный пускался,
Самъ ты, нагнувшись, его поддувалъ.

Началъ Петръ Павлычъ къ могилѣ являться!
Горе-задача ему задалась...
Тамъ, на Смоленскомъ, гдѣ плотно толпятся,
Тьмы мелкихъ крестиковъ будто роясь,

Гдѣ въ мягкой почвѣ къ землѣ наклонились,
Будто-бы клюя съ могилокъ зерно!
Гдѣ, что ни день, слезы на землю лились,
Вѣчную память поютъ такъ давно;

Гдѣ столько лѣтъ неплатящихъ спускали
Въ землю; гдѣ очень немного именъ
Похоронённыхъ на доски вписали;
Гдѣ, по сосѣдству, отдѣлъ отведенъ

Самоубійцамъ, а подлѣ зарыты
Въ полѣ преступники, что казнены,
И, по приказу, какъ слѣдуетъ скрыты,—
Тамъ почивали останки жены.

Подлѣ канавки съ водой красноватой,
Съ ярью желѣзистой, съ слизью по дну,
Пара березокъ съ листвой кудреватой
Лѣзла, какъ только могла, въ вышину,

Чтобы изъ этой юдоли тяжелой
Стараго кладбища выбраться вонъ!
Грустный характеръ судьбы невеселой
Нами на кладбищахъ запечатлѣнъ!

И ужъ въ какихъ суетахъ небывалыхъ
Кладбища эти въ движенье придутъ,

Въ часъ пробужденья, когда залежалыхъ
Въ часъ воскресенья, вставать позовутъ!?

* * *

Ходитъ Петръ Павловичъ и изучаетъ:
Какъ глубоко опускаютъ гробы?
Многихъ едва на аршинъ покрываютъ;
Часто сосѣднихъ могилокъ горбы

Къ вырытымъ ямамъ подходятъ краями!
Значитъ: копнутъ ему разъ, или два —
Тутъ и откроется гробъ подъ ногами,
Травкой и мохомъ прикрытый едва.

Ну а жена подлѣ самой канавки!
Если въ канавкѣ начать, да отъ дна?
Тотчасъ наткнешься — не надо и справки,
Тутъ и окажется — будетъ жена.

Всѣхъ ихъ кладутъ головами къ востоку;
Значитъ, тутъ ноги! А ларчикъ въ ногахъ!
Здѣсь надо рыть мнѣ, у дерева, сбоку!
Можетъ, подъ деревомъ, въ самыхъ корняхъ?

Но вѣдь не рыться-же просто руками!
Если съ лопатой придти! — не идетъ, —
Встрѣтишься, сцѣпишься со сторожами,
Спросятъ: зачѣмъ? Любопытный народъ.

Ну, да лопатъ тутъ имѣется много...
Знаю мѣста̀, гдѣ ихъ кучей кладутъ!
Только, чтобъ вдругъ не случилась тревога,
Если одной изъ лопатъ не найдутъ!

Вотъ что я сдѣлаю, вотъ какъ устрою:
Я, коль удастся, одну приберу,
Подлѣ могилы въ канавкѣ зарою...
Станутъ искать на зарѣ, по утру,

Черезъ недѣлю о ней позабудутъ,
Скажутъ: пропала, не вѣдаютъ какъ!
Наговорившись — другую добудутъ...
Да, несомнѣнно, и быть тому такъ.

Сказано — сдѣлано! Скрыта лопата.
Надобно только скорѣе рѣшить,
Въ ночь или съ вечера? Въ ночь темновато,
Но--тѣмъ труднѣе замѣченнымъ быть.

Развѣ сегодня? Зубковъ улыбнулся!
Право, подумалъ онъ, точно съ-пьяна
Брякнулъ такое! А нѣтъ такъ рехнулся —
Да вѣдь сегодня на небѣ луна!..

И, порѣшивъ ожидать новолунья,
Сталъ онъ раздумывать: какъ-бы помочь
Горю другому: кухарка-болтунья,
А вѣдь уйти-то ему на всю ночь?!

* * *

День онъ подумалъ, другой поразмыслилъ:
Дачу онъ, видите, дачу найметъ,
Все онъ предвидѣлъ и все онъ расчислилъ,
Какъ Пелагею отправитъ впередъ.

Дачу намѣтилъ онъ за Колтовскою,
За сорокъ за три рубля сговорилъ,

Далъ и задатокъ нескудной рукою
И Пелагеѣ о томъ сообщилъ.

«Мнѣ, Пелагеюшка, видишь, большое
Мѣсто выходитъ; да только не тамъ,
Гдѣ обѣщалъ мнѣ директоръ! Другое!»
— «Счастье вамъ, батюшка, видно къ мѣстамъ!»

— «Только тутъ нужно сначала подспорье:
«Новый начальникъ, онъ баринъ большой;
Дача своя у него, тамъ на взморьѣ,
Ну и живетъ онъ въ ней, за Колтовской.»

— «Значитъ, къ нему вы все время ходили?»
— «Какъ-же, къ нему. Надо чаще бывать;
Вотъ еслибъ подлѣ, сказалъ онъ, мы жили,
Можно-бы скоро дѣла-то рѣшать...

«Я и сыскалъ, Пелагеюшка. дачу!»
— «Какъ-же, Петръ Павлычъ, а домъ-то куда?»
— «Только на лѣто.... Я больше истрачу,
Ежели ѣздить туда, да сюда!»

— «Значитъ, Петръ Павлычъ, начальникъ-то новый
Подлѣ насъ будетъ?» — «Да, съ версту ихъ домъ;
Домъ ихъ большущій, подъѣздъ въ немъ дубовый;
Садъ обведенный рѣшеткой кругомъ!

Лѣстница — мраморъ! Вездѣ позолоты!
А по шкапамъ все дѣла, да дѣла...»
— «То-то лакеямъ, Петръ Павлычъ, работы?»
— «Всякимъ лакеямъ тамъ нѣтъ и числа!

Стѣны-то всѣ подъ чудными коврами...»
Долго кухаркѣ Петръ Павловичъ лгалъ,
Слушалъ себя! Для уборки съ вещами
Времени только недѣлю ей далъ.

— «Ты, значитъ, къ ночи тамъ будешь съ вещами;
Я-же останусь въ дому, приберу,
Позапираю замки всѣ ключами,
Да и пріѣду къ тебѣ поутру...»

* * *

День наступилъ. Онъ съ утра облаками
Небо завѣсилъ, дождемъ окропилъ.
Взявъ ломового, Петръ Павлычъ съ вещами
Бабу отправилъ и въ церковь сходилъ.

Въ пятомъ часу на кладбище явился.
Могъ-бы конечно онъ позже придти...
Ну да ужъ если на дѣло рѣшился. —
Лучше, какъ сдѣлаешь больше пути;

Чтобъ затруднительнѣй было вернуться,
Лучше подальше впередъ забѣжать,
Въ самое дѣло войти, окунуться!
А окунулся — такъ надо всплывать!

Небо прояснилось, взморье сіяло!
Рѣяли бабочки между крестовъ!
Нѣсколько сразу повсюду мелькало
Въ траурныхъ ризахъ служившихъ поповъ.

Гдѣ панихиду они голосили,
Гдѣ совершали они литію;

Бабы какія-то искренно выли,
Сыпали вдоль по могилкамъ кутью!

Черныя ризы, блестя галунами,
Двигались медленно въ яркой пыли,
Въ полной враждѣ съ голубыми тонами
Свѣтлой окраски небесъ и земли.

Вотъ и исчезли они! Вотъ уходятъ
Люди съ могилокъ; пошли по домамъ!
Солнце садится, румянецъ разводитъ
По оперившимъ закатъ облакамъ...

* * *

Первая звѣздочка чуть проглянула;
Нехотя,—но потемнѣлъ небосклонъ!
Кладбище тяжкимъ туманомъ дохнуло,
Сонъ, снизойдя, опустился на сонъ!

Такъ стали гу́сты, бѣлы́ испаренья,
Что хоть рукою туманъ зачерпнуть!
Крестики всплыли поверхъ наводненья,
Близки къ тому, чтобъ совсѣмъ потонуть!

Точно земля изъ-подъ нихъ уплывала,
Кладбище шло, уносилось впередъ
И, уползая, въ пары обращало
Весь этотъ спящій, безличный народъ!

Всѣ эти страсти, мученья, печали,
Молча, безъ обликовъ, тучей густой,
Моремъ молочнымъ изъ нѣдръ проступали
И уплывали въ прохладѣ ночной...

Щелкъ!.. То лопата по камню скользнула,
Въ рыхлую землю глубоко прошла;
Дерево вплоть до вершины качнула,
Ближніе корни его порвалà!

Темные листики дрожью дрожали,
Въ мертвомъ туманѣ въ смятенье пришли...
Мертвые, тѣ, что подъ деревомъ спали,
Такъ раскачать ихъ никакъ не могли!

Нѣтъ! Тутъ живой человѣкъ замѣшался,
Въ этой юдòли молчанья и сна!
Вслѣдъ за ударомъ ударъ раздавался...
Малость еще, тутъ и будетъ жена...

Гробокопатель съ лопатою слился,
Точно всѣ нервы въ лопату прошли...
Цѣпкою мыслью въ желѣзо внѣдрился!
Видѣлъ желѣзомъ въ потемкахъ земли!

Точно ему изъ могилы свѣтилось...
Острый, пунцовый огонь проступалъ...
Вдругъ, ему кажется, будто спустилось
Что-то къ нему на плечо... Онъ припалъ...

И не шевелится... Слухъ напрягая,
Скорчился.. трепетно дышитъ старикъ...
Ну ужъ явись кто въ ту пору, мѣшая,
Онъ-бы схватился съ нимъ, страшенъ и дикъ...

Онъ-бы убилъ, еслибъ что!.. Все молчало!
Кладбище шло, уносилось впередъ,

И, уползая, въ пары обращало
Весь свой покорный, безмолвный народъ...

Колоколъ гдѣ-то ударилъ! Скатилась
Подлѣ земля съ свѣжей кучи долой...
Ну, за работу! Работа спорилась...
Вотъ онъ, костей догнивающихъ слой!

* * *

Бурыя кости мѣстами торчали...
Сбиты и спутаны, какъ ни взгляни...
Въ это-то время съ небесъ запылали
Дальней зари золотые огни!

Точно испуганы и озабочены
Тѣмъ что: зачѣмъ ихъ на свѣтъ извлекли,
Кости, по темной землѣ раззолочены,
Пурпуромъ яркимъ въ отвѣтъ зацвѣли!

Розовый день широко занимался,
Теплымъ румянцемъ туманъ наливалъ,—
Будто туманъ мертвецомъ притворялся,
Будто онъ блѣднымъ совсѣмъ не бывалъ!

Капли росы зацвѣли, что рубины,—
Утреннимъ солнцемъ кругòмъ зажжены,
Въ трàвахъ, на листьяхъ березъ и рябины,
И — на безсвязныхъ останкахъ жены!

Стàла работа... Прервалось движенье;
Ларчика нѣтъ! Да и какъ ему быть?
Кости? Да что-же костямъ-то? Прощенье!
Спи, дорогая! Скорѣе зарыть...

Разъ еще видѣлъ тебя!.. Заравнявши
Землю; засыпавъ лопату землей,
Моху, чтобъ слѣдъ затереть, набросавши,
Двинулся быстро Петръ Павлычъ домой!..

Вышелъ задàми къ какимъ-то амбарамъ...
На Колтовской Пелагея ждала
И съ кулебякою, и съ самоваромъ...
Да, было дѣло—да ночь унесла!..

ТОЖЕ НРАВСТВЕННОСТЬ.

(Ѳ. В. Вишневскому.)

Вотъ въ Англіи, въ странѣ благоприличій,
Гдѣ по преданіямъ зѣваютъ и ѣдятъ,
Гдѣ, такъ и кажется, что свистъ и говоръ птичій.
И рѣчи спикеровъ, и пискотня щенятъ
Идутъ по правиламъ! Гдѣ безъ большихъ различій
Желудки самые по хартіи бурлятъ —
Вотъ что случилось разъ съ прелестнѣйшей миледи,
Съ извѣстной въ оны дни дюшессой Монгомеди!

Совсѣмъ красавица. счастливая дюшесса
Во цвѣтѣ юности осталась вдругъ вдовой!
Ей съ окончаніемъ стариннаго процесса,
Полвѣка длившагося съ мужниной родней,
Какъ своевременно о томъ кричала пресса,
Достался капиталъ чудовищно большой:
Въ центральной Индіи права большого сбора,
Лѣса въ Австраліи и копи Лабрадора!

Такихъ большихъ богатствъ и нѣтъ на континентѣ!
Такой красавицы Богъ дважды не творилъ!

Съ ней встрѣтясь какъ-то разъ случайно въ Агригентѣ,
Король Неаполя,—тогда покойникъ жилъ,—
Какъ былъ одѣтъ— въ штанахъ, въ плюмажѣ, въ яркой лентѣ,
Узрѣвъ, разинулъ ротъ, безсмысленно застылъ,
И съ самой той поры,—объ этомъ слухъ остался,—
Тотъ королевскій ротъ совсѣмъ не закрывался!

Дюшесса въ Англіи была высоко чтима.
Аристократка вся, отъ головы до пятъ,
Самой Викторіей отъ дѣтскихъ лѣтъ любима,
Съ другими знатными совсѣмъ не зауряд,
За умъ свой и за тактъ, за блескъ превозносима!
Сіялъ спокойствіемъ ея лазурный взглядъ,
И, какъ о рыцаршѣ безъ страха и упрека,
Шла слава о вдовѣ широко и далёко!

И возгордилися всѣ предки Монгомеди,
Въ гробницахъ каменныхъ покоясь подъ землей,
Такой прелестнѣйшей и нравственной миледи,
Явившейся на свѣтъ отъ крови имъ родной!
Французскій дворъ тѣхъ дней, ближайшіе сосѣди,
Могъ позавидовать красавицѣ такой —
Созданью граціи, преданій, этикета,
И ренты трехъ частей платившаго ей свѣта!

Дюшесса это все, конечно, понимала,
И, какъ повѣдаетъ объ этомъ нашъ разсказъ,
Себѣ не только то порою позволяла,
Что не шокировало самыхъ строгихъ глазъ,—
Но также многое, что въ службѣ идеала

Въ британскомъ обществѣ, почти какъ и у насъ,
Не допускается, считаясь неприличнымъ.
Пригоднымъ челяди, лакеямъ и фабричнымъ.

И стали говорить тихонько и секретно,
Кой-гдѣ, украдкою и въ откровенный часъ,
Что герцогинѣ той понравился замѣтно
Красавецъ писаный, пѣвецъ, извѣстный басъ,
Что чувство это въ ней совсѣмъ не безотвѣтно,
Но ловко спрятано отъ постороннихъ глазъ;
Что года два назадъ въ Помпеѣ повстрѣчались,
И что отъ той поры совсѣмъ не разставались.

Тотъ басъ—красавцемъ былъ, и рослый, и могучій,
И въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, и въ силѣ мастерства!
А голосъ бархатный, какъ-бы песокъ зыбучій,
Былъ мягокъ и глубокъ! Когда онъ пѣлъ—слова
Осиливать могли оркестръ и хоръ трескучій;
И чудно на плечахъ торчала голова,
Когда красивый ротъ пускалъ свою октаву!
И вправду онъ умѣлъ пускать ее на славу.

Басъ въ оперу попалъ, какъ говорятъ, отъ плуга!
Но былъ онъ не глупцомъ, со смѣтливымъ умомъ,
Онъ скоро въ обществѣ отборнѣйшаго круга
Съумѣлъ не погрѣшать рѣшительно ни въ чемъ!
Совсѣмъ безъ ухарства, но также безъ испуга
Являлся онъ въ любой, хоть въ королевскій, домъ.
И скоро онъ прослылъ по всѣмъ своимъ манерамъ
Вполнѣ законченнымъ, отмѣннымъ кавалеромъ.

Съ такими деньгами, какія части свѣта,
По днямъ, по мѣсяцамъ, а чаще по третямъ,
Къ миледи птичками слетались—слабость эта
Ея къ баснстому кумиру многихъ дамъ
Была, какъ пѣсенка удачная, запѣта,
Неслась, какъ лодочка по шелковымъ волнамъ
И обезпеченно, и вовсе не опасно,
Отъ всѣхъ припрятана, но очень, очень ясно...

Она устроилась удачно и толково:
Имѣла въ Лондонѣ различныхъ пять квартиръ,
Всѣ въ полной роскоши отдѣланы ab ovo;
Одна красивѣй всѣхъ: до мелочей—Empire!
Все было въ нихъ всегда принять ее готово.
Царили въ нихъ во всѣхъ спокойствіе и миръ:
И тамъ она себя служенью посвящала
Совсѣмъ обычнаго, другого идеала..

Хитрѣе всѣхъ другихъ была одна квартира:
Въ нее велъ узкій ходъ изъ церкви и туда,
Изъ области молитвъ, смиренія и мира,
Легко было пройти, укрыться безъ слѣда!
Пасторъ былъ умницей, не признавалъ кумира,
Но былъ со слабостью къ мірянамъ иногда!
Онъ былъ съ дюшессою вполнѣ, вполнѣ любезенъ
И милостивъ къ грѣху, да и семьѣ полезенъ!

И съ той-же цѣлію высокой, герцогиня
Облюбовала вдовъ и нищенскихъ дѣтей!
Благотворительность, какъ нѣкая святыня,—
Такъ утверждали всѣ,—была по сердцу ей!

Своихъ обязанностей вѣрная рабыня
И въ тускломъ свѣтѣ дня, и въ темнотѣ ночей,
Она по сиротамъ и вдовамъ разъѣзжала
И въ эти именно объѣзды исчезала...

И шло прекрасно все! Миледи оставалась
Непогрѣшимою, вездѣ во всемъ вольна!
Она всегда, вездѣ, повсюду принималась,
И—уваженіемъ людей окружена—
Всегда величественно, кротко улыбалась,
Всегда безтрепетна, сознательно пышна,
И—какъ бы раутъ ни былъ гордъ, богатъ и знатенъ—
Безъ Монгомеди былъ онъ пустъ и непонятенъ.

Ей много дѣлалось повсюду снисхожденья,
Отъ всѣхъ и вся, съ различнѣйшихъ сторонъ!
Такъ, если только ей пошлется приглашенье
На балъ—тогда и басъ туда-же приглашенъ!
Конечно, какъ артистъ, не болѣе, для пѣнья,
За что умѣлъ взимать большіе куши онъ...
Держа себя всегда съ совсѣмъ отмѣннымъ тактомъ,
Онъ съ ней не говорилъ ни слова по антрактамъ!

И все-бы это такъ, конечно, долго длилось
Когда-бъ не странный вдругъ у женщины капризъ!
Къ поступку дикому миледи устремилась!
Она поставила вдругъ головою внизъ
Всѣ, всѣ приличія... Ужасное случилось!
Она потребовала отъ него: женись!
Конечно, мощный басъ за это ухватился
И гдѣ-то въ Швабіи, дѣйствительно, женился...

Увы, преступницей явилась Монгомеди!
Вернулась въ Лондонъ съ мужемъ; стали жить... Куда!
Не принимаютъ больше славную миледи
Ни дворъ, ни прочіе большіе господа...
Добро: нашлись у нихъ хорошіе сосѣди —
Парижъ! поѣхали, чтобъ тамъ вкушать плода
Отъ утвердившихся законно отношеній...
О фактѣ можно быть весьма различныхъ мнѣній!